ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ

В.Ю. Бельский,
А.А. Беляев, Д.Г. Лощаков

Социология

УЧЕБНИК

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ
серия основана в 1996 г.

В.Ю. БЕЛЬСКИЙ, А.А. БЕЛЯЕВ, Д.Г. ЛОЩАКОВ

СОЦИОЛОГИЯ

УЧЕБНИК

Рекомендовано
Министерством образования
Российской Федерации в качестве учебника
для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по специальности «Социология»

Москва
ИНФРА-М
2002

УДК 316(075.8)
ББК 60.5я73
Б44

Материалы учебника подготовлены:
***Бельским В.Ю.**, доц.* (гл. II, IV, V);
***Беляевым А.А.**, доц.* (гл. I, III, VII, IX);
***Лощаковым Д.Г.**, доц.* (введение, гл. II, VI, VIII, X)

Рецензенты:
***Липский В.Н.** — д-р фил. наук, проф.*;
***Ануфриев Е.А.** — д-р фил. наук, проф.*

Бельский В.Ю., Беляев А.А., Лощаков Д.Г. Социология: Учебник / Под ред. канд. фил. наук, доц. Д.Г. Лощакова. – М.: ИНФРА-М, 2002. – 304 с. — (Серия «Высшее образование»).

Б44

ISBN 5-16-000917-5

В учебнике рассматриваются важнейшие понятия и концепции социологии, которые дают общее представление об устройстве общества и основах его научного анализа. Материал подготовлен с учетом результатов работ отечественных и зарубежных социологов.

Учебник соответствует требованиям Государственного стандарта юридического образования для вузов и предназначен для студентов и преподавателей вузов.

УДК 316(075.8)
ББК 60.5я73

ISBN 5-16-000917-5 © Коллектив авторов, 2002

435837

Sa[illegible]KI
KUTUBXONASI

ВВЕДЕНИЕ

В последнее десятилетие в России происходят глубокие структурные изменения, которые затрагивают все сферы общественной жизни — экономику, политику, науку и образование. В рамках общей и профессиональной подготовки кадров возрастает удельный вес общественных и гуманитарных дисциплин, призванных помочь молодому специалисту надежно ориентироваться в сложной системе противоречий современного мира.

Социология изучает социальные механизмы и связи, которые лежат в фундаменте общественной жизни и так или иначе касаются всех людей, общностей или организаций, но при этом чаще всего скрыты от непосредственного наблюдения и не всегда могут быть поняты с позиций так называемого здравого смысла. Чтобы понять эти механизмы и связи, социология использует особые приемы и методы, и прежде всего — методы конкретно-социологических исследований, которые позволяют ей проникать в глубь социальных явлений.

Знание внутренних механизмов происходящих в обществе изменений важно для любого гражданина, который стремится строить свою жизнь сознательно и не хочет быть «игрушкой в руках обстоятельств». Но в первую очередь социологическое знание необходимо тем категориям специалистов, которые по роду своей деятельности работают с людьми. Сотрудники правоохранительных органов принадлежат именно к такой категории специалистов.

Социология способна дать работникам органов внутренних дел знания, необходимые им для осознанного выполнения своих профессиональных функций: представления об устройстве общества и его социальных институтах, включая институт охраны правопорядка; знание механизмов реального функционирования социальных, правовых норм в обществе; понимание движущих сил человеческого поведения и его возможных социальных последствий; умение разбираться в причинах девиантного поведения и др. Иными словами, социология не ограничивается формированием общего кругозора сотрудников правоохранительных органов, а дает им знания, способные помочь при решении конкретных задач, связанных

с профилактикой правонарушений и борьбой с ними. Все это придает особый статус социологическому знанию вообще и социологии как учебной дисциплине в частности, которые следует рассматривать как важные составляющие профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел.

Настоящее учебное пособие нацелено на формирование у курсантов и слушателей целостного представления о строении общества и протекающих в нем процессах и выработку начальных навыков самостоятельного научного анализа социальных явлений.

Первые три главы пособия посвящены методологическим вопросам. В них рассматриваются история возникновения и развития социологии, структура современного социологического знания и основные направления использования конкретных социологических исследований в деятельности органов внутренних дел.

В последующих главах пособия изложены основы социологической теории. В главе IV дается общее представление о социальной системе и социальной структуре общества. В V—IX главах обстоятельно рассматриваются базовые составляющие общественной системы (личность, семья) и важнейшие виды социальной структуры общества (социально-демографическая, территориально-поселенческая, национально-этническая и стратификационная).

Десятая, заключительная, глава посвящена социальной динамике, — универсальным механизмам и разновидностям социальных изменений, действующим во всех сферах общественной жизни.

Структура и объем учебного пособия соответствуют требованиям Государственного стандарта юридического образования для вузов и рабочей программе по социологии. Оно написано на основе разработок отечественных и зарубежных ученых в области социологии. Изложение теоретического материала дается в тесной связи с анализом наиболее острых социальных проблем развития современного российского общества, использованием статистических данных и материалов конкретных социологических исследований последних лет.

При подготовке учебного пособия учитывались знания, полученные курсантами по философии и культурологии, а также межпредметные связи социологии с такими учебными дисциплинами, как психология и педагогика правоохранительной деятельности, теория государства и права, криминология, политология и др.

ГЛАВА I

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

1. «Досоциологический» этап познания общества. Исторические условия возникновения социологии

История социологии — необходимый элемент социологической науки и включает в себя историю становления ее предмета, методов, понятийного аппарата, историю ее институционализации, формирования структуры данной науки, сферы практического применения, а также соотношение разных школ и течений в социологии.

Знание истории социологии позволяет лучше понять, для решения каких практических задач возникла новая наука, с какими науками она генетически связана, как изменилось толкование предмета социологии с середины XIX в. до наших дней. Поэтому в данном учебном пособии глава по истории социологии предшествует главе, посвященной структуре социологического знания и месту социологии в системе общественных наук: вначале предмет социологии рассматривается исторически и генетически, затем – теоретически.

Социология как самостоятельная наука о закономерностях функционирования и развития социальных систем возникла в середине XIX в. не потому, что появился новый объект исследования, а потому, что существовавшие в тот период науки об обществе — прежде всего социальная философия – столкнулись с методологическими проблемами, которые невозможно было решить в рамках существовавшей системы научного знания.

Первая половина XIX в. – эпоха перехода ведущих европейских стран (Англии, Франции и др.) от традиционного аграрного общества к индустриальному. Бурный рост промышленности в городах

привел к интенсивной миграции сельского населения в индустриальные центры и обострению социальных проблем: бездомности, нищеты, преступности, безработицы. Органы управления столкнулись с ситуацией, в которой традиционные структуры и методы управления оказались малоэффективными, а обострение социальных противоречий неизбежно вело к социальному взрыву, как это произошло в различных европейских столицах во время революций 1848 г. В таких исторических условиях сформировался «социальный заказ» на «позитивную» науку об обществе, которая могла бы служить инструментом для его реформирования и решения острых социальных проблем.

Социологическое видение мира предполагает осознанную установку на изучение реально существующих общественных отношений и отказ от конструирования идеальных форм общественного устройства. В отличие от социальной философии, решающей, прежде всего, мировоззренческие вопросы о первоначалах социальной жизни, об отношении общества к природе, индивида к обществу и т. д., социология изучает закономерности возникновения и развития конкретных человеческих сообществ. При этом, в отличие от философии, социология включает в себя «полный цикл» производства научного знания: от эмпирических методов сбора первичной социальной информации до общей теории развития социальных систем. В отличие от социальных наук, изучающих отдельные сферы общественной жизни — экономической теории, политологии, юридических наук, — социология рассматривает общество как целостную систему и исследует общие закономерности возникновения, развития и функционирования социальных систем различного масштаба (от компании любителей домино до Организации Объединенных Наций). Идейно-теоретические предпосылки социологического знания сформировались задолго до появления термина «социология» в рамках социальной философии и философии истории, а также по мере развития естественных наук и эмпирических «социальных обследований».

У истоков европейской социологической традиции стоит Аристотель — великий философ античной эпохи, живший в IV в. до н.э. Предложенная им теория общественного устройства основывалась на обобщении богатого эмпирического материала — описания конституций и исторического развития 158 греческих городов-государств. В отличие от своего учителя Платона, выводившего идеальную модель общества посредством дедуктивного метода из идеи общего блага, Аристотель строил свою модель на основе анализа и классификации реально существовавших типов обществ.

Он положил начало исследованию индуктивного метода, который широко используется по сей день как в естественных науках, так и в социологии. Однако Аристотеля нельзя считать родоначальником науки об обществе по одной причине — в своих трудах он не различал понятия «общество» и «государство», их разграничение произошло значительно позднее. Наука о политике и социология в его работах тесно переплетены, их невозможно отделить друг от друга и от философии, в рамках которой эти области знания существовали в античную эпоху.

Идея выделения социологии в самостоятельную науку о «цивилизации и человеческом обществе» зародилась задолго до ее фактического размежевания с философией: впервые об этом писал в XIV в. арабский историк и социолог Ибн-Хальдун. Он считал, что такая наука принесет огромную пользу, так как позволит предвидеть события, которые могут случиться в будущем. Важное влияние на западноевропейскую научную мысль оказали его идеи о зависимости жизни людей от географических и других материальных (естественных) факторов. В Европе они были «открыты» лишь в XVIII в.

Уже в XVII в. впервые в теориях «социальной физики» возникает идея о том, что общество — это система. Социальные философы той эпохи рассматривали общество как часть природы (например, «естественное право» у Т. Гоббса) и стремились применять в его исследовании естественнонаучные методы. Взяв за образец научного знания математику, астрономию и механику, мыслители XVII в. с помощью широких дедуктивных построений стремились свести многообразие социальных фактов к небольшому числу общих законов, достоверность которых не вызывала сомнений. Представления об обществе строились на аналогиях с астрономическими системами, где все элементы связаны силами притяжения и отталкивания. Очень скоро ученые убедились, что абстрактные механистические модели общества входят в противоречие с жизнью.

Социальная философия XVIII в., ориентировавшаяся не на астрономию и геометрию, а на ньютоновскую физику, была уже не столь механистична и более осторожна в своих обобщениях.

Мыслители эпохи Просвещения сравнивали общество с машиной, в которой каждый член общества — часть огромного механизма, основанного на строгом разделении труда и рациональном обмене ценностями. Используя данную модель, философы стремились выявить закономерности в бесконечном многообразии обычаев, нравов, традиций, идей, социальных институтов.

Великие географические открытия приводят к развитию этнографии и антропологии (работы Ж.Л. Бюффона). Сравнительные

исследования истории европейских и «примитивных» народов способствуют утверждению в научном сообществе идеи общественного прогресса. Впервые она высказана в работах французских просветителей А.Р. Тюрго и Ж.А. Кондорсе. Просветительская теория прогресса, сыгравшая роль идеологического обоснования наступающей буржуазной эпохи, во многом подготовила эволюционистские схемы в социологии XIX в.

В эпоху Нового времени сформировалась концепция гражданского общества, произошло разграничение понятий «общество» и «государство», что создало важные предпосылки для выделения предмета социологической науки.

В XVIII в. социальные мыслители рассматривали хозяйственно-экономическую жизнь независимо от политики. Если физиократы исходили из принципа автономности экономики по отношению к государству и праву, то Ж.Ж. Руссо, выявив значение экономических отношений собственности, вплотную подошел к решению проблемы социального неравенства в развитии общества. В конце XVIII в. вошли в употребление понятия «класс» и «классовая борьба», получившие в социологии XIX–XX вв. широкое распространение.

Параллельно спекулятивной философии истории в XVII–XVIII вв. начали развиваться эмпирические социальные исследования, прежде всего — социальная статистика. Вырастая из практических потребностей управления, эти исследования первоначально были методически несовершенны и проводились локально, но постепенно они набрали размах и силу. Во Франции была разработана техника массовых статистических опросов и хозяйственных переписей. Английские «политические арифметики» XVII в. (У. Петти, Дж. Граунт, Э. Галлей и др.) заложили основы современной демографии, выработав методы количественного исследования социальных закономерностей. Характерно, что в числе родоначальников эмпирической социологии были многие выдающиеся естествоиспытатели, например Галлей, Лаплас, Бюффон, Лавуазье; изучение ими социальных процессов было органически связано с их естественнонаучной деятельностью. Они не только переносили в социальную сферу методы, разработанные в естественных науках, но и разрабатывали новые общенаучные методы на материале общественных наук. Так, работа Лапласа «Философские очерки о вероятностях» (1795 г.) в значительной мере основывается на результатах социально-демографических исследований.

В начале XIX в. спекулятивной социальной философии всюду противопоставлялась идея научного, «положительного» исследования общественной жизни. Ускорялся процесс дифференциации

в общественных науках: вслед за юриспруденцией и историей от философии отделились политэкономия, этнография, статистика, языкознание. В связи с дифференциацией возникла потребность в интегрирующей науке об обществе и человеке, основанной на иных, не спекулятивных принципах.

Катализатором, инициировавшим размежевание социологии и философии, стала Великая Французская революция. Ужасы революции, якобинский террор, многочисленные жертвы гражданской войны и завоевательных походов Наполеона ставились «в вину» принципам и идеям философии Просвещения. Именно тогда встал вопрос о радикальном реформировании учения об обществе и поиске новых методов изучения общественной жизни. Многие ученые-обществоведы обратили свое внимание на принципы и методы исследования, разработанные в естественных науках.

2. Классический период в развитии социологии

Предмет новой науки сложился не сразу. В 40–50-х гг. XIX в. Огюстом Контом, Гербертом Спенсером и Карлом Марксом были определены (хотя и с разных методологических позиций) общие контуры и заложены основы будущей науки об обществе, в 70–90-х годах XIX в. и в первые десятилетия XX в. началось ее бурное строительство: сложился понятийный аппарат социологии, определилась ее структура, наука приобрела свои специфические методы, были написаны научные труды, принесшие социологии известность и общественное признание. Именно поэтому названный отрезок времени получил в истории социологии название «классического» периода.

Одним из первых, кто встал на точку зрения первенства естественнонаучных принципов в познании общественной жизни, был Сен-Симон — один из представителей доктрины «критически-утопического социализма». По его мнению, рациональная система социологического знания должна была служить орудием для создания нового общества — более справедливого, чем возникший в результате французской буржуазной революции капитализм. Сен-Симон оказал (хотя и в разной степени) идейное влияние на двух известных ученых, создателей современной социологии — Карла Маркса и Огюста Конта. Последний с 1817 по 1824 г. работал у Сен-Симона личным секретарем и заимствовал многие его идеи.

Огюст Конт (1798–1857) не только дал название новой науке об обществе — «социология», но и неожиданно резко противопоставил ее философии. Основная идея Конта — отделение науки

от «метафизики» и теологии. Истинная («позитивная») наука должна отказаться от «неразрешимых» вопросов, т. е. таких, которые невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть, опираясь на факты, доступные эмпирическому наблюдению. Подобная точка зрения была вскоре поддержана многими учеными — представителями естественных наук и некоторыми обществоведами и получила в истории науки название «позитивизм».

Специфика социологического подхода к общественной жизни по Конту состоит в том, что он представляет собой теоретическое исследование законов социальных явлений с помощью общенаучных методов — наблюдения, эксперимента, сравнения, исторического и генетического методов, а не философской рефлексии. Социология тесно связана с другими науками, в том числе и естественными, так как входит в единую систему знания. Иерархия основных наук выглядела у О. Конта так: математика — астрономия — физика — химия — биология — социология. По его мнению, каждая последующая ступень развития знания — наука более высокого порядка — должна была основываться на законах, открытых на предыдущих ступенях; но не сводиться к ним, поскольку объясняла более сложный круг явлений.

Социологическая теория Конта состоит из двух частей: «социальная статика» и «социальная динамика». Главный вопрос социальной статики — природа социальных связей, характер взаимоотношений между элементами социального организма, который не зависит от времени и исторических условий. В этом контексте О. Конт употребляет понятие «система», проводя аналогию между обществом и биологическим организмом. Социальная динамика объясняет процесс развития общества. Первичный фактор социальной динамики — духовное, умственное развитие. К вторичным Конт относил климат, расу, среднюю продолжительность человеческой жизни, прирост населения, обусловливающий разделение труда и пробуждающий развитие интеллектуальных и моральных черт человека. По мнению французского ученого, вся история человечества описывается «законом трех стадий»: каждое общество в своем духовном развитии проходит три этапа-стадии: теологическую, когда в обществе господствуют религиозные представления; метафизическую, при которой ведущую роль играет философия; и «позитивную», при которой научное знание законов общественной жизни становится основой социальной политики.

При жизни О. Конта его идеи не оказали заметного влияния на научное сообщество. Позитивизм во Франции был известен не столько как социально-философское, сколько как религиозно-

сектантское учение. Социально-философская доктрина французского ученого получила общественное признание в Англии: ориентация позитивизма на методы точных наук хорошо согласовывалась с традициями английского эмпиризма. Позитивистское направление в социологии получило дальнейшее развитие в работах Дж. Стюарта Милля и Г. Спенсера.

Английский инженер, публицист и ученый Герберт Спенсер (1820–1903) явился основателем так называемого «натуралистического» («организмического») направления в позитивистской социологии.

Появление органического направления в социологии прямо связано с успехами и признанием появившейся в тот период в биологии эволюционной теории Ч. Дарвина, которая заставила ученых обратить внимание на тот простой факт (игнорировавшийся ранее вследствие господства теологического мировоззрения), что между человеком и животным имеется не только различие, но и сходство, что человек — продукт длительной биологической эволюции и одно из звеньев ее цепи. Эволюционная теория стала одним из основных факторов идейного климата второй половины XIX в. Эволюционизм как ведущее направление общественной мысли того времени опирался на представление о единстве законов истории природы и человека, о единстве метода естественных и общественных наук и соответствовал методологическим принципам позитивизма.

Герберт Спенсер рассматривал социальную эволюцию как продолжение биологической эволюции и, вслед за Контом, проводил аналогию между обществом и живым организмом. Так, по мнению Спенсера, в отличие от неорганической материи, общество, как и биологический организм, с течением времени растет, увеличивается в объеме (например, малые государства превращаются в империи); по мере роста общества его структура усложняется так же, как усложняется структура организмов в процессе биологической эволюции; как в биологических, так и в социальных организмах усложнение их структуры сопровождается дифференциацией функций и усилением взаимодействия отдельных элементов между собой. Внутри общества Г. Спенсер выделял три подсистемы: поддерживающую, обеспечивающую производство средств для жизни (экономику); распределительную (коммуникации, обмен товаров, разделение труда); регулирующую, обеспечивающую подчинение отдельных частей целому (государственная власть).

Степень строгости и масштабы внутреннего управления являлись для Спенсера признаками различия между типами обществ.

Он выделял общества «военные» и «индустриальные». В «военном» типе общества важнейшим видом деятельности является захват чужих и защита своих территорий, оно характеризуется сильным централизованным контролем и строгой иерархией власти. Индивид в таком обществе принудительно подчиняется социальному целому. В «индустриальном» обществе преобладающими являются промышленность и торговля, социальная организация становится более гибкой, возрастает роль добровольных объединений, государственная власть рассматривается в таком обществе как выражение воли индивидов.

По мнению Г. Спенсера, прогресс в истории человечества заключается в движении обществ от «военного» типа к «индустриальному», от подчинения индивида обществу к личной свободе и добровольному объединению с другими людьми. Со временем спенсеровская концепция «однолинейной» эволюции, т. е. непрерывного поступательного движения обществ, модифицируется в теорию усложненной «многолинейной» эволюции, предполагающей в отдельных случаях даже возможность социальной деградации.

Для объяснения процесса социальной эволюции Спенсер, подобно Дарвину, выдвинул идею «естественного отбора» наиболее приспособленных. Увеличение населения стимулирует все большую социальную активность: требуется все большая изобретательность, чтобы выжить. Наименее развитые группы и индивиды «вымирают», поэтому общий уровень развития и интеллекта должен постепенно возрастать. Выживут лишь те, кто превосходит других в интеллектуальном отношении. Но этот прогрессивный эволюционный механизм разрушится, если будет допущено государственное вмешательство.

Социологическая теория Спенсера является предшественницей структурного функционализма. Спенсер первым применил в социологии понятия «структура», «функция», «социальная система», «социальный институт» и «социальный контроль». Изменения в структуре, по его мнению, не могут происходить без изменения функций: увеличение размеров социальных единиц неизбежно пробуждает в них прогрессирующую дифференциацию социальной активности, естественное разделение труда.

Труды Г. Спенсера были очень популярны во второй половине XIX в., на базе его теории сложилось несколько научных течений, каждое из которых выдвигало на первый план те или иные природные факторы в качестве движущих сил социального развития. Так, биоорганическая школа (А. Шеффле, А. Фуллье, Р. Вормс) особое значение придавала структуре социального целого, расово-

антропологическая (Ж. Габино, Х. Чемберлен, О. Аммон) — влиянию биологической природы человека, его расовых черт и генотипа на общественную жизнь, социальный дарвинизм (Л. Гумпилович, А. Смолл, У. Самнер) — борьбе за существование и естественному отбору.

Параллельно с социал-органицистским направлением в позитивистской социологии к концу XIX в. складывается и получает широкое распространение новое направление — психологическое. Его появление связано как с успехами экспериментальной психологии, так и с выявившимися ограничениями биолого-натуралистического подхода.

В развитии психологической школы в социологии различают следующие самостоятельные направления: «психология народов» (М. Лацарус, Х. Штейнталь) тесно связанная с этнографией; групповая психология (Г. Лебон, Г. Тард) и, наконец, интеракционизм (Ч.Х. Кули, Дж.Г. Мид), делающий первичной единицей социологического исследования межличностное взаимодействие.

«Психология народов» была одной из первых попыток концептуализировать и начать конкретное исследование взаимодействия культуры и индивидуального сознания. Ценна была, прежде всего, сама установка на сближение психологических, этнографических, лингвистических, историко-филологических и антропологических исследований.

В конце XIX в. становилось все яснее, что ни психология индивида, ни абстрактный «народный дух» не способны дать ключ к пониманию социальных явлений. Отсюда растущий интерес к изучению непосредственно явлений группового, массового поведения и тех психологических и социальных механизмов, которые делают возможными передачу социальных норм и верований и адаптацию индивидов друг к другу.

По мнению Гюстава Лебона (1841–1931), европейское общество вступило в новый период своего развития — в «эру толпы», когда разумное критическое начало, воплощенное в личности, подавляется иррациональным массовым сознанием.

Групповая психология конца XIX – начала XX вв. не исчерпывалась, однако, спекулятивными построениями этого типа. Исследованию подвергались не только аморфная «толпа», но и конкретные человеческие группы, диады и триады, а также сами процессы межличностного взаимодействия – такие, как психическое заражение, внушение и подражание.

Элементарное социальное отношение, по Габриэлю Тарду (1843–1904), — передача или попытка передачи верования или желания.

Простейшая модель этого — состояние гипнотического сна («Общество — это подражание, а подражание — своего рода гипнотизм»).

Всякое нововведение, считает он, является продуктом индивидуального творчества. Единственный источник последнего — творческий акт воображения одаренной личности. Успешная адаптация новшества вызывает волну повторений, принимающих форму «подражания». Наблюдения Тарда во многом предвосхитили дальнейшее развитие теории массовых коммуникаций и психологии общения.

Теория подражания выходит за рамки интрапсихических процессов, делая предметом и единицей социологического исследования не отдельно взятого индивида, а процесс межличностного взаимодействия.

Попытку соединить психологизм с органицизмом сделала зародившаяся в США интеракционистская школа в социологии (Чарльз Хортон Кули, Джордж Герберт Мид). В центре ее внимания стоит процесс взаимодействия индивидов. Отсюда и название теории — «интеракция», в переводе на русский означает «взаимодействие». Личность, выступающая субъектом этого взаимодействия, понимается не как абстрактный индивид, а как социальное существо, принадлежащее к определенным социальным группам и выполняющее какие-то социальные роли. Противопоставление индивида и общества уступает место идее их взаимопроникновения.

Отказавшись от биологизации общества, психосоциологи пытались преодолеть ограниченность эволюционизма; их теоретические концепции приобретали все более аналитический характер. Важнейшим положительным результатом этого было рождение социальной психологии как самостоятельной дисциплины, хотя, возникнув на стыке социологии и психологии, эта новая дисциплина еще долго не имела четко очерченного предмета, тяготея поочередно к обеим своим «прародительницам».

Продолжателем контовской традиции в конце XIX — начале XX вв. явился французский ученый Эмиль Дюркгейм (1858–1917), который немало сделал для утверждения социологии как самостоятельной науки. Его доктрина получила название «социологизм».

К числу общих условий, необходимых для превращения социологии в самостоятельную науку, он относил наличие особого предмета, изучаемого исключительно данной наукой, и соответствующего метода исследования. По мнению Э. Дюркгейма, социолог изучает особую социальную реальность, которая не сводится ни к природно-биологической основе общества, ни к психологии

индивидов. В конкретной исследовательской практике «социологизм» означал для Дюркгейма необходимость изучения «социального через социальное», т. е. объяснение всех социальных феноменов социальной средой их существования. Элементами этой особой социальной реальности являются социальные факты.

Под социальным фактом он подразумевал всякий образ действия, способный оказывать давление на индивида и существующий вне его и независимо от него. Такими социальными фактами являются «коллективные представления» — законы, обычаи, правила поведения, язык, религиозные верования, общественные институты и многое другое, что всякий человек застает, начиная жизнь, и что существует независимо от него, объективно. Объективность существования социальных фактов позволяет изучать их «как вещи», т. е. методами, аналогичными методам естественных наук — через наблюдение, сравнение, эксперимент.

В концепции Э. Дюркгейма социология занимает центральное место среди общественных наук. Ее задача — не только исследование социальных фактов. Социология вооружает все другие общественные науки методом и теорией.

Ядро социологической теории Э. Дюркгейма образует теория «социальной солидарности». Изучению этой проблемы посвящен его главный труд «О разделении общественного труда». Французский социолог считал, что главной задачей социологии является определение природы социальных связей и механизмов, обеспечивающих социальную интеграцию. Анализируя эволюцию общества, Э. Дюркгейм выделил два основных типа социальных связей, которым соответствует общество с «механистической солидарностью» и общество с «органической солидарностью».

Прототипом первого является архаическое общество, в котором действия и поступки людей однородны, подобны поведению молекулы в механическом агрегате. Такое общество стремится целиком подчинить себе индивида, полностью детерминирует его сознание и поведение. Общественная солидарность обеспечивается высокой степенью интенсивности общественного сознания, пронизанного религиозными верованиями, обычаями, традициями, жестко регулирующими поведение индивида.

Совсем иная картина наблюдается в современном обществе с органической солидарностью. Социальная сплоченность здесь обеспечивается общественным разделением труда и экономическими взаимосвязями индивидов. Интегративная роль общественного сознания здесь значительно слабее, так как религиозные верования и обряды не играют прежней роли. В этом обществе индивид

существует в значительной мере независимо от общества, что обеспечивает ему свободу и автономию. В то же время современное общество менее стабильно, чем архаическое. В классификации типов обществ Э. Дюркгейма без труда можно обнаружить черты сходства с классификацией обществ Г. Спенсера, хотя методологические позиции последнего он подвергал критике.

Конкретным применением метода «социологизма» явилось социологическое исследование самоубийства на основе многолетних статистических наблюдений в нескольких странах Европы. Исходя из принципов своей доктрины, Э. Дюркгейм видел решающую причину самоубийств, как и любых других форм социальной патологии, в характере социальной среды, точнее в степени и интенсивности коллективных связей и механизмов социальной интеграции. Опираясь на большой фактический материал, Дюркгейм обосновывал мысль о том, что чем выше уровень и интеграция общества, тем ниже уровень самоубийств и наоборот. На основе данного исследования французский ученый ввел в научный оборот понятие «аномия» — безнормность, беззаконие. Аномия — такое состояние общества, которое характеризуется ослаблением моральной регуляции поведения, неэффективной деятельностью основных социальных институтов, социальными конфликтами. Дюркгейм считал состояние аномии неизбежным при переходе от обществ с механической солидарностью к обществам с органической солидарностью. Работа Э. Дюркгейма «Самоубийство. Социологический этюд» фактически заложила основы социологического изучения преступности и других форм девиантного поведения.

С именем Дюркгейма связан также процесс институционализации социологии на европейском континенте, начало ее преподавания как самостоятельной учебной дисциплины. Наконец, отмечая роль Э. Дюркгейма в развитии социологии нельзя не сказать о нем как об основателе самостоятельной научной школы, объединившей ученых вокруг журнала «Анналы социологии» (издавался с перерывами с 1898 по 1927 г.).

Важный вклад в развитие математических и статистических методов в социологии, а также в формирование логического аппарата новой науки внес итальянский экономист Вильфредо Парето (1848–1923). Поддерживая в целом концепцию общественной науки, созданную основоположниками позитивизма — Контом, Миллем и Спенсером, Парето справедливо критиковал их за непоследовательность в проведении принципа эмпирической обоснованности знания.

Стремясь сделать социологию такой же точной наукой, как физика, химия и астрономия, он предлагал пользоваться только

эмпирически обоснованными описательными суждениями, строго соблюдая логические правила при переходе от наблюдений к обобщениям. Этические и вообще ценностные элементы в теории, по мнению Парето, всегда ведут к искажению, фальсификации фактов и поэтому подлежат устранению.

Понятие причинности, поскольку оно выражает отношение, которое нельзя наблюдать, он требовал заменить понятием функциональности, а причинное объяснение — функциональным. Поскольку каждое социальное явление — функция многих переменных, социальная теория должна принимать во внимание все факторы, действующие в обществе, и устанавливать между ними отношения постоянных функциональных зависимостей. Идеи В. Парето нашли дальнейшее развитие в эмпирической социологии XX в.

В конце XIX – начале XX вв. позитивистское направление в социологии было самым представительным, но не единственным.

Почти одновременно с О. Контом Карл Маркс (1818–1883) и Фридрих Энгельс (1820–1895) создали самостоятельную научную школу в философии, социологии, политэкономии и политической науке, разрабатывая проблемы происхождения и эволюции буржуазного («индустриального») общества.

Маркс, подобно О. Конту и сторонникам позитивистской традиции в социологии, стремился нарисовать объективную, основывающуюся на конкретных фактах, теорию общественного развития, в противоположность абстрактным и спекулятивным концепциям, но отличался от них сознательной ориентацией на философский материализм и метод, заимствованный в философии Гегеля — диалектику. В марксизме социология не противопоставлена ни философии, ни естественным наукам, а вписана в единую систему познания природы и общества; длительное время социология в марксизме существовала как часть социальной философии. В зависимости от характера взаимосвязей и уровня сложности объекта исследования марксизм различает методы частных наук и общенаучные методы. Общество рассматривается как наиболее сложный объект исследования, поскольку в нем действуют люди, наделенные сознанием и волей.

В отличие от других социально-философских и социологических доктрин своего времени К. Маркс и Ф. Энгельс использовали принципы материализма для объяснения жизни общества и развития человеческой истории. Материалистическое понимание истории предполагает рассмотрение общества как социального организма, как единой социальной системы, источник развития и формирования которой заключается, прежде всего, в ней самой, а не находится

435837

SamKI

вовне. Основу всякого общественного строя определяет уровень развития производительных сил данного общества — уровень развития технологии, характер разделения труда, уровень квалификации работников — и способ производства и обмена материальных благ, господствующий в обществе.

Утверждая определяющую роль экономических факторов в развитии общества, марксизм не отрицает влияние других факторов на ход исторического процесса. Производственные отношения — это базис, но на ход общественного развития воздействуют политические формы классовой борьбы и ее результат — государственный строй и т. п., правовые формы, политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения.

Анализ производственных отношений дал возможность сопоставить явления и процессы, происходящие в различных странах, выделить в них общие черты, подметить повторяемость явлений общественной жизни, охватить их понятием «общественно-экономическая формация». Общественно-экономическая формация — это сложившаяся на основе данного способа производства конкретно-историческая форма бытия общества. Специфический способ взаимодействия основных структур (экономической, социальной, политической, идеологической) той или иной общественной формации придает ей характер особого социального организма. Марксизм выделяет четыре реально существовавших общественно-экономических формации — первобытно-общинная, рабовладельческая, феодальная и капиталистическая — и коммунизм — перспективная форма общественного устройства, которая только складывается. Социализм при этом рассматривался как первая стадия будущей коммунистической формации. К. Маркс описывал еще один способ производства — «азиатский» — особую форму общественного устройства, распространенную в странах Востока и отличающуюся от рабовладения и феодализма, типичных для Европы, но в «официальной» идеологии марксизма, принятой в СССР, этот способ производства не признавался основой особой общественно-экономической формации.

Согласно марксизму переход от одной формации к другой происходит, как правило, революционным путем и сопровождается социальными конфликтами. По этой причине многие зарубежные авторы, пишущие по истории социологии, относят марксизм к теориям конфликтов. Согласно Марксу, экономическую основу социальных конфликтов, приводящих к революциям, составляют противоречия между уровнем развития производительных сил и характером производственных отношений. Развитие производительных

сил «подталкивает» изменения в способе производства, а вместе с ними — изменения в социальной структуре общества, а затем — изменения в «надстройке» (идеологии, форме государственного устройства, нормах права и т. д.).

К. Маркс и Ф. Энгельс внесли существенный вклад в исследование классов и социальных групп современного им капиталистического общества. Наряду с теоретическими работами в этой области, такими как «Немецкая идеология» или «Капитал» К. Маркса, их перу принадлежат труды, в которых содержится детальный анализ социально-классовой структуры и социальных конфликтов в отдельных странах Европы, например, работы К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» и «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», работа Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». Последняя книга явилась результатом проведенного автором «социального обследования», в котором использовались многие приемы и методы, типичные для современной эмпирической социологии: наблюдение, опрос, анализ статистических данных.

Социологическая теория марксизма оказала значительное влияние на мышление ученых XIX и XX вв.: марксистское понимание генезиса и природы капиталистического («индустриального») общества, марксистская теория классов и классовой борьбы, теория отчуждения и многие другие элементы марксизма стали одновременно как объектом полемики, так и подражания для различных социологических школ.

Кроме того, в течение нескольких десятилетий марксизм был господствующей идеологией на территории социалистических стран — в СССР, в странах Восточной Европы, ряде стран Азии, Африки и Латинской Америки, и оказал решающее влияние на процесс формирования в них социологической науки.

В конце XIX в. в социологии сложилось еще одно направление. Широкую поддержку оно получило, прежде всего, в Германии, где социальные науки сохранили тесную связь с немецкой классической философией. Позитивизм был подвергнут критике основателем «философии жизни» В. Дильтеем и представителями баденской школы неокантианства В. Виндельбандом и Г. Риккертом. На основе идей этих философов позже в немецкой социологии сформировалась новая методология.

Известный немецкий историк и социолог Макс Вебер (1864–1920) был одним из первых, попытавшихся сознательно применить дильтеевский и неокантианский инструментарий в практике социологических исследований.

Вебер разделял антинатурализм Дильтея и был убежден, что, изучая человеческую деятельность, нельзя исходить из тех же методологических принципов, из которых исходят представители естественных наук: отвлечься от того, что человек есть существо сознательное, не может ни историк, ни социолог, ни экономист.

По мнению М. Вебера, социология обязана учитывать субъективные аспекты социально-исторических явлений, т. е. интересы, потребности и цели человеческой деятельности, эмоции, переживания индивида, но в то же время она не может игнорировать присущие научной методологии требования объективности и эмпирической проверяемости. Социология, подчеркивал М. Вебер, должна быть ценностно-нейтральной наукой (принцип «свободы от ценностных суждений»), а ее главная задача заключается в том, чтобы понять смысл и значение человеческих действий, и с учетом их раскрывать причинные связи в поведении индивидов и социальных групп. В силу того, что Вебер уделял большое внимание методу понимания, интерпретации человеческих действий, его социологию нередко называют «понимающей» или «интерпретативной».

Но руководствоваться при изучении социальной жизни методом непосредственного «вживания», интуиции, предложенным Дильтеем, Вебер решительно отказывался, поскольку результат подобного способа изучения не обладает общезначимостью, объективностью. Согласно Веберу, основная ошибка Дильтея и его последователей — психологизм. Вместо того чтобы исследовать мир переживаний историка (или социолога), изучающего социальное явление, Вебер предлагал изучать происхождение и логику образования тех категорий, которыми оперируют ученые, ибо только выражение в форме научных понятий того, что «постигнуто интуитивно», превращает субъективный мир представлений ученого в объективный мир исторической (или социологической) науки.

Немецкий социолог стремился выработать методологию и логику формирования категорий, соответствующую специфике социального познания, что нашло свое выражение в разработанном им *методе идеальных типов.* Согласно Веберу идеальный тип есть инструмент познания, продукт творческого воображения ученого, который создается путем идеализации и мысленного синтеза наиболее значительных, типичных аспектов изучаемого явления. Идеальный тип не является отражением действительности, скорее он противостоит ей как идеальная модель, логическая конструкция. Он дает возможность ученому понять эмпирическую реальность путем соотнесения, сравнения ее с идеальным типом.

Например, согласно Веберу, построение категории идеального типа — «городское ремесленное хозяйство», предполагает выделение из многообразных исторических форм ремесленного производства в феодальную эпоху типичных, повторяющихся черт, признаков, их систематизацию, анализ взаимосвязей между этими признаками и создание логической модели организации ремесла в средневековых городах. В последующих исследованиях ученый применял эту идеальную модель для анализа новых, ранее не известных ему форм городского ремесленного хозяйства, например в Древней Индии или в Китае, выделяя их сходство с идеальным типом и отличия от него. Идеальный тип может корректироваться на основе новых данных и вновь использоваться при исследовании неизвестных ранее явлений. С каждым новым циклом происходит приращение нового знания.

Учитывая введенное неокантианцами разделение наук на идеографические (описывающие уникальные явления) и номотетические (описывающие повторяющиеся явления, закономерности), М. Вебер выделял две разновидности идеальных типов: генетические, используемые в исторической науке для анализа уникальных событий, и социологические (чистые) идеальные модели, встречающиеся во все исторические эпохи в любой точке земного шара. Поскольку задача социологии — устанавливать *общие правила событий* безотносительно к их пространственно-временному определению, то Вебер относит ее к наукам номотетическим.

В отличие от Э. Дюркгейма, признававшего реальность различных форм группового сознания («коллективных представлений»), М. Вебер придерживался номиналистической точки зрения на общественную жизнь, полагая, что все социальные явления, в конечном счете, складываются из различных сочетаний индивидуальных действий, и любая попытка рассматривать общие понятия, такие, как, например, государство, экономическая формация и др. в качестве реальных исторических сущностей, является ошибочной. Поэтому понимание смысла и значения человеческих действий есть исходная предпосылка социологического исследования. Однако не все действия, по Веберу, можно считать социальными. Действие считается социальным только в том случае, если, во-первых, имеется мотивация действия и, во-вторых, оно ориентировано на других людей, на их ожидание.

М. Вебер выделял четыре основных типа социальных действий: 1) целерациональное, в котором имеет место соответствие целей и средств действия; 2) ценностно-рациональное, в котором действие

совершается ради какой-то ценности (религиозной, моральной и др.); 3) аффективное, базирующееся на эмоциональных реакциях людей; 4) традиционное, происходящее в соответствии с традициями и обычаями.

Вебер считал, что в процессе развития европейской цивилизации имеет место усиление рационалистических начал в жизни общества, особенно в таких областях, как экономика, наука, политика и даже искусство. Изучение рациональности как ведущей тенденции западноевропейского капитализма явилось главной темой его знаменитой работы «Протестантская этика и дух капитализма». В ней Вебер показал, что возникновение капитализма в Европе имело не только социально-экономические предпосылки, как считал К. Маркс, но и духовные истоки (среди которых важнейшая роль принадлежала протестантской религиозной этике, внушавшей человеку ценность бережливого и рачительного труда), явившиеся важнейшей предпосылкой капиталистического предпринимательства. Анализ Вебером мировых религий привел его к выводу о том, что существует определенная взаимосвязь между господствующей в обществе религиозной моралью и экономической деятельностью, и, стало быть, разные типы религиозной веры различным образом мотивируют людей к трудовой деятельности.

Большой вклад внес Вебер в развитие политической социологии. Опираясь на свою концепцию социального действия, он выделял три типа господства — харизматическое, традиционное и рационально-легальное — и проанализировал соответствующие им виды легитимности власти. В процессе исследования широко распространенной в западных демократиях рационально-легальной формы господства Вебер разработал оригинальную концепцию «идеальной бюрократии».

М. Вебер заложил основы современной теории социальной стратификации, которая явилась попыткой преодолеть теорию классов, разработанную марксизмом. Вебер полагал, что не только экономический фактор в виде собственности, но и политический (власть) и статус (престиж) могут рассматриваться в качестве критериев социальной стратификации, которая благодаря этому становится многомерной.

Влияние М. Вебера на современную западную социологию чрезвычайно велико, но неоднозначно. Его идеи наследуют совершенно разные направления и школы: например, теория социального действия была развита в структурном функционализме, а принципы «понимающей» социологии — в феноменологической социологии Шюца.

Влияние философии Дильтея и неокантианцев испытали и старшие соратники М. Вебера по немецкой социологической школе — Фердинанд Теннис (1855–1936) и Георг Зиммель (1868–1918) — создатели «формальной» социологии.

Теннис, а за ним Зиммель выработали детальные классификации социальных форм (своеобразных идеальных типов по терминологии М. Вебера), которые должны были стать фундаментом для широких историко-социологических обобщений.

Теннис выделял три типа социальных «сущностей» или «форм» социальной жизни: социальные отношения, группы, объединения. Основу разработанной Теннисом теории общества составляют два понятия — «община» и «общество». В общине социальные связи основаны на доверительности, привязанности, душевной склонности, в обществе — на формально-рациональных связях, расчетливости, ориентации на коммерческий успех. Эти два типа связи характеризуют не только отношения людей друг к другу, но отношения их к обществу. В общине социальное целое предшествует частям, а нормативное регулирование основано на обычаях, традициях, религии; в обществе, наоборот, целое складывается из частей, а нормативное регулирование основано на законах и распоряжениях государственных органов. Общинная жизнь протекает, как правило, в сельской местности и малых городах, отношения типа «общество» преобладают в больших городах и стране в целом.

Разработанный категориальный аппарат Ф. Теннис широко применял в многочисленных эмпирических социологических исследованиях.

По мнению Г. Зиммеля предметом теоретической социологии, которую немецкий социолог уподоблял геометрии, должны быть различные «чистые» формы социальности, т. е. относительно стабильные образования, структуры социального взаимодействия, придающие социальному процессу целостность и устойчивость. Поэтому главный метод социологии — историко-сравнительный, так как он позволяет определить стабильные формы социальных связей существующие в различные исторические эпохи. В своих работах Г. Зиммель описал и проанализировал множество «чистых» форм социальности: господство, подчинение, соревнование, мода, конфликт и т. п., социальных типов личности («циник», «аристократ», «бедняк» и т. п.) и др.

Зиммель известен своими оригинальными исследованиями социального конфликта, феномена моды, культуры и др. В отличие от социал-дарвинистов и марксистов, рассматривающих конфликт как средство борьбы различных социальных групп, немецкий

социолог привлек внимание к его позитивным функциям и интегративным аспектам. Г. Зиммель заложил основы социологического изучения городского образа жизни. Позитивную роль крупных городов он видел в том, что они дают возможность расширить и углубить разделение общественного труда, повышают эффективность экономики, позволяя людям удовлетворять разнообразные потребности, способствуя тем самым развитию человеческой личности. Вместе с тем, немецкий социолог отмечал и негативные стороны городского образа жизни, в том числе присущую горожанам повышенную нервозность, рациональный и безличный характер отношений людей в больших городах.

Несмотря на известную ограниченность формального подхода, Теннис и Зиммель внесли значительный вклад в развитие понятийного аппарата социологии.

Таким образом, в XIX – первой половине XX в. были заложены основы социологии как особой науки об обществе, определились ее главные направления, оригинальные теоретические концепции и методологические принципы, составившие специфику социологического подхода к изучению общества. Так или иначе, дальнейшее развитие социологии, независимо от того принимались или отвергались разработанные в ее рамках основные идеи, опиралось на достижения указанного периода.

3. Развитие социологии в России в конце XIX – начале XX вв.

Распространение социологии в России в 1860–70-х гг. теснейшим образом связано с духовными исканиями русской интеллигенции после крестьянской реформы 1861 г. Мировоззренческая ориентация русских социологов заметно отличалась от позиции представителей европейской социологии, исповедовавших принцип «свободы от ценностных суждений». Особенно волновали передовых русских мыслителей вопросы будущего развития России, которые они тесно связывали с решением проблемы общественного прогресса, его содержания, в том числе и проблема «цены прогресса».

Несмотря на цензурные ограничения, в России быстро переводились и издавались работы наиболее известных западных социологов: Г. Спенсера, К. Маркса, Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля и др. Поэтому многие отечественные социологические школы возникли в результате заимствования или переработки зарубежных социологических концепций. Позитивистская традиция была представлена социал-органицистским направлением в работах Л.И. Мечникова,

представителей анархизма и, частично, в трудах социологов «субъективной школы», к психологическому направлению принадлежал Л.И. Петражицкий, основные идеи французской социологической школы Э. Дюркгейма разделяли Е. де Роберти, М.М. Ковалевский, П.А. Сорокин. Антипозитивистская традиция немецкой социологической школы была поддержана отдельными представителями «субъективной школы» в русской социологии, в частности — Н.И. Кареевым. Марксистская традиция также имела своих сторонников в лице Г.В. Плеханова, В.И. Ленина, а также представителей «легального марксизма».

Л.И. Мечников (1838–1888 гг.) — один из самых видных представителей **натуралистического (социал-органицистского) направления** в русской социологии, конкретно — школы географического детерминизма. В его концепции, которая отличалась большой самобытностью, решающая роль в развитии общества отводилась влиянию гидрологического фактора (рек, морей, океанов). На его научное мировоззрение и социологические взгляды значительное воздействие оказала натуралистическая методология О. Конта и Г. Спенсера. Однако сам Мечников критически относился к идеям социал-органицизма и социал-дарвинизма, которые, по его мнению, автоматически переносили на общество закономерности биологии, не учитывая в должной мере сложности и своеобразия общественной организации.

Отличие социологического подхода к изучению общества от биологического он видел в том, что первый акцентирует внимание на изучении принципов солидарности и кооперации в мире живых существ, тогда как биологическая наука изучает явления борьбы за существование. Именно в стремлении людей к кооперации и социальной солидарности он усматривал решающее отличие общественной жизни от биоорганической. Поэтому социальная солидарность, а точнее степень ее свободного осуществления, является для Л. Мечникова главным критерием общественного прогресса.

Задача социологии заключается в том, чтобы раскрыть причины, побуждающие людей к социальной солидарности. На первых этапах человеческой истории, как показал Л. Мечников в своей известной работе, решающую роль играют подневольное принуждение и деспотическая власть, к чему побуждает людей необходимость борьбы с природной стихией. В переходный период подчинение постепенно вытесняется разделением труда (социальной дифференциацией), порождающей зависимость людей друг от друга. И, наконец, на высшей ступени общественного прогресса, характеризующейся полной свободой и самостоятельностью людей,

социальная солидарность осуществляется в форме добровольного союза. В трактовке критериев общественного прогресса у Л.И. Мечникова заметно влияние анархистских идей М.А. Бакунина.

Органицистская методология О. Конта и Г. Спенсера оказала заметное влияние на социологические и политические взгляды известных теоретиков анархизма — М.А. Бакунина и П. Кропоткина. Социология социал-органицизма, а также различные данные естественных наук использовались теоретиками анархизма с целью построения объективной, соответствующей критериям естественнонаучной методологии социологической и политической теории.

Бакунина и Кропоткина интересовали, в первую очередь, объективные законы социального развития, которые они интерпретировали в духе популярного тогда социал-эволюционизма. Они отнюдь не копировали труды западноевропейских социологов-органицистов, для которых характерно было игнорирование специфики социальной жизни, растворение социальных закономерностей в биологических. Русские теоретики анархизма, признавая вместе с другими сторонниками социал-органицизма универсальный характер эволюционных закономерностей, стремились показать отличие общественной жизни от природной. Принципиальную особенность первой они усматривали в стремлении людей к абсолютной и неограниченной свободе. Достижение последнего возможно лишь на путях освобождения от любых форм государственной власти и принуждения. Именно достижение человеком личной независимости и свободы они считали главным критерием общественного прогресса. Центральное требование анархизма — уничтожение государства — часто обосновывалось ссылками на органичный и живой мир, где отсутствует какой-либо центр управления.

Опираясь на данные зоологии, этнографии, эволюционной биологии и других естественных наук, П. Кропоткин пытался показать ограниченность учения Дарвина о естественном отборе и борьбе за существование, полагая, что на всех ступенях эволюции животного мира действует «биосоциальный закон взаимной помощи». Без этого закона невозможно возникновение и существование ни одной формы социальности, в том числе и человеческого общества. Закон борьбы за существование действует лишь в области взаимоотношений человека с природным миром, внутри же общества действует закон взаимопомощи. Идеи Кропоткина, касающиеся важной роли взаимной помощи и кооперации в ходе биологической и социальной эволюции, оказались созвучны с концепцией солидарности Э. Дюркгейма, а в последние годы вновь привлекли внимание западных ученых в связи с дискуссиями по проблемам

социобиологии, авторы которой отводят важное место в эволюции различных форм социальности принципам альтруизма и кооперации.

Последователями идей европейских социал-органицистов — А. Шеффле, Р. Вормса были русские ученые А.И. Стронин, П.Ф. Лилиенфельд и Я.А. Новиков.

Особое место среди различных направлений русской социологической мысли 70–80-х годов принадлежит так называемой **субъективной школе**, возглавлявшейся видными публицистами, вождями народничества П.Л. Лавровым и Н.К. Михайловским. К числу сторонников субъективной школы принадлежали также видный историк и социолог Н.И. Кареев и публицист С.Н. Южаков.

Термин «субъективный метод» был заимствован Лавровым, а затем и Михайловским у основателя социологии О. Конта, использовавшего его во второй период творчества в работе «Система позитивной политики», где он предпринял попытку субъективного и нравственного подхода создания универсальной религии человечества. Как известно, в западноевропейской социологии ученики и последователи О. Конта — Дж.С. Милль, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм — резко критиковали его «позитивную политику» за ее субъективизм и религиозно-мистический уклон. Дальнейшее развитие западной социологии шло в русле естественнонаучной объективной методологии, изложенной О. Контом в курсе «позитивной философии». Совсем иное отношение к социологическому наследию Конта возникает среди лидеров народничества, которые, наряду с объективным методом О. Конта, взяли на вооружение и его субъективный метод.

П.Л. Лавров трактовал социологию как теоретическую науку, призванную дать ответ на вопрос о том, что такое общественный прогресс и каковы его критерии. Смысл прогресса он усматривал в двух взаимосвязанных моментах: 1) росте и укреплении социальной солидарности и 2) развитии самосознания индивида. «Главным органом» прогресса Лавров считал человеческую личность, являющуюся для него носителем нравственных идеалов и обладающую критическим сознанием.

Главная задача социологии как науки, по мысли Михайловского, должна состоять не столько в поиске и обнаружении объективных законов, сколько в том, чтобы раскрыть человеческое гуманистическое содержание общественного прогресса и соотнести его с потребностями человеческой личности. Следует заботиться не о совершенствовании общества в целом, а о благе отдельной личности, ибо реально существуют только отдельные личности, а общество есть абстракт. Индивид выше общества и не может приноситься ему в жертву.

Согласно Михайловскому, объективный социологический метод должен быть дополнен субъективным — таким методом, при котором наблюдатель мысленно ставит себя в положение наблюдаемого. Так как исследователь, познавая и изучая общество, не может быть абсолютно бесстрастным наблюдателем, то в его отношении к обществу неизбежно должны проявиться личные интересы, ценности, нравственные идеалы. Аналогичным образом и П.Л. Лавров требовал, чтобы ученый в ходе социального познания ставил себя на место страждущего и нуждающегося члена общества, а не на место постороннего бесстрастного наблюдателя мира. Приверженность субъективному методу объясняет критику русскими социологами многих положений концепций социальной эволюции Спенсера и его последователей, концепции общественного разделения труда Э. Дюркгейма и др. представителей позитивистского направления в западной социологии.

Критикуя социал-органицизм и социал-дарвинизм за увлечение аналогиями в развитии общества и биологических явлений, Михайловский тем не менее не чужд был использовать биологические понятия и факты в трактовке общественного развития. Это, в частности, проявилось в его концепции «борьбы за индивидуальность», согласно которой в природе и обществе идет непрекращающаяся борьба индивидуальностей, будь то индивид, группа или государство, за выживание. В общественной жизни эта закономерность проявляется в конфликте индивида и общества, в стремлении общества подавить человеческую личность. С позиций субъективного метода Михайловский считал необходимым встать на сторону личности в этом конфликте.

Известный русский историк и социолог Н.И. Кареев (1850–1931) стремился дать более строгое теоретическое обоснование субъективному методу, учитывающее особенность социологического и исторического исследования. Его методологическая концепция испытала на себе не только влияние позитивизма О. Конта, но и неокантианской баденской школы, представители которой, В. Вильдельбанд и Г. Риккерт, боролись за специфику социально-исторического познания, подчеркивали уникальность и неповторимость социально-исторических явлений. Однако Н.И. Кареев отнюдь не слепо копировал взгляды неокантианцев. Так, он ранее Вильдельбанда и Риккерта предложил деление социально-гуманитарных наук на два класса: феноменологические, описывающие уникальные социально-исторические явления, и номологические, открывающие законы общественного развития. К последним он относил и социологию.

Необходимость использования субъективного метода в истории и социологии он усматривал в том, что социально-исторические явления могут быть правильно объяснены только при условии понимания смысла действий изучаемых людей. Использование субъективного метода базируется на совершенно правильной предпосылке — единстве субъекта и объекта социального познания, т. е. того факта, что объектом изучения социолога или историка являются человеческие существа, которые, подобно ему имеют определенные интересы, потребности, желания, цели и т. п. «Законный субъективизм», требующий от ученого учитывать интересы и цели деятельности изучаемых личностей, следует отличать, согласно Карееву, от случайного субъективизма, затрагивающего интересы и предубеждении самого исследователя. Случайный субъективизм, поэтому, может привести к искажению объективной картины изучаемой реальности (необходимость объективного метода Н.И. Кареев ни в коем случае не отвергал), тогда как «законный субъективизм» позволяет глубже проникнуть в смысл изучаемых фактов.

Субъективный метод в интерпретации Н.И. Кареева был ориентирован на изучение субъективной стороны социально-исторических явлений, что составляет главное отличие гуманитарных наук от естественных. В трактовке субъективного метода Кареевым есть немало общего с методом понимания В. Дильтея и М. Вебера, но у него нет такой глубокой разработки методологии понимания, как у немецких социологов.

Субъективный метод у Н.И. Кареева имел и другую познавательную функцию, аналогичную той, которую он выполнял у Лаврова и Михайловского, использующего его для оценки исторического прогресса с позиций нравственного идеала. Таким идеалом, обнаруживаемым посредством субъективного метода, для Кареева, как и других сторонников этого метода, являлось духовное развитие личности в сочетании с развитием социальной солидарности. Однако в отличие от своих предшественников он более строго разделяет понятие эволюции и социального прогресса. Если первый носит объективный характер, то второй связан с субъективной моральной оценкой.

В конце XIX в. в европейской социологии обозначился кризис биологизаторских концепций в различных его формах — социал-органицизма, социал-дарвинизма. Однако стремление учесть специфику общественной жизни как духовного процесса, с одной стороны, и растущее влияние психологической науки, особенно такой ее ветви, как психология народов (М. Лацарус), психология толпы (Лебон) — с другой, приводят к тому, что на рубеже XX в.

формируется влиятельное психологическое направление в социологии (Л. Уорд, Ф. Гиддингс, Ч. Кули и др.). Подобные умонастроения получили распространение и среди русских социологов. К психологической интерпретации социальных явлений прибегали сторонники субъективного метода — Лавров, Михайловский, Кареев. Наиболее цельно идеи **психологического направления** выразил Л.И. Петражицкий (1867–1931), который известен прежде всего своими трудами в области социологии права.

Испытав заметное влияние неокантианской методологии, он уделял большое внимание критическому анализу социологических понятий, которые социологи позитивистской ориентации использовали, по его мнению, весьма произвольно. Наряду с этим Петражицкий отстаивал специфику предмета и метода социологии. Особенность общественной жизни он видел в том, что ее подлинную основу составляет психическое взаимодействие людей, точнее говоря, эмоции, рассматриваемые им в качестве генетически первичного элемента психической деятельности человека. Эмоциональная психология человека призвана объяснить мотивы человеческого поведения, при этом Л. Петражицкий ставил знак равенства между социологическим понятием мотива и психологической эмоцией. Именно последняя определяет содержание более сложных форм человеческой психики — сознания и воли. Поскольку психоэмоциональное взаимодействие составляет ткань общественных отношений, то главным инструментом социального познания Л. Петражицкий объявил интроспекцию — самонаблюдение, при котором исследователь изучает свои собственные психические состояния. Метод внешнего наблюдения должен был лишь дополнять интроспекцию.

Подобно другим представителям психологического направления Петражицкий постулирует наличие в обществе особого состояния общественного сознания — народной психологии, являющейся источником социальных норм и ценностей, регулирующих поведение человека. Анализируя специфику социального поведения, он выдвигал верную мысль о взаимосвязи индивидуальных мотивов с различными нормативными комплексами (социальными институтами), формирующими у людей соответствующую мотивацию действия. Учеником Л.И. Петражицкого, воспринявшим многие его идеи, был известный русский социолог П.А. Сорокин.

Значительное влияние на развитие отечественной дореволюционной социологии оказали два русских последователя школы Э. Дюркгейма — Е. де Роберти и М.М. Ковалевский.

Ранние работы Е. де Роберти (1843–1915) 80-х гг. были запрещены цензурой, и он вынужден был публиковать свои работы за границей, где пользовался значительным авторитетом среди европейских социологов. Свой вариант социологической концепции он не совсем точно именует неопозитивизмом, желая тем самым подчеркнуть новый подход к осмыслению социологических проблем. Е. де Роберти относился к числу тех социологов, которые отстаивали автономию социологии, несводимость ее предмета к биологии или психологии. В европейской социологии аналогичную позицию отстаивал Э. Дюркгейм. Не удивительно поэтому, что в произведениях де Роберти обнаруживается немало общего со взглядами французского социолога на предмет социологии, хотя к решению одной и той же фундаментальной проблемы — специфики социальности, или «социальных фактов», они шли разными путями. Э. Дюркгейм рассматривал эту проблему с позиций эмпиризма и объективного подхода, де Роберти — с позиций общетеоретических и этических. Согласно де Роберти, социальные факты по отношению к индивиду выполняют не принудительную роль, как считал Дюркгейм, а телеологическую, т. е. задают цели человеческого поведения.

Наряду с другими русскими социологами того времени де Роберти понимает социологию как теоретическую обобщающую науку, охватывающую нравственные, политические, идеологические и другие науки, изучающую область духовных явлений. Главная задача социологии, по его мнению, заключается в открытии законов, управляющих возникновением, образованием и постепенным развитием высшей надорганической или духовной формы мировой энергии. Понимая общественную жизнь весьма широко, как надорганический мир, де Роберти вместе с тем стремился уяснить ее содержание и составные элементы. Ключевую роль он отводил психологическому взаимодействию, которое складывалось из психоэмоциональных и сознательных отношений людей друг к другу. Из психического взаимодействия, утверждает он, рождается коллективный опыт людей, а на его базе вырастает общественная психология (или «общественность», по его терминологии), в которой и реализуется специфика общественной жизни.

Однако де Роберти резко выступал против психологизации общественной жизни. Он считал, что психическое воздействие людей, общественная психология должны быть объяснены социокультурными факторами. Психология же, по его мнению, в отличие от социологии, не является самостоятельной наукой, так как она черпает свое содержание из биологии и социологии.

Научная деятельность видного русского историка, этнографа и социолога М.М. Ковалевского (1851–1916) была хорошо известна на Западе. Он был лично знаком со многими западными социологами — Спенсером, Марксом, Дюркгеймом и другими, являлся почетным членом известных западных социологических обществ и организаций.

М.М. Ковалевский выступал за самостоятельность социологии, ее отделение от философии, истории, психологии, этики. Социология, по мысли ученого, является обобщающей теоретической наукой, интегрирующей в себе результаты различных общественных наук. Ее главная задача заключается в раскрытии причин покоя и движения человеческих обществ, устойчивости и развития порядка в разные эпохи, в их преемственности и причинной связи. В его определении социологии не трудно заметить влияние О. Конта, понимавшего социологию как науку о порядке и прогрессе общества.

Положения и принципы социологического мышления Ковалевский применял к изучению различных областей истории, используя при этом историко-сравнительный метод для построения типологических конструктов. Он был направлен на изучение таких социологических типов, которые интегрируют в себе как общие, так и особенные признаки изучаемых явлений. Примером могут служить такого рода конструкты: отдельный город-государство, восточная деспотия, феодальное поместье-государство, сословная монархия и т. п. Типологический метод в понимании Ковалевского должен был способствовать лучшему пониманию генезиса различных социальных институтов и общественно-политических форм, выступающих главным предметом изучения его «генетической социологии». Таким образом, типологический метод М.М. Ковалевского сочетал в себе социологический подход с конкретно-историческим. Он с успехом применял этот метод при изучении генезиса семьи, хозяйственных форм и собственности, государства и др. в своих работах «Общинное землевладение», «Закон и обычай на Кавказе», «Происхождение современной демократии», «Очерки происхождения семьи и собственности» и т. д.

В социологических взглядах Ковалевского проявилась характерная для русской социологии рубежа XX столетия тенденция синтеза позитивных сторон различных школ и направлений. Синтетический подход Ковалевского наглядно проявляется в присущем ему методологическом плюрализме, согласно которому в историко-социологическом исследовании следует исходить из взаимосвязи

различных факторов — экономического, политического, психологического, культурного) и др. В методологической части концепции Ковалевского не трудно заметить ряд положений, сближающих его с концепцией немецкого социолога и историка М. Вебера: во-первых, применение принципов социологии к изучению истории, во-вторых, стремление учесть роль различных факторов в историческом развитии в противовес экономическому детерминизму К. Маркса. Наконец, это понимание важной роли типологического метода в историко-социологическом анализе. Однако между этими двумя социологами существуют и значительные различия: М. Вебер стоял на позициях номинализма, тогда как Ковалевский поддерживал социальный реализм. К тому же его методологическая концепция не отличалась такой изощренностью, как у Вебера.

В соответствии с традицией русской социологии Ковалевский уделял большое внимание изучению общественного прогресса, который отождествлял с ростом «человеческой солидарности». В объяснении причин прогресса он, подобно Э. Дюркгейму, решающую роль отводил биосоциальному фактору — росту населения, его объему и плотности, который непосредственно воздействует на экономику, способствует разделению общественного труда, а последний в свою очередь усиливает социальную дифференциацию, изменяя тем самым социальную структуру общества.

М.М. Ковалевский был активным популяризатором социологических знаний в России, читал курс лекций по социологии в различных учебных заведениях, издал учебник по социологии, вместе с де Роберти создал кафедру социологии в Петербургском психоневрологическом институте, активно способствовал созданию Русского социологического общества.

Конец XIX – начало XX вв. был отмечен успехами в развитии статистических исследований в России, что заставило ряд русских социологов пересмотреть бытовавшие в то время взгляды на предмет и метод социологии. К сторонникам **эмпирической социологии** следует отнести К.М. Тахтарева и П.А. Сорокина.

К.М. Тахтарев (1857–1925) одним из первых русских социологов обратил внимание на важную роль в истории социологии эмпирических социально-статистических исследований, подчеркнув ошибочность идущей от О. Конта точки зрения, противопоставления им социологии как теоретической науки. В работах Тахтарева дается обоснование необходимости использования в социологии эмпирических методов — социально-статистического наблюдения, эксперимента и измерения.

Он постоянно подчеркивал, что без математики социология не может стать точной и строгой наукой. Отсюда его призыв — переориентировать социологию на изучение функциональных, а не эволюционных законов, ибо установление последних весьма проблематично. К.М. Тахтарев не уставал подчеркивать важную роль точных и проверенных данных в социологических исследованиях.

Его понимание социологии как объективной науки, использующей методологию естественных наук, лишено каких-либо ссылок на философию, этику, различные натуралистические концепции. Социология — это особая наука об общественной жизни, взятой в целом, во всем многообразии ее явлений, в их естественном и целостном отношении. Она изучает три главных области: 1) анализ общественной жизни и ее составных элементов; 2) процессы социального развития; 3) обнаружение закономерностей общественной жизни.

Обращаясь к анализу общества, К.М. Тахтарев подчеркивал важную роль различных форм общения, которые, по его мнению, придают жизни людей социальный и политический характер и, наряду с этим, служат необходимым условием формирования человеческой личности. Большое значение К.М. Тахтарев придавал вопросам расслоения общества и социальной структуры, справедливо отмечая, что соотношение социальных групп и классов определяет сущность данного социального строя, позволяет выяснить место личности в социальной структуре.

В русской социологии Питирим Александрович Сорокин (1889–1968) является «знаковой фигурой», человеком – символом, в жизни которого, как в зеркале, отразились противоречия развития социологической науки в России начала XX в.

Ранний период творческой деятельности П.А. Сорокина в дореволюционные годы характеризуется восприятием и переработкой идей М.М. Ковалевского, секретарем которого он был в течение нескольких лет. Влияние Э. Дюркгейма, Е. де Роберти, Л.И. Петражицкого ощутимо проявляется в первой крупной работе Сорокина «Преступление и кара, подвиг и награда» (1914). Интерпретируя общество как систему психологического взаимодействия людей, он делал попытку раскрыть механизм социального взаимодействия и социального контроля. Опираясь на исторические и этнографические источники, П. Сорокин подробно анализировал роль позитивных (награды) и негативных (кара) санкций в осуществлении обществом социального контроля над поведением личности.

О своеобразии понимания П.А. Сорокиным специфики предмета и метода социологии достаточно ясно свидетельствует разработанная им в 1919 г. программа преподавания социологии.

Вот некоторые выдержки из этой программы: «1) Социология... понимается как наука о поведении (формах, причинах, результатах) живущих в среде себе подобных, а не как наука о каком-то едином обществе; 2) Социология – это наука объективная, свободная от всякого нормативизма и субъективного психологизма: она изучает социальные явления «как вещи»; 3) Социология должна решительно порвать с дилетантским философствованием, грудой слов, покрывающих отсутствие знания. Она должна отрешиться от всяких предпонятий, отправляться от факта и кончать фактами»[1].

Главная работа русского периода научной деятельности П.А. Сорокина – это «Система социологии» в двух томах, вышедшая в свет в 1920 г. Хотя сам Сорокин признавал влияние бихевиористской психологии на эту работу, тем не менее, в целом она написана в традициях позитивистской методологии. Об этом свидетельствует трактовка социального как области социального взаимодействия и выделения основных структурных элементов действия и его символических аспектов. Этот подход П. Сорокина представляет собой один из первых вариантов теории социального действия, получившей детальную разработку в американской социологии два десятилетия спустя. Во втором томе этой работы большое внимание уделяется анализу социальной структуры общества, определению критериев социальной дифференциации.

В 1922 г. П.А. Сорокин как активный деятель партии эсеров и противник Советской власти был насильно выдворен за границы России. Новая страница его научной биографии связана с США, где в полной мере он сумел реализовать свои выдающиеся способности, создав учение об «интегральной социологии», издав работы «Социальная мобильность», «Современные социологические теории», «Основы сельской и городской социологии», «Социокультурная динамика» и другие, принесшие автору всемирную известность, организовав в Гарвардском университете факультет социологии.

Подводя итоги развитию социологии в дореволюционной России, можно констатировать, что в целом она развивалась в русле мировой социологии, несмотря на препятствия, которые ставились ей со стороны самодержавной власти. В России лишь в 1908 г. с большим трудом удалось открыть первую кафедру социологии при частном Психоневрологическом институте, так как прежде преподавание социологии было запрещено. Не было отечественных периодических изданий и организационных структур. Как раз накануне революции появились первые обнадеживающие признаки

[1] *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 354.

институционализации социологии: большое число публикаций, в том числе и учебные пособия, организация Русского социологического общества (1916), образование первых социологических кафедр, проведение эмпирических исследований.

В годы революции и гражданской войны (1917–1921) несмотря на тяжелейшие условия военного времени процесс институционализации социологии продолжался. Была введена научная специализация по социологии, созданы кафедры социологии в Петроградском и Ярославском университетах. В 1919 г. был учрежден Социобиологический институт. В 1920 г. в Петроградском университете был образован первый в России факультет общественных наук с социологическим отделением, во главе которого стоял П.А. Сорокин. Продолжали публиковаться труды известных социологов — Н.И. Кареева, З.М. Хвостова, П.А. Сорокина, К.М. Тахтарева и др., действовали различные школы и течения.

Новой государственной власти требовалась объективная информация о происходящих в стране процессах, поэтому она активно поддерживала проведение эмпирических исследований в различных сферах общественной жизни. Так в мае 1918 г. в проекте постановления Совнаркома «О Социалистической академии общественных наук» специальным пунктом было записано: «...одной из первоочередных задач поставить ряд социальных исследований» [2].

В 1920-х гг. в российской эмпирической социологии определились следующие основные направления исследований:

• вопросы методологии и методики конкретных социальных исследований. К числу заслуживающих внимания работ по этой проблематике относятся труды С.Г. Струмилина по методике исследования бюджетов времени, С.Г. Василейского — по методике и технике социально-психологических и социологических исследований, А.В. Чаянова — по методике бюджетных обследований, А.В. Болтунова — по методике проведения анкетных обследований и др.;

• социальные проблемы рабочего класса, крестьянства и интеллигенции. Широкую известность в этой области получили труды В.Б. Ольшанского, И. Бобровникова, М.М. Розенталя, М. Корнева и др.;

• социальные проблемы коллективизации деревни. Исследования В.С. Немчинова, А.К. Гастева, П.А. Анисимова, проведенные по социальным проблемам преобразования сельского хозяйства, имели не только теоретическое, но и практическое значение;

---

[2] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 372.

• социальные проблемы города, народонаселения и миграции. На основе обобщения данных государственной статистики и переписи народонаселения были подготовлены труды Н. Анцыферова, Л. Паперного, А. Годулова, Б. Смулевича и др.;

• социальные и социально-психологические проблемы труда и быта рабочих и крестьян. В этой области плодотворно работали А.К. Гастев (организация труда и управления), А.П. Нечаев (психология технического изобретательства), А.П. Федотов (профессиональная ориентация и профессионализация в школах), В.А. Артемов (введение в социальную психологию). Назовем также исследования А. Лебедева, Д. Година и др. (бюджет рабочей семьи), С. Струмилина, Е. Кабо, В. Михеева (бюджеты времени рабочих и служащих), П. Зайцева (труд и быт рабочих-подростков);

• социальные проблемы культуры. Вопросы культуры разрабатывали И. Загорский (изучение реакции кинозрителя), А. Трояновский, Р. Елизаров (запросы кинозрителя) и т. д.

В 1920 и 1926 гг. в СССР были проведены переписи населения, которые дали интересную социальную статистику по проблемам социально-классовой структуры общества, образования, культуры, науки и т. д. Важное значение имел выход в свет журнала «Статистика труда» и других аналогичных изданий по экономической и социальной статистике, в которых содержался большой фактический материал об изменениях в социальной структуре общества, в частности структуре рабочего класса и крестьянства.

Но период идейного плюрализма в советской социологии продолжался очень недолго. Поскольку большевики, пришедшие к власти, исповедовали классовый подход к науке, то уже в начале 1920-х гг. началась активная идейная борьба против буржуазной идеологии и ее носителей — ученых-обществоведов, к числу которых причислялась большая часть прежних профессоров и преподавателей; их изгоняли из учебных заведений, а часть арестовывали и депортировали за границу. Среди эмигрантов оказались и социологи, позже ставшие известными на Западе — П. Сорокин, Ж. Гурвич, Н. Тимашев. Среди репрессированных в то время оказались признанные в мире ученые-обществоведы Н.Д. Кондратьев, А.В. Чаянов. Русская духовная культура понесла невосполнимый урон.

Характерной особенностью первой половины 20-х гг. явились дискуссии о месте марксизма в русской социологической мысли, о статусе социологии и теории исторического материализма. Поводом послужила публикация Н.И. Бухариным (одним из теоретиков русского марксизма) книги «Исторический материализм. Популярный

учебник марксистской социологии», в которой предпринималась попытка выделить социологию в качестве частной научной дисциплины, не зависимой от философии. Эта концепция подверглась критике со стороны ортодоксальных марксистов, обвинивших автора в механицизме, позитивизме, недооценке диалектического материализма. Итогом этой дискуссии, продолжавшейся на протяжении 20-х гг., было появление официальной точки зрения, согласно которой социология рассматривалась в качестве составной части марксистско-ленинской философии, что фактически означало отождествление социологии с социальной философией, отрыв ее от эмпирических социальных исследований.

Другой негативной стороной указанной дискуссии явился тот факт, что марксистская социология объявлялась в качестве единственно научной, выражающей мировоззрение передового рабочего класса. Эта идеологическая позиция вела к искусственной изоляции отечественной социологии от мировой общественной мысли, вносила односторонний классовый подход в оценку достижений западной социологии, что в итоге негативно отразилось на дальнейшем развитии социологии в СССР.

Усиление идеологического контроля над духовной жизнью общества в целом, возвеличивание Сталина, начавшееся в середине 20-х гг., привели к тому, что в результате проведения ряда идеологических кампаний была осуществлена полная идейная переориентация обществоведов. Социология была объявлена буржуазной лженаукой, эмпирические социальные исследования практически перестали проводиться, а сам термин «социология» на многие годы был исключен из научного обихода.

4. Основные направления западной социология XX века

С 20-х гг. XX столетия начался новый этап развития социологии. Его наиболее характерной особенностью явилось господство эмпиризма.

Если в предыдущий период обращение социологов к эмпирическим фактам носило весьма произвольный характер, а сознательное проведение социологами эмпирических исследований было редким (Э. Дюркгейм, Ф. Теннис, М. Вебер), то в 20–30-х годах XX в. сформировался новый стандарт социологического исследования как деятельности, имеющей много сходного с опытными исследованиями в естественных науках и опирающейся на такие познавательные приемы, как анализ статистических данных,

массовый анкетный опрос, наблюдение (простое и включенное), эксперимент, монографические описания отдельных социальных явлений и др. Обязательным стало использование в социологии математических методов, главным образом для статистической обработки полученных данных.

Центр социологии постепенно переместился в США, где были созданы благоприятные условия для развития эмпирических исследований. Своеобразным рубежом, обозначившим новый этап развития социологии, явилась работа американских социологов У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке» (1918), целиком построенная на эмпирическом материале — изучении личных писем на родину польских эмигрантов, уехавших в США. Благодаря усилиям американских ученых были усовершенствованы методология и техника социологических исследований: измерение и построение шкал (Э. Богардус, Л. Терстоун, Л. Гуттман), социальный эксперимент (С. Чэпин, Э. Мэйо), социометрия (Дж. Морено), методология эмпирических исследований (Дж. Ландберг, П. Лазарсфельд, Р. Мертон) и др.

Формирование нового идеала научности в социологии имело ряд важнейших последствий. Произошло окончательное отделение социологии от философии, этики, истории, права и других общественных наук в силу ее ориентации на эмпирические методы исследования и особую предметную область. Социология, таким образом, перестала быть кабинетным творчеством, она превратилась в исследовательскую деятельность, требующую от ученого владения специфическими исследовательскими методами и процедурами, большой организаторской работы по реализации исследовательских проектов, немалых финансовых затрат.

Вместе с формированием нового облика социологии была создана и новая методологическая концепция социологической деятельности, включающая в себя требование строгой объективности и этической (ценностной) нейтральности, обязательное следование канонам «научного метода»: постановку проблемы, выдвижение, обоснование и проверку гипотез, сбор эмпирических данных, их анализ и систематизацию и др.

В социологии XX в. сложилось своеобразное разделение труда между фундаментальной и прикладной наукой. Если университетская (академическая) социология в большей мере стала ориентироваться на приращение нового знания, решение познавательных задач, связанных с поиском универсальных закономерностей поведения человека и социальной организации, то различные государственные и частные исследовательские центры, специализированные

фирмы стали выполнять прикладные социологические исследования по заказам органов управления и коммерческих организаций (маркетинговые исследования, опросы потребителей отдельных товаров, изучение общественного мнения перед выборами и др.).

Наконец, с 1950-х гг. социология приобрела статус популярной и престижной профессии. Социологическое образование стало повсеместным: социология обязательно преподается не только в высшей школе, но и в общеобразовательной.

В период 20–50-х гг. быстрыми темпами развивалась организационная структура социологии: росло число социологических ассоциаций и организаций во всех странах мира, создавались многочисленные исследовательские центры, издавалось множество социологических журналов. С 1950 г. регулярно стали проводиться международные социологические конгрессы.

Зарубежная социология в XX в. отличается большим разнообразием направлений и школ. Сформировалась трехуровневая структура социологической науки: в основании «пирамиды» лежат разнообразные эмпирические социологические исследования, которые поставляют социальные факты для других уровней социологического знания, над ними — теории среднего уровня (отраслевые социологии), например, теория социальной стратификации, социология организаций, индустриальная социология, социология семьи, социология религии, социология общественного мнения, социология науки, социология культуры и др., а на вершине «пирамиды» — теоретическая («академическая») социология.

Эмпирические социологические исследования, выросшие из «социальных обследований» XIX в., начиная с 30-х гг. XX в. стали своеобразным видом профессиональной деятельности. Методология современной эмпирической социологии базируется на принципах неопозитивизма. Поскольку количество школ и направлений в эмпирической социологии, вероятнее всего, равно количеству исследователей, то мы кратко остановимся лишь на «чикагской школе» в американской социологии, заложившей основы эмпирической социологии как самостоятельного направления.

«Чикагская школа» сформировалась на базе первого в мире социологического факультета, созданного в университете г. Чикаго А. Смоллом — последователем Г. Спенсера, сторонником социал-дарвинизма. Помимо «отцов-основателей» американской социологии — Л. Уорда, У. Самнера, Ф. Гиддингса, Э. Росса, Ч. Кули – значительное влияние на ориентацию чикагской школы (эмпиризм, реформизм) оказала философии прагматизма Дж. Дьюи и теория символического интеракционизма Дж.Г. Мида.

Немаловажную роль в появлении «школы» сыграли особенности объекта исследования — самого города Чикаго — второго по числу жителей и экономическому значению в США, крупного финансового и торгово-промышленного центра с многонациональным населением, множеством социальных проблем (бедность, безработица, высокий уровень преступности, большое количество эмигрантов). Собственно на изучение городских проблем и была ориентирована вся исследовательская программа чикагской школы. Городские исследования были подчинены (в духе реформизма) основной задаче — установлению «социального контроля» и «согласия».

Основными отличительными чертами чикагской школы являются: органичное соединение эмпирических исследований с теоретическими обобщениями; выдвижение гипотез различных исследований в рамках единой исследовательской программы, направленной на достижение конкретных практических целей. В этом смысле «школа» отличалась как от «движения социальных опросов» (сбор статистических данных по специфическим локальным проблемам без их теоретического осмысления), так и от теоретизирования «академических» социологов. Другой особенностью чикагской школы явилась широта теоретической ориентации, соединение различных подходов и методов, среди которых нет определенно доминирующих: изучался характер миграции населения, составлялись «социальные карты» отдельных районов Чикаго, проводились исследования уровня доходов, уровня образования, характера и уровня преступности и т. д.

Исследования города были основаны на социально-экологической теории Р. Парка и Э. Берджесса. Роберт Парк (1864–1944) исследовал коллективное поведение людей в тесной взаимосвязи с той рукотворной средой, в которой они существуют. По мнению Парка и Берджесса, чисто социальные явления — экономические, политические, культурные — вырастают на экологической основе взаимодействия группы населения (популяции) со средой своего обитания. Конкуренция индивидов и социальных групп приводит к тому, что одни популяции захватывают определенные пространства («зоны») и расселяются в них, а другие вытесняются с этих территорий. В этом смысле формирование современных городов — «метрополисов» и «мегаполисов» — подчиняется строго биотическим и экологическим законам, которые проявляют себя в планировании городов. Так, Роберт Парк предложил концентрическую модель городского зонирования, согласно которой различные сообщества расселяются на городской территории по принципу

концентрических кругов. Каждая «зона» имеет свою функцию, социальный состав, профессиональную ориентацию. Экологическая социология Парка позволила увидеть в структурах общества, строго детерминированные закономерности, сочетающие в себе биологические и социальные факторы, и использовать их для управления мегаполисами.

Соединение исследовательских программ с учебным процессом в университете г. Чикаго способствовало появлению принципиально новой модели университетского обучения, тесно связанного с решением практических задач. Постоянный обмен идеями между преподавателями и студентами в процессе преподавания и совместного проведения социологических исследований, позволил воспитать несколько поколений социологов, ориентированных на решение прикладных задач, и обеспечил Чикагскому университету научное лидерство в области социологии в течение 20 лет (с 1915 по 1935 г.).

Школы и направления в теоретической социологии XX в. можно разделить на несколько больших групп. Они сохранили отдаленную генетическую связь с направлениями классической социологии конца XIX – начала XX в., но в силу того, что в западной социологии господствует плюрализм, отдельные школы часто заимствуют методологические установки друг друга.

Большинство направлений теоретической социологии развиваются в русле позитивистской и неопозитивистской методологии. При этом школы, наследующие традиции социал-органицизма Спенсера, принципы «социологизма» Э. Дюркгейма, образуют **группу «макросоциологических» теорий**, в которых вся структура понятий строится от категории «общество» или «социальная система», т. е. логика исследования предполагает движение от целого к его частям. Школы — наследники психологического направления в позитивизме образуют **группу «микросоциологических» теорий**, в которых концепция строится на основе социологического и психологического анализа «атома», «клеточки» общественной жизни — социального взаимодействия. Соответственно логика такого научного исследования предполагает движение от части к целому. К «макросоциологическим» теориям следует отнести структурный функционализм, теории конфликта, неоэволюционизм, структурализм, к «микросоциологическим» теориям — теорию обмена, символический интеракционизм, этнометодологию, неофрейдизм и др.

Особняком стоят теории, связанные с антипозитивистскими традициями в социологии: «Франкфуртская школа», соединившая марксистскую традицию с методологией современной западной

философии; феноменологическая социология А. Шюца, наследующая и развивающая положения «понимающей» социологии М. Вебера. Интерес к этим школам особенно проявился в период кризиса неопозитивистской методологии в конце 1960-х – начале 1970-х гг.

В 50–60-х гг. XX в. на роль доктрины, объединяющей разнообразные направления западной социологии, претендовал структурный функционализм. Функционализм с его акцентом на натуралистическом подходе к исследованию социальной реальности, на естественнонаучной методологии и системных качествах общества, с его попыткой перечислить все необходимые условия, обеспечивающие равновесие и «порядок» социальной системы, все составляющие ее элементы, механизмы ее интеграции, в свое время находил широкую поддержку как в академических, так и в политических кругах.

Наиболее полно основы функционализма сформулировал Толкотт Парсонс (1902–1979). Он попытался построить общую аналитическую логико-дедуктивную теоретическую систему, охватывающую человеческую реальность во всем ее многообразии [3].

Свои исследования Парсонс начал с исследования ключевой категории социологии – социального действия. По его мнению, специфику социального действия, в отличие от физического и биологического действия, составляют, во-первых, символичность, т. е. наличие в нем таких символических механизмов регуляции, как язык, ценности и т. п., во-вторых, нормативность, т. е. зависимость индивидуального действия от общепринятых ценностей и норм; наконец, в волюнтаристичность, т. е. известная иррациональность и независимость от условий среды, ориентация на субъективное «определение ситуации». Исходными понятиями теории социального действия Т. Парсонса выступали понятия «actor» (в пер. с англ. – «деятель», «действующее лицо»), «ситуация» и «ориентация деятеля на ситуацию». Поведение индивида или сообщества людей — «деятеля» — определяется не только его потребностями, но и условиями внешней природной и социальной среды (правовыми и моральными нормами, общественным мнением и т. д.), а также тем, как оценивает действующее лицо свое возможное воздействие на внешнюю среду.

Далее Парсонс и его соавторы исследовали ситуацию социального взаимодействия, т. е. цепь взаимообусловленных социальных

[3] *Parsons T.* The social system. Glencoe, 1951. P. 19.

действий. При этом к названным элементам, образующим мотивационную структуру деятеля, добавился еще один — «взаимные ожидания» — ориентации действующих лиц на возможные ответные действия партнеров, которые образуют область «внешних символов», ценностей, не зависящих от каждого субъекта взаимодействия, но регулирующих образ действия всех принадлежащих одному культурному полю деятелей. Четкое аналитическое различение индивидуальных мотивов и групповых ценностей, не исключающее их взаимопроникновения, позволило Парсонсу разграничить такие относительно автономные подсистемы действия, как личность и культура, и показать несостоятельность представлений как о полной независимости личности, так и о жесткой культурной запрограммированности ее поведения. Большое значение для эмпирических социологических исследований имел разработанный Парсонсом набор типовых переменных действия — парных, дихотомических понятий, используемых для описания ценностных ориентаций индивида в ситуациях, требующих выбора.

Устойчивые и повторяющиеся формы социального взаимодействия способствуют образованию норм и стереотипов поведения – социальных ролей. Система норм и ролей регламентирует поведение индивидов и социальных групп, формирует социальную структуру. Так образуется формализованная модель системы действия, включающая культурную, социальную, личностную и органическую подсистемы, находящиеся в отношениях взаимообмена, что является одним из главных теоретических достижений Парсонса.

В книгах «К общей теории действия»[4] и «Рабочие материалы по теории социального действия»[5], написанных совместно с Э. Шилзом (р. 1911), Парсонс выдвинул положение о том, что все действующие системы для того, чтобы выжить, должны осуществлять четыре основные функции. Во-первых, они должны обеспечить получение ресурсов из окружающей среды и распределение этих ресурсов внутри системы. Эту функцию Парсонс и Шилз назвали «адаптация». Во-вторых, эти системы должны быть способными мобилизовать ресурсы для достижения определенных целей и установить приоритет между этими целями. Это функция «целедостижения». В-третьих, отношения внутри системы должны координироваться и регулироваться и, следовательно, иметь налаженный механизм «интеграции». Наконец, должны существовать пути выработки в составляющих систему индивидах такой мотивации,

[4] *Parsons T., Shils E.A.* Toward a general theory of action. Cambrige, 1951.

[5] *Parsons T., Shils E.A.* Working paper in theory of action. N.Y., 1953.

которая обеспечивала бы соответствие их деятельности целям системы, равно как и пути снятия прежних эмоциональных напряжений у членов общества. Это механизм «поддержания ценностного стандарта», «передачи культурных образцов».

В работах 1960-х гг. Парсонс обратился к проблемам эволюции общества, положив в основу своей эволюционной доктрины предложенную еще Г. Спенсером идею дифференциации. Парсонс отстаивал представление о всеобщем направленном развитии общества в сторону повышения «обобщенной адаптивной способности» в результате функциональной дифференциации и усложнения социальной организации. Он различал три типа обществ: «примитивные», «промежуточные» и «современные». На примитивном уровне дифференциация отсутствует. На ранних этапах человеческой эволюции различные ролевые функции выполнялись одним лицом. Переход к «промежуточной» фазе определяется появлением письменности, социальной стратификации и культурной легитимизации, началом дифференциации ролевых функций, которые стали выполняться различными лицами. Переход к «современному» типу совершается с отделением правовой системы от религиозной, формированием административной бюрократии, рыночной экономики и демократической избирательной системы. За «промышленной революцией», означающей у Парсонса дифференциацию экономической и политической подсистем, следует «демократическая революция», отделяющая «социальное сообщество» от политической системы, а затем «образовательная революция», призванная отделить от социального сообщества подсистему воспроизводства структуры и поддержания культурного образца.

Своими эволюционистскими работами Парсонс завершил построение общей теории социальной системы. Введенная им система категорий оказала значительное влияние на западную социологию, в том числе на эмпирические исследования. Вместе с тем его теория подвергалась критике со стороны радикально мыслящих зарубежных социологов, например Р. Миллса, за ее усложненность и консерватизм.

Известный интерес представляют культурологические варианты неоэволюционистских теорий, выдвинутые американскими социологами и антропологами Л. Уайтом, Дж. Стюардом, Дж. Мердоком и др. Различие их подходов связано с выбором определяющих факторов социальной эволюции. Так, Уайт придерживается концепции «технологического детерминизма» в культурной эволюции, Стюард стоит на позиции многолинейной эволюции, Мердок акцентирует внимание на роли социальной организации и т. д.

Сконструировать модель социального изменения в традициях структурно-функционального анализа попытался Роберт Мертон (р. 1910), находившийся под сильным влиянием идей П. Сорокина и Т. Парсонса. Основываясь на методологических принципах структурно-функционального анализа, Мертон заявил об отказе от создания общей социологической теории. В книге «Социальная теория и социальная структура» он предложил систему множественных моделей функционального анализа на уровне конкретных социальных систем и общностей. Пытаясь преодолеть метафизичность структурно-функционального подхода Парсонса, Мертон наряду с понятием функции ввел понятие «дисфункции», т. е. заявил о возможности отклонения системы от принятой нормативной модели, что в свою очередь должно повлечь за собой или новый этап в приспособлении системы к существующему порядку, или определенное изменение системы норм. Таким путем Мертон пытался ввести в функционализм идею изменения. Но он ограничил изменение «средним» уровнем — уровнем конкретной социальной системы, связав его с проблематикой «разлада» системы — с понятием аномии.

Кроме разработанной Мертоном «структурно-дисфункциональной» модели социального изменения, существует целый ряд других — однофакторных и многофакторных — моделей. Общее, что характеризует все эти модели, — это попытка выяснить причины становления и развития тех или иных социальных явлений, т. е. попытка дать им причинно-следственное объяснение. В качестве альтернативы нормативному детерминизму было выдвинуто несколько видов детерминизма — от биологического до технологического и экономического. Однако общая точка зрения так и не сложилась.

Теории социального конфликта создавались на основе критики метафизических элементов структурного функционализма Парсонса, который обвинялся в чрезмерном внимании к проблеме системного равновесия, в забвении социального конфликта, в неумении учесть центральное место материальных интересов в человеческих делах, в неоправданном оптимизме, в подчеркивании значения интеграции и согласия за счет радикального изменения и нестабильности.

У истоков теории «социального конфликта» стоял американский социолог Ч.Р. Миллс. Опираясь на идеи К. Маркса, Т. Веблена, М. Вебера, В. Парето и Г. Моска, Миллс утверждал, что любой макросоциологический анализ чего-то стоит лишь в том случае, если он касается проблем борьбы за власть между конфликтующими социальными группами.

Теория «социального конфликта» получила более четкую формулировку в работах германского социолога Р. Дарендорфа, английского — Т. Боттомора, американского — Л. Козера и других западных социологов.

Обосновывая главные положения теории социального конфликта, Ральф Дарендорф (р. 1929) утверждает, что все сложные организации основываются на перераспределении власти, что люди, обладающие властью, способны с помощью различных средств, среди которых главным является принуждение, добиваться выгоды от людей, обладающих меньшей властью. Возможности распределения власти и авторитета крайне ограничены, и поэтому члены любого общества борются за их перераспределение. Эта борьба может не проявляться открыто, но основания для нее существуют в любой социальной структуре.

Таким образом, согласно Дарендорфу, в основе конфликтов человеческих интересов лежат не экономические причины, а стремление людей к перераспределению власти. Источником конфликтов становится так называемый homo politicus («политический человек»), а поскольку одно перераспределение власти выдвигает на очередь другое, социальные конфликты имманентно присущи любому обществу. Они неизбежны и постоянны, служат средством удовлетворения интересов, смягчения проявлений различных человеческих страстей. «Все отношения индивидов, построенные на несовместимых целях, — утверждает Дарендорф, — ...являются отношениями социального конфликта»[6].

Во Франции роль структурно-функционального подхода к социальной реальности сыграл структурализм — влиятельное направление, представленное такими видными социологами как М. Фуко, К. Леви-Стросс и др. Основной пафос структурализма состоял в попытке построения новой модели социальной реальности. Структуралисты Франции — последователи лингвистического структурализма, развивавшегося в первой четверти века. Поэтому они использовали методологический аппарат, связанный с аппаратом структурной лингвистики, семиотики, а также некоторые методы точных и естественных наук.

Клод Леви-Стросс (р. 1908), один из крупнейших современных культурантропологов, изучая структуру мышления и быта первобытных народов, делает вывод, что исторический подход («диахронный разрез») лишь облегчает понимание того, как возникают те или иные социальные институты. Главная же цель научного

[6] *Dahrendorf R.* Class and class conflict in industrial society. Stanford, 1959. P. 135.

исследования общества — «синхронный разрез», прослеживание того, каким образом коллективное бессознательное формирует символические структуры данного общества — его ритуалы, культурные традиции, речевые формы.

У Мишеля Фуко (1926–1984) социоисторические исследования культур (он именует их «дискурсами») прошлого, особенно эпохи Средневековья, раннего и позднего Возрождения, классицизма посвящены слабо изученным областям сферы коллективного бессознательного, таким, как болезнь, безумие, девиантное поведение.

Фуко выводит «дискурсивные» (ментальные) структуры, подразумевая под этими обозначениями нормативные системы и структурацию знания, действовавшие в различные периоды истории, из структуры социальных институтов.

Истинно научным, объективным исследованием является, по Фуко, возможно более строгое и детальное изучение каждой данной ментальной структуры как структуры коллективного бессознательного в ее соотношении со структурой «власти».

Ряд социологов, неудовлетворенных структурно-функционалистскими и структуралистскими макротеориями, ориентированными на изучение социальных институтов и пренебрегающих изучением творческой, сознательной человеческой деятельности, вплотную занялись разработкой теорий, ориентированных на выяснение роли конкретных межчеловеческих взаимодействий в создании и функционировании общественных структур.

Среди новых микротеорий можно выделить две разновидности социального бихевиоризма, который уделяет главное внимание наблюдаемому факту человеческого поведения и взаимодействия. Взаимодействие трактуется в двух различных вариантах: один — по формуле «стимул (С) – реакция (Р)»; другой — «стимул (С) – интерпретация (И) – реакция (Р)». Первая форма бихевиоризма представлена психологической концепцией социального обмена Дж. Хоманса и ее различными вариациями, вторая — «символическим интеракционизмом» Дж.Г. Мида.

Теория социального обмена, наиболее яркими представителями которой являются Джордж Хоманс (р. 1910) и Питер Блау (р. 1918), в противоположность структурному функционализму исходит из примата не системы, а человека. «Назад к человеку» — лозунг, выдвинутый Хомансом, положил начало критике структурного функционализма с позиций психологизма.

Структурные функционалисты абсолютизировали нормативную сторону жизнедеятельности общества. Бихевиористы провозгласили примат психического над социальным.

Бихевиористы заняли строго определенную позицию в отношении двух гносеологических проблем. Первая проблема — свобода выбора или его жесткая детерминированность? Она была решена в пользу детерминизма. Вторая проблема — это необходимость знания душевных состояний индивидуумов для объяснения их поведения, которую бихевиористы решительно отвергают, так как считают сами эти состояния иллюзией.

Бихевиористская концепция Хоманса оказала существенное влияние на концепцию П. Блау. Исходным положением теории социального обмена Блау является то, что людям необходимы многообразные виды вознаграждений, получить которые они могут только взаимодействуя с другими людьми. Люди, пишет Блау, вступают в социальные отношения, поскольку ожидают, что будут вознаграждены, и продолжают эти отношения, потому что получают то, к чему стремятся. Вознаграждением в процессе социального взаимодействия могут быть социальное одобрение, уважение, статус и т. п., а также и практическая помощь. Блау учитывает и то, что отношения в процессе взаимодействия могут быть неравными. В этом случае человек, обладающий средствами для удовлетворения потребностей других людей, может использовать их для приобретения власти над ними. Это возможно при наличии четырех условий: 1) если нуждающиеся не располагают необходимыми средствами; 2) если они не могут получить их из другого источника; 3) если они не хотят получить силой то, в чем они нуждаются; 4) если в их системе ценностей не произойдет изменений, при которых они смогут обойтись без того, что раньше им было необходимо.

Осознание глубоких противоречий бихевиористского подхода, а также мысль о несводимости человеческого поведения к набору реакций на внешние стимулы, о способности человека творчески осмысливать свою социальную среду побудили ряд социологов интерпретировать поведение с точки зрения того значения, которое личность (или группа) придает тем или иным аспектам ситуации. Для обоснования этой идеи социологи-теоретики обратились к теориям символического интеракционизма, к феноменологической социологии.

Создателем теории символического интеракционизма является американский ученый Джордж Герберт Мид (1863–1931). Сам Мид считал свою социальную психологию бихевиористской на том основании, что она начинается с наблюдения реального протекания социальных процессов. Но когда дело касалось исследования внутренних фаз реального поведения или деятельности, его теория

не была бихевиористской. Наоборот, утверждал американский ученый, она непосредственно связана с исследованием этих процессов «внутри» поведения как целого. Стремясь определить, как сознание рождается в поведении индивида, эта теория идет, так сказать, от внешнего к внутреннему, а не от внутреннего к внешнему.

Характерными чертами символического интеракционизма, отличающими его от большинства направлений социологии и социальной психологии, стали, во-первых, его стремление исходить при объяснении поведения не из индивидуальных влечений, потребностей, интересов, а из общества (понимаемого как совокупность взаимодействий между индивидами) и, во-вторых, попытка рассматривать все многообразные связи человека с вещами, природой, другими людьми, группами людей и обществом в целом как связи, опосредствованные символами. При этом особое значение придается языковой символике. В основе символического интеракционизма лежит представление о социальной деятельности как совокупности социальных ролей, которая фиксируется в системе языковых и других символов.

Мид рассматривает личность как социальный продукт, обнаруживая механизм ее формирования в ролевом взаимодействии. Роли устанавливают границы подобающего поведения индивида в определенной ситуации. В процессе ролевого исполнения происходит интериоризация связанных с ролью значений. Необходимое во взаимодействии «принятие роли другого» обеспечивает, согласно Миду, превращение внешнего социального контроля в самоконтроль и формирование человеческого *Я*. Сознательная регуляция поведения описывается как непрерывное соотнесение представления о своей роли с представлением о себе, со своим *Я*. *Я* как то, что может быть объектом для самого *Себя*, является в сущности социальным образованием и возникает в ходе реализации социального опыта.

Символический интеракционизм (Г. Блумер, А. Роуз, Г. Стоун, А. Стресс и др.) делает главный акцент в своих теоретических построениях на лингвистической или предметной стороне коммуникации, особенно на роли языка в формировании сознания, человеческого Я и общества.

Согласно концепции символического интеракционизма в изложении Герберта Блумера (р. 1900), люди действуют по отношению к объектам, ориентируясь прежде всего на значения, которые придают этим объектам, а не на их субстанциональную природу. Эти значения формируются и переформировываются в процессе

социального взаимодействия. Социальная реальность далека от того, чтобы быть стабильной. Она подвижна и конвенциональна и является продуктом взаимосогласования значений между тесно взаимосвязанными совокупностями действующих лиц — акторов. Эти лица вовлечены в бесконечный поток интерпретаций, оценок, определений и переопределений ситуаций, так что лишь четкие индуктивные процедуры могут помочь в деле объяснения поведения.

По мнению самих американских социологов, символический интеракционизм описывает взаимодействие людей в обществе с позиций приспособления (или отказа от приспособления) друг к другу участников игры. Поскольку игры имеют правила, символические интеракционисты предпочитают фокусировать внимание на том, как в зависимости от хода взаимодействия игроки создают, поддерживают и осознают правила игры.

Следуя терминологии М. Вебера, развивавшего ранее во многом сходные идеи, некоторые социологи называют символический интеракционизм «теорией действия». Другие именуют его «ролевой теорией».

В 60-х гг. среди социологов Запада резко повысился интерес к работам немецкого философа феноменологического направления Э. Гуссерля, и известное развитие получила так называемая феноменологическая социология. Большое влияние на развитие этой дисциплины оказали труды австрийского философа Альфреда Шюца (1899–1959). В центре внимания Шюца находится проблема «интерсубъективности» — как мы понимаем друг друга, как формируется общее восприятие и общее представление о мире? Шюцевские анализы интерсубъективности составили фундамент «социологии обыденного знания» — одной из наиболее разработанных концепций феноменологической социологии.

Каждый человек, пишет Шюц, обладает уникальной биографией и воспринимает мир по-своему. Однако этим не исключается «взаимность перспектив», благодаря существованию которой становится возможным взаимодействие людей друг с другом. Человек, согласно Шюцу, воспринимает внешний мир — вещи, события — как типы. «Типизирующим медиумом», посредством которого передается социально обусловленное знание, служат словарь и синтаксис повседневной речи. Представителями типов являются и люди. Однако воспринимаются они с различной степенью анонимности. Поэтому наиболее важной для понимания человеком социального мира оказывается такая категория социальных индивидов как «сотоварищи», с которыми его связывают «мы — отношения».

В состав обыденного знания входит также и арсенал практических действий, которые Шюц называл «эффективными рецептами использования типичных средств для достижения типичных целей в типичных ситуациях». Однако эти «верные рецепты» не всегда оказываются годными, тогда индивид ищет другие. Так, по мере развертывания индивидуальной биографии растет его опыт. Этот процесс называется у феноменологов «наслаиванием». Слой за слоем новое знание «вписывается» в уже имеющиеся типы или же дает начало ядру, из которого вырастает новая типическая структура. Обыденный, повседневный мир, по Шюцу, является «высшей реальностью», наиболее важной для человеческого познания. Однако в «высшей реальности» существуют конечные области значения, в границах которых человек может позволить себе сомневаться и ставить под сомнение свои обыденные суждения. К ним относятся магия, религия и наука.

Для социолога наибольший интерес представляет та «конечная область знания», в которой он специализируется, т. е. социология. Он работает в области реальности, резко контрастирующей с повседневным миром. Его задача состоит в формулировании ясных и последовательных объяснений предмета, который по самой своей природе неясен и непоследователен. Для этого, т. е. для своих собственных научных целей, социолог должен конструировать типы тех типов, которые исследуемые объекты конструируют для своих практических целей. Социологические понятия, следовательно, представляют собой идеальные типы идеальных типов или, по Шюцу, «конструкты второго порядка».

Наиболее своеобразно положения феноменологической социологии Шюца были восприняты двумя различными школами. Первую из них — школу феноменологической социологии знания — возглавили Петер Бергер (р. 1929) и Томас Лукман (р. 1927), вторую, получившую имя «этнометодологии» (термин сконструирован по аналогии с этнографическим термином «Этнонаука» — зачаточные знания в примитивных обществах), — Гарольд Гарфинкель (р. 1917).

П. Бергера и Т. Лукмана отличает от Шюца стремление обосновать необходимость «узаконения» символических универсалий общества.

Теория «легитимизации», развиваемая этими американскими социологами, исходит из того, что внутренняя нестабильность человеческого организма требует «создания самим человеком устойчивой жизненной среды». В этих целях они предлагают институционализацию значений и моделей действия человека в «обыденном мире».

«Этнометодологи» (Г. Гарфинкель, А. Сикурел, Д. Дуглас, П. Макхью и др.) полагают, что, вступая во взаимодействие, каждый индивид имеет представление о том, как будет или должно протекать это взаимодействие, причем представления эти организуются в согласии с нормами и требованиями, отличными от норм и требований общепринятого рационального суждения. Отсюда программное положение этнометодологии: «Черты рациональности поведения должны быть выявлены в самом поведении».

Гарфинкель концентрирует свое внимание на исследовании единичных («уникальных») актов социального взаимодействия, отождествляемого с речевой коммуникацией. С его точки зрения основная задача социологии — выявление рациональности обыденной жизни, противопоставляемой рациональности научной. Он критикует методы традиционной социологии как искусственное наложение готовых схем на реальное человеческое поведение.

Итак, зарубежная социология второй половины XX в. характеризуется появлением крупных новых направлений, их борьбой со старыми, созданием новых теорий, усложнением концептуального аппарата, совершенствованием исходных принципов и дальнейшим поиском специфики социологического подхода к изучению общества.

В заключение кратко остановимся на эволюции социологической науки в России во второй половине XX в. в сравнении с ее развитием на Западе.

Во-первых, начиная с 1930-х гг. социология в СССР существовала в рамках только одной научной традиции — марксистской — и находилась под жестким идеологическим контролем со стороны государства. Социологи были ограничены как в выборе тем и направлений исследований, так и в выборе методологии и методов сбора информации. Выводы и результаты исследований не должны были противоречить установкам официальной идеологии. Эта идеологическая позиция вела к искусственной изоляции отечественной социологии от мировой общественной мысли, вносила односторонний классовый подход в оценку достижений западной социологии, что в итоге негативно отразилось на дальнейшем развитии социологии в СССР.

Во-вторых, процесс институционализации социологии в России, становления ее как самостоятельной области научного знания искусственно задерживался партийно-государственными органами. Как уже упоминалось выше, в период с 1930-х по начало 1960-х гг. существование социологии просто не признавалось.

Возрождение социологии связано с периодом «оттепели» в годы правления Н.С. Хрущева. Либерализация политического режима стимулировала потребность управленческих структур в получении объективной информации о различных сторонах жизни общества, что и послужило первопричиной развертывания эмпирических социальных исследований, охвативших в первую очередь сферу производства, а затем и другие области — социальную структуру общества, город и село, культуру, печать, телевидение. В 1962 г. была основана Советская социологическая ассоциация. В 1968 г. создан Институт конкретных социальных исследований АН СССР (в 1988 г. переименован в Институт социологии), а в 1974 г. начал выходить в свет журнал «Социологические исследования». В ряде университетов, в различных исследовательских учреждениях гуманитарного профиля создавались социологические лаборатории, отделы, службы.

Ситуация в области социологической науки в этот период сложилась парадоксальная. Социологические исследования получили права гражданства, а социология как наука — нет. Возобладала концепция, в которой социология отождествлялась с социальной философией марксизма — историческим материализмом, а конкретные социологические исследования, как несовместимые со спецификой философской гносеологии, выводились за пределы социологического знания. Эти исследования трактовались как попытка привнести в философию марксизма элементы позитивизма, а ученым-социологам отводилась роль «собирателей фактов».

Окончательное отделение социологии от философии, истории, политологии и других общественных наук произошло в России только в конце 1980-х – начале 1990-х гг. и было прямо связано с радикальным реформированием общества. С ликвидацией идеологической монополии коммунистической партии были устранены препятствия, которые привели к изоляции отечественных социологов от мирового научного сообщества и сдерживали естественный процесс дифференциации в общественных науках. В области методологии социологических исследований был признан принцип плюрализма. Широко стали публиковаться труды как иностранных, так и русских социологов, ранее запрещенных или замалчиваемых по идеологическим причинам. Наряду с философией, историей, политологией, социология как обязательная учебная дисциплина стала включаться в учебные планы вузов, во многих российских университетах открылись отделения социологии, которые стали готовить кадры социологов-профессионалов. В конце 1980-х годов

специально для проведения массовых опросов в России был создан ВЦИОМ — Всероссийский центр изучения общественного мнения. В начале 1990-х гг. появились первые коммерческие социологические центры — РОМИР, ИНДЕМ и др. — которые стали проводить опросы по заказам государственных органов, политических партий, частных лиц.

Однако процесс институционализации социологии в России еще не закончился: не хватает высокопрофессиональных кадров, многие социологические центры испытывают трудности с финансированием, но самое главное — ни у государственных органов, ни у населения не сформировалась еще потребность в получении объективного знания об общественном мнении. Это приводит к тому, что, органы государственной власти или, например, кандидаты на выборах рассматривают результаты социологических опросов как средство манипуляции мнением населения, а сами граждане относятся к данным опросов скептически, доверяя им не более, чем прогнозам погоды. Тем не менее, в течение 1990-х гг. отставание российской социологии от уровня развития социологического знания в Европе и США, вызванное многолетней изоляцией, существенно сократилось, и эта наука имеет благоприятные перспективы, которые, однако, прямо связаны с процессом формирования гражданского общества и успехами реальной демократии в России.

ГЛАВА II

СТРУКТУРА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ И ЕГО МЕСТО В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

1. Объект и предмет социологии

Современные представления о предмете социологии сформировались не сразу. Они явились результатом длительных поисков и дискуссий зарубежных и российских ученых.

О. Конт, определяя предмет социологии как самостоятельной науки, строго говоря, очертил лишь ее объект — общество. Во времена О. Конта такое определение социологии имело основания. Главным «конкурентом» социологии в истолковании общества выступала тогда социальная философия, которую О. Конт не считал «позитивной наукой» и полностью отрицал ее право на существование, так что проблема взаимоотношений социологии со смежными дисциплинами снималась как бы сама собой.

Современные социологи отошли от чрезмерной категоричности в оценке социальной философии. Сегодня общество является объектом изучения не только социологии, но и многих других наук. В их числе (помимо социальной философии) история, психология, экономика, педагогика, культурология, правоведение, антропология, этика, эстетика и др. Как разобраться во всем этом многообразии? Существует ли особая сфера общественной жизни, которую изучает только социология? А если такой сферы нет, то чем отличается социология от всех прочих наук об обществе? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо вспомнить значение понятий «объект» и «предмет» науки.

Под «объектом» науки обычно понимают какую-то часть окружающего мира (или даже мир в целом), а «предметом» является тот угол зрения, под которым данная наука изучает свой объект.

Каждое явление окружающего нас мира включено во множество различных связей и отношений, поэтому один и тот же объект может служить предметом изучения различных наук, каждая из которых будет выделять в нем свои особые, интересующие только данную науку связи и отношения. Наглядным примером может служить «человек», который является объектом изучения не только гуманитарных и общественных наук, но также и биологии, генетики, экологии, эргономики, психиатрии и т. п.

Объектом социологии как науки является «общество в целом». Подобный объект исследования — «общество в целом» — имеют еще социальная философия и история. Все остальные науки об обществе изучают отдельные сферы или уровни общественной жизни. В отличие от них социология подходит к изучению общества как к целостному образованию, как к системе.

Предметом социологии являются социальные связи и отношения, которые лежат в фундаменте общественной жизни и определяют целостность общественной системы. Социология изучает механизмы и закономерности, которые превращают простую совокупность индивидов в некоторое взаимосвязанное целое — в общество, изучает, каким образом возникает социальная связь между людьми, на чем держатся отношения взаимозависимости и сотрудничества и почему происходят дезинтеграция и распад этих отношений, что заставляет людей объединяться и действовать сообща и почему возникают социальная напряженность и конфликты.

Все связи и отношения в обществе проявляются через *социальное взаимодействие* между индивидами, социальными общностями и организациями. Социальное взаимодействие является наиболее элементарным и в то же время наиболее глубинным основанием общественной жизни. В этом смысле социологию можно назвать наукой о социальном взаимодействии, или — как сказал известный социолог XX в. П. Сорокин, — наукой о поведении людей в среде себе подобных.

Каждое конкретное социальное явление — будь то экономика или культура, государство или личность, — изучается социологией не само по себе, а с точки зрения той роли, которую играет данное явление в рамках общества как целого. Экономист, изучая, например, семью, будет обращать свое внимание на ее бюджет (доходы и расходы), юрист — на права и обязанности супругов, родителей и детей, педагог — на воспитательные функции семьи, демограф — на половозрастной состав семьи и количество детей. Социолог, изучая семью, будет смотреть на нее сквозь призму общества как целого, с точки зрения тех функций, которые семья выполняет как

социальный институт. «В чем состоит особая роль семьи в обществе? Каковы должны быть отношения внутри семьи, чтобы семья могла выполнять свои социальные функции наиболее эффективно?» — вот вопросы, которые находятся в поле зрения социологов.

Обобщая вышесказанное, можно отметить, что предметом социологии являются закономерности возникновения и развития *совместной* жизни людей как представителей определенных социальных общностей и групп.

Как соотносится социология с другими науками об обществе?

Проблема соотношения социологии с философией была актуальна в основном во второй половине XIX столетия, когда социологию нередко отождествляли с философией истории. Границы между философским и социологическим знанием не являются жесткими и однозначными. И если эти границы достаточно легко провести на уровне эмпирической социологии, то на уровне теоретической социологии, имеющей дело с широкими обобщениями и абстрактными понятиями, сделать это не всегда просто. Философия является фундаментом всех общественных наук, так как изучает наиболее общие законы развития природы, общества и мышления. Социальная философия выступает как общеметодологическая и общетеоретическая основа социологии.

Объекты изучения социологии и социальной философии практически совпадают — общество в целом. Главное разграничение между этими науками проходит по линии предмета и метода. Социальная философия изучает законы большей степени общности — она рассматривает общество как часть мироздания и пытается понять, каким образом в обществе проявляется действие наиболее универсальных законов движения и развития (диалектика количества и качества, непрерывного и дискретного, объективного и субъективного, развитие через противоречия и т. п.).

Социология, в отличие от социальной философии, не выходит за рамки общественной системы и пытается понять общественную жизнь исходя из нее самой. «Объяснять социальное социальным» — таков девиз социологии, сформулированный еще Э. Дюркгеймом. Социология изучает закономерности возникновения и развития конкретных человеческих сообществ.

Для достижения своих целей социальная философия и социология используют различные методы. Философия применяет метод абстрактных логических (главным образом, дедуктивных) рассуждений с позиций некоторых исходных принципов, которые принимаются за аксиомы. Социология включает в себя «полный

цикл» производства научного знания: от эмпирических методов сбора первичной социальной информации до общей теории развития социальных систем. Она делает свои выводы на основе изучения самой социальной действительности (сбора, обработки и обобщения социальных фактов), в том числе с помощью количественных, математических методов. Философия не занимается сбором и обобщением социальных фактов, а опирается в своих рассуждениях на данные специальных наук об обществе, в том числе данные, полученные социологией. Социология использует данные социальной философии как методологическую основу при разработке своих теорий.

Объекты изучения социологии и истории также совпадают («общество в целом»), однако если история обращена в прошлое, к свершившимся событиям, то социология занимается, прежде всего, настоящим и будущим. Историю интересует индивидуальное лицо событий во всех частностях и подробностях, социологию — общие закономерности и механизмы социальных явлений. Методы, которые используют история и социология для изучения своих предметов также различны. Главным методом исторического исследования является изучение источников (которые вторичны по своей природе). В основе социологического исследования лежит изучение самой действительности — сбор, обработка и анализ первичных социальных фактов. Вместе с тем нельзя не видеть, что социология и история тесно связаны друг с другом. Социологи используют исторические данные при анализе и сравнении различных этапов развития общества, разных типов социальных общностей, социальных институтов, исторических форм брака и т. д. В свою очередь история также довольно часто использует результаты социологических исследований для более глубокого понимания своего предмета.

Объекты изучения социологии и политологии совпадают лишь частично, хотя политика оказывает прямое или косвенное влияние на развитие всех сфер общественной жизни. Предметом политологии выступают закономерности и механизмы функционирования политической власти и взаимоотношения людей по поводу власти. Что касается социологии, то здесь политическая власть — лишь одна из многих составляющих общественной системы, с позиций которой социология и подходит к исследованию политической сферы.

Эти примеры можно было бы продолжить, помня однако, что различные науки об обществе не противостоят, друг другу, а дополняют друг друга, что основу их единства образует тесная взаимосвязь явлений в самой общественной жизни.

2. Структура и методы современного социологического знания

Современная социология представляет собой сложную и разветвленную систему знаний, охватывающую целый комплекс теорий различного уровня. Наиболее распространенным подходом к структуре социологического знания является деление его на три уровня:

1. Эмпирические (прикладные) исследования.
2. Специальные социологические теории (теории среднего уровня).
3. Теоретические исследования (общесоциологическая теория).

Эмпирические (прикладные) исследования заняты изучением социальных фактов и методов их систематизации. Под социальным фактом в социологии понимают «единичное общественно значимое событие или некоторую совокупность однородных событий, типичных для той или иной сферы общественной жизни или характерных для определенных социальных процессов»[1]. Социальные факты различаются по их месту, времени и условиям существования. Существенной характеристикой социальных фактов является их объективность и независимость от исследователя. К социальным фактам относятся поступки и характеристики поведения людей, социальных групп и общностей, результаты человеческой деятельности (материальные и духовные), вербальные (словесные) действия (мнения, взгляды, оценки), а также их всевозможные взаимосвязи. Объективность результата, полученного на основе обработки социальных фактов, зависит от научности и обоснованности социологической теории, в понятиях которой анализируются данные факты.

Выделяют несколько видов эмпирических социологических исследований: разведывательное (пилотажное, зондажное), описательное и аналитическое.

Разведывательное исследование проводится для предварительного сбора информации об отдельных сторонах изучаемого явления. На основе данных, полученных в результате этого исследования, разрабатывается (уточняется) программа социологического исследования и проверяется эффективность выбранных методов сбора социальных фактов.

Описательное исследование опирается на результаты разведывательного исследования и направлено на получение социальной информации о явлении в целом. Объектом подобного исследования

---

[1] См. Энциклопедический социологический словарь. М., 1995.

обычно выступают большие группы людей, социальные общности, организации, коллективы предприятий, различные регионы, области. Результатом описательного исследования выступает некоторый массив информации (социальных фактов), дающий полное, всестороннее представление о социальном явлении.

Аналитическое исследование — самый сложный вид социологических исследований, предполагающий не только получение, обработку, но и теоретический анализ собранной информации. В ходе аналитического исследования устанавливается внутренняя существенная связь между элементами, выявляются причины изучаемого явления, тенденции его дальнейшего развития.

Теоретические исследования, в отличие от эмпирических, направлены не на изучение конкретных социальных явлений, а на развитие самой социологической теории. Общесоциологическая теория, или теория общества в целом, представляет собой своеобразную систему координат, в рамках которой происходит движение всех форм социологического знания. Теориями такого уровня в XX в. были структурный функционализм, социология конфликта, символический интеракционизм, неофункционализм и ряд других.

Разнообразие различных областей общественной жизни настолько велико, что одной общесоциологической теории для их адекватного познания оказывается явно недостаточно. Поэтому в процессе становления социологии как науки формировались специальные или частные социологические теории, которые занимали как бы промежуточное положение между общесоциологической теорией и эмпирическими прикладными исследованиями (социология труда, социология города, социология религии, социология молодежи, социология преступности и т. п.). Р. Мертон называл такие теории «теориями среднего радиуса действия» или теориями среднего уровня.

Названные теории призваны обобщать и структурировать эмпирические данные в пределах отдельных областей социологического знания. Опираясь на идеи и терминологию, заимствованные из фундаментальных социологических теорий, теории среднего уровня используют свою особую систему понятий и категорий, которые применяются только в данной области социологических исследований. Специальные социологические теории открывают возможность создания прочной и удобной теоретической основы для исследований конкретных областей человеческой деятельности и отдельных составляющих социальных структур и в то же время отражают практические проблемы жизни общества, дают возможность тесного взаимодействия с реальной жизнью людей.

Все многообразие теорий среднего уровня условно можно разделить на пять категорий: экономическая социология, социология социальных процессов, политическая социология, социология духовной жизни и социология управления.

Экономическая социология включает социологию труда, социологию города и деревни, экологическую социологию.

Социология социальных процессов рассматривает важные элементы социальной структуры, образа жизни человека и общества, семьи и брака, национальных отношений, девиантного (отклоняющегося) поведения.

Политическая социология подразделяется на социологию власти, социологию правосознания, социологию общественных организаций.

Социология духовной жизни общества включает в себя социологию личности, образования, культуры, науки, религии.

Социология управления занимается вопросами социального управления, социального планирования и прогнозирования.

Особую категорию теорий среднего уровня составляют «отраслевые социологические теории», которые возникают на стыке социологии с другими науками и несут в себе черты обеих научных дисциплин (социальная психология, социология права и т. п.).

Описание структуры современного социологического знания было бы неполным без изложения ее методов. Методы социологии непосредственно определяются характером ее объекта и предмета и дифференцируются в соответствии с иерархией уровней социологического знания.

Свои исходные методологические принципы социология заимствует из социальной философии (изучение общества как целостной системы, в развитии, с учетом диалектики взаимопереходов объективных и субъективных факторов человеческой деятельности и т. п.). Важнейшим методом теоретических исследований является метод структурно-функционального анализа, который в действительности представляет собой целую систему методов и который используется как в рамках общесоциологических теорий, так и при изучении отдельных сторон, сфер общественной жизни (теории среднего уровня). И наконец, на уровне эмпирических прикладных исследований социология опирается на целый комплекс специфических методов сбора, обработки и анализа социальных фактов, о которых подробнее пойдет речь в следующей главе.

Если проблемы объекта, предмета и методов социологии характеризуют, главным образом, ее внутреннюю структуру, то внешние взаимосвязи социологии раскрываются через ее функции, через

ту роль, которую социология играет в обществе. Важнейшие функции социологии определились уже в XIX в., на этапе ее возникновения, когда социология, с одной стороны, попыталась объяснить причины происходящих в обществе кризисных явлений, а с другой, — указать практические пути выхода из этого кризиса. Следуя этой логике, все функции социологии можно разделить на две большие группы: *познавательные и практические* (или прикладные).

Первая группа функций связана с получением социологического знания о том, как устроено общество, что им движет, что является причиной социальных конфликтов и как сохранить социальную гармонию. Вторая группа функций связана с использованием добытого социологического знания в практике общественной жизни. В первую группу функций, помимо собственно познавательной, входят также методологическая и мировоззренческая функции, и об этих вопросах уже неоднократно шла речь в предыдущих главах. Остановимся более подробно на практических или прикладных функциях социологии.

Прикладные функции социологии связаны, в первую очередь, с использованием социологического знания в сфере социального (политического, экономического, административного и т. п.) управления. В этой области социология способна решать или способствовать более эффективному решению следующих задач:

1) *функция социального контроля.* Конкретные социологические исследования дают информацию о скрытых социальных процессах, назревающих конфликтах и изменении общественных настроений. Органы исполнительной власти или администрация использует эту информацию в процессе выработки управленческих решений для более эффективного контроля над социальными процессами;

2) *функция социального прогнозирования.* Располагая достаточной эмпирической базой, социология способна прогнозировать возможный ход развития социальных процессов, предсказывать варианты возможного развития событий с учетом их ближайших и долговременных социальных последствий;

3) *функция социального планирования.* Сочетание двух предыдущих функций позволяет использовать возможности социологии при разработке и реализации планов социального развития на самых различных уровнях (отдельного предприятия, района, города, региона).

Наглядным примером социологической теории, имеющей ярко выраженную практическую, прикладную направленность, является социология права.

3. Социология права как отраслевая социологическая теория

Социология права — сравнительно новая отрасль отечественной социологии, которая пытается рассматривать право в социальном контексте как составную часть (элемент, функцию) общественной системы, используя весь арсенал средств и подходов, характерных для социологии (эмпирических и теоретических, прикладных и фундаментальных).

На Западе социология права возникла на рубеже XIX–XX вв. Этому способствовали начавшиеся процессы дифференциации самой теории права (выделение философии права, общей и отраслевых теорий права и т. п.) и внедрение в процесс социально-правовых исследований новых подходов (системно-структурного, структурно-функционального, социально-психологического и др.). Однако главный импульс развития социология права получила в связи с развертыванием конкретно-социологических исследований в сферах законодательной, судебной и административной деятельности.

Названные исследования не только показали применимость методов эмпирической социологии в правоведении, но и дали возможность по-новому взглянуть на ряд традиционных, в том числе теоретических проблем этой науки. Прежде всего, они выявили расхождение *права теоретического* (нормативного, должного) и *права практического*, реального, существующего в конкретных жизненных ситуациях — в действиях индивидов, организаций и социальных институтов. Это расхождение поставило перед учеными две взаимосвязанные проблемы: проблему *социальной обусловленности* и проблему *социальной действенности* правовых норм. Стремление решить эти проблемы привело к формированию нового, более широкого — *социологического подхода к праву*, который с течением времени оформился в междисциплинарную теорию, получившую название «социология права».

Начало становления отечественной социологии права приходится на 70–80-е годы XX в. и связано с активным развитием эмпирических исследований реального функционирования правовых норм. Эти исследования дали обширный эмпирический материал, который не мог не показать факты несовпадения правовых норм с практикой «зрелого социализма». Однако в те «застойные» времена подобные факты не могли получить должной оценки, и окончательное становление социологии права в нашей стране произошло уже в 90-е гг. XX в., когда ситуация в обществе коренным образом изменилась.

Вокруг социологии права, как это и положено на этапе становления новой науки, еще ведутся споры[2]. Спорят о статусе новой дисциплины, о ее принадлежности к социологии или юриспруденции, о соотношении понятий «социология права» и «юридическая социология» и по многим другим вопросам. Вместе с тем очевидно, что контуры социологии права уже определились, и, при всех имеющихся разногласиях, никто не ставит под сомнение сам факт ее существования.

Чем же занимается социология права? Каков ее предмет? Чтобы ответить на этот вопрос надо разобраться в отношении социологии права к другим научным дисциплинам о праве. Сегодня наука о праве выступает в трех основных измерениях: *философия права, теория права* (или юриспруденция) и *социология права*.

Философия права пытается осмыслить право с позиций мировоззренческих, глобальных — понять цель или внутренний смысл права, его соотношение со свободой индивида, существующими нравственными ценностями, стремится сформулировать основные принципы познания, изучения права. Философия права занимается изучением и социальных аспектов права, но делает это также со своих особых философских позиций — путем абстрактных размышлений о человеке и обществе на основе личного опыта исследователя. Результатом таких рассуждений становятся философские умозрительные конструкции о сущности свободы и справедливости, о соотношении прав и обязанностей личности и основных принципах их реализации в обществе.

Социология права, как и любая другая наука об обществе и человеке, неизбежно отталкивалась от результатов мировоззренческих философских разработок в своей области исследования. Однако она не ограничилась общими рассуждениями о праве, а обратилась к эмпирическим методам изучения социальных явлений, которые позволили создать новый, не типичный для философии, базис теоретического осмысления правовой реальности.

Таким образом, и философия, и социология права изучают социальную природу права, но делают это с разных методологических позиций. Они взаимно дополняют друг друга, давая более полную и глубокую картину правовой реальности. Границу между философией и социологией права можно было бы провести по аналогии соотношения гносеологии и онтологии, где роль гносеологии

---

[2] Подробнее см.: *Варчук В.В.* Социология права — отрасль социологии. Социологические исследования, 1996. № 10; *Тадевосян Э.В.* К вопросу о социологии права // Социологические исследования, 1997. № 11; *Лапаева В.В.* Социология права как юридическая дисциплина? // Социологические исследования, 1999. № 7.

правовой реальности выполняет философия права, а непосредственным ее изучением занимаются социология права и теория права[3].

Несколько сложнее обстоит дело с соотношением социологии права с теорией права. Традиционная теория права ограничивалась изучением фактов и ситуаций, которые получали ту или иную внешнюю юридическую форму выражения (судебное решение, нотариально заверенный договор купли-продажи или дарения, официально зарегистрированный брак или правонарушение и т. п.). Именно эти формально зафиксированные факты и ситуации юрист-догматик считал единственной правовой реальностью, их он обобщал и апеллировал к ним как к доказательствам. Однако в результате эмпирических исследований на рубеже XIX–XX вв. стало очевидно, что огромное количество реальных правоотношений и ситуаций оставались при этом как бы «за кадром», когда люди не оформляли юридически свои правоотношения, хотя и руководствовались в своих действиях существующими правовыми нормами. Среди них конфликтные ситуации, разрешаемые «без» или «до» судебного разбирательства; массовые повседневные акты бытовой купли-продажи, неоформленные акты дарения, незарегистрированные браки и правонарушения и т. п.

Юридически зафиксированные правоотношения составляют лишь малую часть правовой реальности, в то же время догматическое правоведение не располагает средствами для исследования этой реальности в ее полном объеме. Такими средствами располагает социология, в частности социология права, которая способна исследовать все многообразие реальных правовых отношений, независимо от способа их выражения и фиксации.

Если традиционная теория права ограничивала сферу своих интересов правовыми отношениями, то социология права стремится выйти в поисках объяснения права за рамки самого права — рассматривает возникновение и функционирование права не только в рамках правовых, но и внеправовых отношений.

Социология права изучает:

• связи между правом как социальным феноменом и обществом;

• социальные источники, социальные предпосылки правовых отношений, социальную обусловленность правовых норм;

• социальные функции права, последствия связанные с принятием и введением в общественную жизнь правовых актов;

• комплексные процессы трансформации юридических норм в социальное поведение на всех уровнях;

---

[3] См., например: *Керимов Д.А.* Философские основания политико-правовых исследований. М., 1986. С. 71–72; его же: Основы философии права. М., 1992.

• функционирование и развитие правовых норм и институтов в единстве формальных (правовых) и неформальных (неправовых, социальных) моментов, таких как уровень правовой информированности, профессиональный статус, образование, пол, возраст, доход и др.

В.Н. Кудрявцев и В.П. Казимирчук, авторы первого в современной российской истории учебника по социологии права, так определяют предмет этой новой дисциплины: «Предметом социально-правовых исследований являются общественные отношения, складывающиеся как при формировании правовых актов, т. е. при подготовке перевода социальных отношений на язык юридических норм, так и в конечном пункте — при переводе, реализации правовых предписаний в социальное поведение личности и социальных образований»[4].

Социология права решает двуединую задачу — изучает *социальную обусловленность и социальное действие (эффективность) права* и его институтов — влияние права на общественные отношения и обратное влияние социальных факторов на право. Отсюда следует, что социология права является междисциплинарной наукой, т. е. предметы социологии права и теории права частично совпадают. Однако это частичное совпадение вовсе не означает, что они дублируют друг друга или одна из наук в чем-то подменяет другую. Как и в случае с философией права, речь идет о своеобразном разделении труда, а точнее, о различных методологических подходах к изучению единой правовой реальности.

Как соотносится социология права с другими науками, изучающими криминальную сферу? Социология права вместе с криминологией, социологией отклоняющегося поведения и общей социологией непосредственно включена в процесс изучения этой сферы. Определенное разделение труда между названными дисциплинами вытекает из сложной комплексной природы такого феномена, как правонарушение.

Правонарушение, как социальное явление очень многогранно. Оно представляет собой одну из разновидностей человеческой деятельности, одну из многочисленных форм отклоняющегося (девиантного) поведения и, наконец, один из типов поведения граждан в правовом пространстве (правовое и противоправное поведение).

Общесоциологическая теория образует методологическую основу для всех наук, изучающих криминальную сферу, разрабатывает

---

[4] *Казимирчук В.П., Кудрявцев В.Н.* Современная социология права: Учеб. М., 1995. С. 9.

общую теорию социального действия или поведения. Социология отклоняющегося поведения изучает правонарушение как отклонение от нормы наряду со многими другими разновидностями девиантного поведения. Исследованием правонарушения как антипода правового поведения граждан занимается социология права. И, наконец, криминология, используя данные всех перечисленных, а также ряда других наук (психологии, психиатрии, уголовной статистики, криминалистики, демографии, педагогики и др.), пытается воссоздать комплексную полную картину правонарушения — понять причины его возникновения и способы предупреждения (профилактики).

Таково отношение социологии права к важнейшим правовым теориям — философии права и теории права и иным наукам, изучающим криминальную сферу. Сегодня социология права находится в процессе становления, однако специалисты уже говорят о наличии собственной внутренней структуры этой новой научной дисциплины. На данный момент в понимании этого вопроса существует два основных подхода. Первый подход берет за основу структуру самой социологии, второй — существующую систему права.

В первом случае в социологии права различают:

а) по уровню исследования — макро-, мезо- и микротеории;

б) по характеру исследования — теоретические и эмпирические;

в) по целям и задачам исследования — фундаментальные и прикладные.

Однако наиболее дифференцированная и общепризнанная структура социологии права возникает на основе системы самого права. Так, например, Ж. Карбонье выделяет два главных основания классификации подразделов социологии права:

а) по отраслям и категориям права — социология уголовного права, социология административного права, социология гражданского права, социология международного права и т. д.;

б) по исполнителям правовых ролей — законодательная социология и судебная социология (которые снабжают названные инстанции данными, необходимыми для выполнения их функций)[5].

Процесс внутренней дифференциации социологии права проходит сегодня достаточно интенсивно и, в то же время, очень неравномерно. Степень «социологизации» отраслей права различна.

Так, наиболее развитой социологией в рамках гражданского права в большинстве стран является социология семьи. Именно здесь сосредоточена основная масса социально-правовых проблем

---

[5] См.: *Карбонье Ж.* Юридическая социология. Пер. с фр. М., 1986. С. 48–53.

частной жизни населения, которыми занимается эта отрасль социологии. И это не только проблемы раздела имущества, наследования или судьбы малолетних детей, но также и проблема соответствия действующего семейного права существующим социальным реальностям. Несмотря на то, что во многих случаях названная отрасль социологии еще тяготеет к социологии семьи как специальной социологической теории или даже подменяется ей, наличие у «социологии семейного права» своей особой проблематики достаточно очевидно.

Несколько иначе обстоит дело с «социологией уголовного права». Проблема преступности изучается социологией преступности и криминологией, и это создает впечатление отсутствия необходимости в создании еще одной социологической теории. Однако при более внимательном рассмотрении такое мнение оказывается ошибочным, поскольку «преступление» и «наказание» имеют место на разных отрезках социального времени и пространства, и если социология преступности и криминология изучают преступное поведение от его истоков до самого акта совершения преступления, то предметом «социологии уголовного права» должна стать проблема наказания, то есть реакция общества на уже совершенное преступление.

Вряд ли стоит ожидать, что за каждой отраслью права со временем обязательно закрепится своя социологическая теория. Весьма сомнительно, например, возникновение «социологии конституционного права», поскольку эта проблематика изучается в рамках политической социологии. Вместе с тем, существуют такие, на первый взгляд, небольшие разделы права, в рамках которых специалисты прогнозируют возникновение самостоятельных «социологий права». К ним относят «социологию акционерного права», «социологию ответственности», «социологию собственности», «социологию наследования» и т. п.[6] Процесс внутренней дифференциации социологии права продолжается, и ее структура будет неизбежно меняться в обозримом будущем.

Какие функции выполняет социология права? Какую реальную пользу она приносит? Жан Карбонье, один из современных классиков социологии права, выделяет две группы таких функций: 1) научную и 2) практическую[7].

О научных, познавательных возможностях социологии права, о том, что она может дать нового по сравнению с традиционной

[6] Там же. С. 50.

[7] Там же. С. 277–338.

теорией права, достаточно подробно шла речь выше — это исследование правовой реальности в ее полном объеме, стремление объяснить право в социальном контексте, выйдя за рамки самого права и т. п.

Что касается практической, прикладной функции социологии права, то она самым тесным образом связана с прикладными функциями самой юриспруденции, к которым традиционно относят *юрисдикцию и законотворчество*.

Применительно к судебной деятельности речь идет, прежде всего, о *социологической экспертизе*, то есть о конкретно-социологическом исследовании, которое проводится по требованию судьи с целью получения более полной информации по тому или иному делу. Рассматривая дело о разводе и решая судьбу малолетних детей, которых при существующем порядке, как правило, почти автоматически оставляют за матерью, суд может затребовать *социальную анкету* на каждого из родителей. Социологическая экспертиза будет вполне уместна и в уголовном процессе, например, при рассмотрении дел несовершеннолетних правонарушителей, а также во всех тех случаях, когда целью является не только определение меры наказания преступившего закон индивида, но и его интеграция в общество. Особо стоит вопрос об использовании социологической экспертизы в процессе ресоциализации лиц, вернувшихся из мест заключения.

Социология права может оказать практическую помощь и при толковании законов. Социология по самой своей природе исходит из интересов общества в целом и в силу этого способна противостоять узкогрупповым, корыстным, политическим и другим конъюнктурным интересам.

Использование социологических исследований в законодательной деятельности также происходит в разных формах. Жан Карбонье выделяет два вида прикладной социологии законодательства: 1) прикладные исследования, которые изучают лишь механизм законодательной деятельности, безотносительно к его содержанию и 2) прикладные исследования, объектом которых является само содержание законов[8].

Известно, что эффективность действия любого закона во многом зависит от отношения к нему населения. В цивилизованном демократическом обществе сам по себе факт принятия какого-либо нового закона законодателем еще не означает автоматического

---

[8] Там же. С. 318.

«принятия» этого закона населением в качестве руководства к действию. Между правовой нормой и ее практической реализацией в поступках граждан всегда существует определенный «зазор», который тем меньше, чем с большим пониманием относится общественное мнение к данной норме. Отсюда следует, что к принятию нового закона, и тем более к проведению реформы, общественное мнение граждан необходимо готовить.

Социология права, используя опрос мнений, помогает выяснить, какие основные мотивы противодействуют предполагаемой реформе. Эта информация помогает законодателю правильно вести разъяснительную работу с целью изменить мнение граждан в необходимую сторону. Социологические опросы способны оказать помощь и после принятия нового закона. Они позволяют измерить «степень незнания» закона различными категориями населения, чтобы принять дополнительные разъяснительные меры, а также выявить масштабы и возможные причины его неэффективного действия.

Что касается возможностей социологии права с точки зрения совершенствования или корректировки самого содержания закона, то здесь, разумеется, речь не идет о том, что социология способна создавать сами законы, но она, тем не менее, способна многое подсказать законодателю. Так, целый ряд реформ, проведенных в 60-е гг. XX в. во Франции в области семейного права, были подготовлены на основе широких исследований, проведенных Институтом общественного мнения по поручению министра юстиции[9]. В сравнительно меньших масштабах подобная практика имела место и в других странах.

Существует еще одна область, связанная главным образом с частной жизнью, где социология права может оказать и уже оказывает практическую помощь — это *сфера договора*. Речь идет об основанных на эмпирических исследованиях социально-правовых рекомендациях относительно выбора надежного поставщика, посредника, клиента, брачного партнера; или о прогнозах относительно готовности выполнять свои юридические обязательства потенциальным должником в случае заключения с ним договора о предоставлении кредита и т. п.

Практическая польза, которую уже сегодня приносит социология в области реальных правовых отношений, очевидна. Также очевиден большой потенциал еще не раскрытых ее возможностей. В настоящий момент социология права не обрела законченные

[9] Там же. С. 322.

формы, процесс ее становления продолжается, однако «место под солнцем» ей уже завоевано.

Таковы основные контуры новой и весьма перспективной научной дисциплины, которая формируется на стыке социологии и юридических наук.

Завершая настоящую главу необходимо отметить, что структура, методы и функции современного социологического знания не являются чем-то застывшим и неизменным. Социология возникла в ответ на практические потребности общества, она изменяется вместе с изменением общества: появляются новые отрасли социологии, открываются новые области ее практического приложения, складываются новые методы и методики исследования социальных явлений.

ГЛАВА III

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ЭМПИРИЧЕСКИХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

1. Программа и этапы эмпирического исследования. Выборочный метод в социологии

В настоящее время, когда наблюдается своеобразный бум в изучении общественного мнения, многие начинающие исследователи (аспиранты, преподаватели, менеджеры), которым требуется провести социологический опрос, недооценивают значение программы предстоящего социологического исследования, увлекаясь составлением инструментария (разработкой анкет, тестов и т. п.), организацией процедур получения и обработки первичной информации и т. д. Такой подход является ошибочным. Первый документ, который необходимо подготовить, это *программа социологического исследования*, содержащая методологические и методические предпосылки научного поиска. Перескакивание через этапы и недооценка общей методологии и методики в изучении общественного мнения приводит к получению недостоверной социальной информации. Разработка инструментария, сбор первичной информации и ее обработка, последующий теоретический анализ — это единый процесс получения знаний, который должен отвечать строгим научным критериям.

Создание программы социологического исследования начинается с определения его целей и задач. Выбор целей и задач предполагает тесное сотрудничество исследователя и заказчика (руководства вуза, предприятия, отдела кадров и т. д.).

Цель социологического исследования можно определить как модель его конечного результата (решения научной или практической проблемы), который может быть достигнут с помощью проведения исследования. Ориентация на поставленную в программе

цель служит необходимым критерием эффективности предпринятых теоретических, методических, организационных процедур.

Необходимым средством реализации цели являются *задачи социологического исследования*, они носят инструментальный характер, указывают на потенциальную возможность достижения цели с помощью исследовательских процедур. Специфика задач прикладного исследования заключается в том, что на основе изучения социальных объектов и в результате теоретического анализа дается прогноз развития социального явления, разрабатываются проекты управленческих решений, отдельные практические рекомендации. Можно выделить общие или основные задачи, ориентированные на решение центральной проблемы исследования, и дополнительные, касающиеся отдельных аспектов проблемы и способов ее решения. Основные задачи разворачиваются с помощью комплекса неосновных задач, заданий и требований к этапам и процедурам исследования.

Как в любом научном исследовании, в программе социологического исследования должны быть четко определены *объект и предмет изучения*. При описании объекта должны учитываться его пространственные и временные границы, функциональные характеристики, профессиональная принадлежность. Системный анализ объекта исследования позволяет представить его в виде комплекса элементов и связей, образующих в своем взаимодействии органическое целое, где изменение одного из элементов вызывает изменение других элементов и всей системы. Социальный объект рассматривается с двух сторон — как часть целого и как целое, состоящее из частей. Возьмем для примера типичный объект исследования в вузе — коллектив учебной группы. С одной стороны, он является элементом более широкой системы и характеризуется внешними связями: с другими коллективами учебных групп, с руководством курсов, с преподавателями, членами семей и т. д. С другой стороны, он характеризуется сложными внутренними взаимосвязями: межличностные отношения, группы по интересам, формальное и неформальное лидерство и т. д. При системном анализе объекта исследователь выделяет элементы системы, описывает их функции и характеристики, выявляет взаимосвязи элементов и связь каждого из них с системой.

Важной задачей при описании объекта является уточнение генеральной совокупности и определение выборочной совокупности. *Генеральная совокупность* — все элементы изучаемого объекта, обладающие свойствам и качествами, которые описываются и анализируются в данном социологическом исследовании. Например,

если изучается общественное мнение населения о деятельности главы администрации какого-либо города, то все население города имеет определенное качество — обладает общественным мнением — и, тем самым, представляет собой генеральную совокупность, а отдельный житель является единицей генеральной совокупности, поскольку общественное мнение формируется на основе индивидуальных мнений.

Но далеко не всегда у социолога есть возможность исследовать все элементы генеральной совокупности. Если ее масштабы очень велики и составляют десятки, сотни тысяч, миллионы человек, то по определенным правилам отбираются несколько сотен или тысяч элементов генеральной совокупности, которые будут служить непосредственным объектом изучения (наблюдения, анкетирования, интервьюирования и т. п.), — так формируется выборочная совокупность. *Выборочная совокупность* — модель генеральной совокупности, состоящая из части элементов последней, отражающая ее основные качественные признаки и являющаяся непосредственным объектом исследования[1]. Так, например, при изучении общественного мнения студентов вузов России о наиболее популярных политиках масштабы генеральных и выборочных совокупностей будут меняться в зависимости от целей исследования: если опрос будет проводиться на одном из курсов (150–300 чел.) экономического факультета Московского университета, то генеральная и выборочная совокупность могут совпадать по составу, если же по названной теме будет проводиться сравнительный опрос в нескольких вузах страны, то они будут различаться.

Предмет социологического исследования — те из сторон объекта (его наиболее существенные свойства и отношения), познание которых особенно важно для решения проблемы исследования. Построение предмета исследования зависит как от свойств объекта и характера поставленных проблем, так и от уровня научных знаний, наличных исследовательских средств, которыми располагает социолог. Один и тот же объект может изучаться для решения различных проблем и, следовательно, предполагает множество предметов исследования.

В результате изучения противоречий, лежащих в основе проблемной ситуации, системного и факторного анализа объекта и выявления предмета исследования социолог формулирует *гипотезу социологического исследования* — научное предположение о структуре изучаемого социального явления, о характере его существенных

---

[1] *Практикум* по прикладной социологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. С. 92.

связей, особенностях функционирования и развития социального объекта[2]. Гипотеза является главным методологическим инструментом исследования. Характер основных гипотез предопределяет логику исследований; все последующие процедуры направлены на обоснование, доказательство или опровержение гипотез. В методологическом отношении гипотезы служат звеном между теоретической концепцией и эмпирической базой исследования, они предназначены для проверки тех зависимостей, которые включены в теоретическую схему и на изучение которых направлены задачи исследования. Гипотеза помогает организовать процесс научного поиска, способствует правильному выбору методов исследования. В ней сосредоточивается теоретическое знание по исследуемой проблеме, предшествующей опытному изучению эмпирических фактов, и гипотеза определяет особенности построения будущего эмпирического опыта и методику сбора первичной информации.

Объект социологического исследования может быть численно очень большим: десятки или сотни тысяч человек, составляющих население региона, области, города; тысячи работников производственного предприятия, курсантов учебного заведения и т. д. В связи с этим возникает серьезная проблема: научная добросовестность требует от социолога изучить все элементы объекта исследования, а финансовых средств, людских ресурсов, времени, заданного заказчиком, для этого не хватает. Каким образом выйти из подобной ситуации без ущерба для качества исследования?

При *сплошных исследованиях*, которые, несмотря на свою дороговизну, хотя и редко, но проводятся (например, переписи населения или референдумы), изучению подвергается вся генеральная совокупность. Сплошной охват единиц генеральной совокупности дает полное представление о состоянии объекта по изучаемому признаку, однако такой метод исследования связан с рядом практических препятствий. Таких препятствий три:

1. Генеральная совокупность настолько велика, что нет возможности собрать данные в отношении каждой единицы совокупности;

2. Генеральная совокупность недоступна для полного, до последней ее единицы, изучения;

3. Сплошное изучение генеральной совокупности может привести к ее порче или уничтожению.

В настоящее время почти все исследования в социологии проводятся *несплошным* способом. Несплошное исследование может проводиться различными методами: монографическим, методом основного массива, выборочным методом, направленным отбором.

[2] Там же. С. 15.

Монографический метод, строго говоря, выходит за рамки чисто статистического наблюдения, ибо, наряду с фиксацией статистических данных, предполагает детальное качественное описание массовых явлений. Выбираемая для монографического исследования часть объекта очень часто является типичной, в определенном смысле, для всего объекта или для важнейших его элементов. Именно эта особенность, дающая возможность глубокого проникновения в сущность изучаемых массовых явлений, представляет важнейшее достоинство монографического метода, который, как правило, применяется в социологии в комбинации со сплошным или различными видами несплошного исследования, при изучении объектов в социальном эксперименте, на этапах внедрения новшеств и т. д.

Методом *основного массива,* как правило, изучается большая часть объекта социологического исследования или его важнейшие элементы. Этот метод находит применение, например, в некоторых социологических исследованиях, проводимых с помощью контент-анализа.

Разновидностью метода основного массива являются экспертные опросы, так как при организации таких опросов стараются привлечь большую часть наиболее компетентных экспертов.

Наиболее широкое распространение в социологических исследованиях получил выборочный метод.

Основа выборки. Для организации простых схем отбора (простой случайной, систематической или серийной выборок) необходима информация обо всех элементах генеральной совокупности или хотя бы их перечень.

Основой выборки называют перечень элементов генеральной совокупности, если он удовлетворяет требованиям полноты, точности, адекватности, удобства работы с ним, отсутствия дублирования единиц наблюдения. Основой могут служить алфавитные списки сотрудников учреждения, номера пропусков, по которым можно идентифицировать определенные единицы, и т. п. Основа выборки должна отвечать ряду требований[3]:

Полнота. Под полнотой подразумевается представленность всех единиц данной генеральной совокупности в основе выборки. Если некоторые единицы, которые по предположению должны быть в списке, не зарегистрированы в нем, то список является неполным.

Неполнота основы выборки приводит к серьезным ошибкам в том случае, если не включенные в выборочную совокупность

---

[3] *Рабочая* книга социолога. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Наука, 1983. С. 205—206.

единицы наблюдения имеют существенные особенности и их достаточно много.

Отсутствие дублирования. Если некоторые единицы наблюдения генеральной совокупности будут включены в основу выборки более чем один раз, то они могут повторяться и в выборке (например, в том случае, когда человек переезжает из одного района в другой и включается в новый список раньше, чем исключается из старого).

Точность. Информация о каждой единице отбора должна быть точной. Основа выборки не должна содержать несуществующих единиц. Подобные неточности встречаются и в избирательных списках, когда отсутствуют вновь прибывшие в данный населенный пункт, или остаются лица, изменившие свое местожительство, умершие, жильцы снесенных домов и т. п.

Адекватность. Основа выборки, адекватная решению одних задач, может быть неадекватной решению других.

Удобство. Удобство работы с основой выборки — существенное условие повышения качества результатов. Удобно, когда единицы, составляющие основу выборки, пронумерованы, когда имеющиеся о них сведения дают возможность с полной определенностью опознавать эти единицы. Если основа выборки находится в одном централизованном месте, и ее структура соответствует реальной структуре изучаемых социальных объектов, это не только облегчает работу социолога, но и является необходимым требованием к исследованию, значительно повышающим качество последнего.

Одной из причин возникновения сложных схем выборки (многоступенчатых, комбинированных и т. п.) является невозможность обеспечить основу выборки для очень больших генеральных совокупностей, обладающих сложной структурой.

К настоящему времени сложились представления об основе, которая могла бы удовлетворить требованиям организации современных социологических исследований, быть действенной для различного типа исследований. Такой основой является социальная карта.

Социальная карта. Подобно тому, как географическая карта является ориентиром в пространственном движении, социальная карта должна стать ориентиром в исследовании социальных объектов. Социальная карта представляет собой пространственное распределение всевозможных социальных показателей для определенных экономико-географических регионов. Такая карта может служить основой всех выборочных исследований в каждом регионе, области, районе, городе и т. п.

Процесс составления социальной карты складывается из следующих этапов[4]:

1. Сбор информации о размещении и движении населения, об основных постоянных и сезонных потоках населения, которые выражаются в демографических показателях.

2. Сбор социально-экономической информации относительно профессионального состава населения: данные о квалификации, заработной плате, соотношение между работающими и неработающими, распределение уровня семейных доходов и т. д.

3. Сбор социологической информации: условия труда и быта; данные о проведении досуга, о его структуре по различным социальным группам; данные о различных формах социальной активности, образовательном уровне, влиянии средств массовой коммуникации, общественных организаций и т. д.

Возрастающий интерес социологов к построению социальных карт связан в значительной степени с прикладными задачами выборочного обследования. Для более углубленной разработки социальных проблем необходима и более основательная исходная социальная информация: карта размещения социальных групп, распространенности средств массовых коммуникаций и другие показатели.

Краткая характеристика основных типов выборки

Выборки разделяются на несколько видов по способу отбора элементов выборочной совокупности: на простом вероятностном методе отбора основаны простые случайные, систематические случайные, серийные выборки; на сложном вероятностном отборе основываются многоступенчатые, комбинированные, многофазовые и стратифицированные выборки; наконец, не строго случайные методы отбора используются в целенаправленных, квотных и стихийных выборках.

Тип выборки: *Простая случайная*

Краткое описание. Из однородной совокупности, все элементы которой известны и могут быть пронумерованы, отбор единиц выборки осуществляется с помощью таблиц случайных чисел.

Достоинства. Предварительная информация о генеральной совокупности очень проста — перечень или опись ее элементов. Легко классифицируются и вычисляются ошибки.

[4] Там же. С. 206–207.

Недостатки. Необходима основа выборки — перечень всех элементов генеральной совокупности, что делает выборку малопригодной для очень больших генеральных совокупностей. Требует качественно однородных совокупностей, что в социальной сфере бывает редко.

Тип выборки: *Систематическая*

Краткое описание. Необходим полный список единиц генеральной совокупности. В выборку отбирается по одному объекту через интервал, равный шагу отбора — отношению объема генеральной совокупности к объему выборки.

Достоинства. Позволяет с помощью простой техники отбора при небольшом объеме выборки охватить сравнительно большие генеральные совокупности

Недостатки. Существует опасность совпадения интервала отбора со скрытой периодичностью распределения признака в генеральной совокупности, что может привести к смещениям. Неопределенность выбора первоначального объекта (начальной точки отбора).

Тип выборки: *Серийная (гнездовая)*

Краткое описание. Выборочные единицы отбираются с помощью одного из способов случайного отбора (№ 1, 2). Единицы отбора представляют собой статистические группы (гнезда), которые целиком или выборочно подвергаются обследованию.

Достоинства. Уменьшаются затраты (по сравнению с простой случайной выборкой равного объема) на организацию процедур отбора, например, при пространственно разбросанной генеральной совокупности. Относительно простое составление основы выборки для отобранных гнезд, по сравнению с полным перечнем элементов, соответствующих всем гнездам в генеральной совокупности.

Недостатки. При формировании искусственных гнезд создается трудность отнесения каждого отдельного элемента генеральной совокупности только к одному гнезду и обеспечения приблизительно одинаковых размеров гнезд.

Тип выборки: *Стратифицированная* (районированная выборка, расслоенный отбор)

Краткое описание. Исследуемая совокупность предварительно разделяется на страты (слои) в соответствии с генеральным распределением известных и значимых для исследования признаков; из каждой страты извлекается выборка.

Достоинства. При удачном подразделении совокупности на однородные группы расслоенный отбор дает выигрыш в точности по сравнению с простым случайным.

Недостатки. Если классификация на страты не совпадает с распределением изучаемых признаков, возможно смещение выборки по этим признакам.

Разновидности:

А. Пропорциональное размещение

Краткое описание. Объем выборки из страты пропорционален размеру страты в генеральной совокупности.

В. Оптимальное размещение

Краткое описание. Объем выборки из страты пропорционален среднеквадратичному отклонению признака в страте и обратно пропорционален издержкам на получение выборки.

Достоинства. Дает выигрыш по сравнению с вариантом А для случаев, когда совокупность состоит из больших и малых объектов, или отбор из одних слоев обходится дороже, чем из других.

Недостатки. Необходимо знание дисперсии признака расслоения внутри страты.

Тип выборки: *Многоступенчатая*

Краткое описание. Процедура построения выборки разбивается на ряд этапов (ступеней). На каждой ступени меняется единица отбора.

Достоинства. Для каждой ступени необходима своя, доступная для исследователя основа выборки. Таким образом, стоимость полевого исследования (стоимость передвижения и т. д.) существенно уменьшается, если на одной из ступеней отбора выбран один географический регион.

Недостатки. Ошибка выборки, как правило, выше, чем для простого случайного или систематического отбора.

Разновидности:

А. Случайная: На каждой ступени единицы отбираются одним из способов случайного отбора.

Недостатки. Организационная и методическая сложность реализации выборки

В. Комбинированная: Отбор на каждой из ступеней может осуществляться любым из вышеописанных способов.

Тип выборки: *Квотная*

Краткое описание. Производится разбиение генеральной совокупности на классы согласно нескольким распределениям выбранных признаков. На основе знания статистического объема

каждого класса и заданной доли отбора из него определяется «квота» — объем выборки соответствующего класса. Выбор обследуемых объектов из потенциально возможных возлагается, согласно квоте, на анкетера или интервьюера.

Достоинства. Удобна для случаев, когда размер выборки невелик. Уменьшается стоимость организации выборки, поскольку производительность труда анкетеров или интервьюеров при самостоятельном выборе лиц для опроса выше, чем при их поиске по спискам адресатов.

Недостатки. Основана на предположении, что распределения контролируемых признаков в выборке обеспечивают репрезентативность воспроизведения распределения зависимых признаков. Невозможно точно измерить смещения, вызванные неслучайным характером отбора лиц для опроса.

При получении социальной информации выборочным методом могут возникать ошибки различного рода. Причинами их могут быть неточность данных, сообщенных социологу респондентом, неправильная фиксация получаемых сведений или неправильное измерение переменных, характеризующих единицы наблюдения, и т. д. Эти ошибки, называемые иногда ошибками регистрации, могут быть разделены на два типа: *случайные* и *систематические*.

Систематической ошибкой регистрации называется ошибка, выражающая некоторые существенные связи, возникающие в процессе регистрации между объектом, субъектом и условиями проведения наблюдения. Систематическая ошибка может быть значительной по своей величине из-за одностороннего искажения (в сторону увеличения или уменьшения) исследуемой характеристики. Происходящее вследствие этого накопление ошибки по исследуемой совокупности в целом может зачеркнуть результаты всего исследования.

Характерным примером систематической ошибки являются данные о женатых мужчинах и замужних женщинах во Всесоюзной переписи 1970 г. По результатам переписи в целом по Союзу оказалось 53,0 млн женатых мужчин и 54,2 млн замужних женщин. Систематическая ошибка, зафиксированная в этой переписи, образовалась из-за погрешностей в ответах, возникающих от различной оценки своего семейного положения мужчинами и женщинами. *Случайные ошибки* регистрации отражают менее существенные связи между объектом, субъектом и условиями регистрации и складываются из различных статистических погрешностей в процессе наблюдения.

Кроме того, в выборочном исследовании могут появиться ошибки, возникающие при различных отклонениях от планируемой выборки. Можно выделить два наиболее типичных вида отклонения от плана выборки.

1. Замена намеченных при планировании выборки единиц наблюдения другими, более доступными, которые, однако, оказываются неполноценными с точки зрения выработанного плана выборки. Например, опрос планируется провести в каждой десятой квартире жилого массива. Никого не застав в выбранных квартирах, интервьюер иногда обращается в соседние квартиры и берет интервью. В итоге в выборке оказывается значительная доля пенсионеров, больших по размеру семей и слабо представлены одинокие лица и малочисленные семьи.

2. Неполный охват выборочной совокупности, т. е. неполучение информации от части единиц наблюдения, включенных в выборку (например, недополучение почтовых анкет, не полностью заполненные анкеты).

Распространенными ошибками в выборочном социологическом исследовании являются ошибки, возникающие при неправильной разработке плана выборки. Во многих книгах в качестве примера смещения, возникающего из-за неправильного планирования выборки, приводится известный опрос, проведенный «Литэрари Дайджест» («Литературное обозрение») относительно исхода президентских выборов 1936 г. в США. Кандидатами на этих выборах были Ф.Д. Рузвельт и А.М. Ландон[5]. Объем выборки составил два млн человек, отбор осуществлялся случайным образом по телефонным книгам. Попавшим в выборку лицам были разосланы открытки с просьбой назвать фамилию будущего президента. Затратив огромную сумму на рассылку, сбор и обработку полученных открыток, журнал информировал общественность, что на предстоящих выборах президентом США с большим перевесом будет избран А.М. Ландон. Результаты выборов опровергли этот прогноз.

В то же время социологи Д. Гэллап и Э. Роупор правильно предсказали победу Ф.Д. Рузвельта, основываясь только на четырех тысячах анкет.

Ошибочный прогноз относительно возможного президента объясняется неправильным планом выборки, который не обеспечил полного отражения в ней всей генеральной совокупности: в телефонных книгах, которые использовались для организации выборки, были представлены лишь наиболее обеспеченные слои

[5] Там же. С. 204.

американского населения, в частности домовладельцы. Поскольку обеспеченные слои американцев составляют меньшую часть генеральной совокупности, то распространение мнения этой части населения на всю страну в целом оказалось ошибочным.

Опыт предвыборных опросов последних лет в России показал, что современные методики расчета выборки позволяют делать достоверные прогнозы о результатах президентских или парламентских выборов на основе опроса 4,5–5 тыс. чел. по всей стране.

Ошибки часто возникают и в тех случаях, когда в выборочную совокупность преимущественно попадают представители одинаковых социальных групп. Так, почтовые анкеты чаще заполняют лица с более высоким уровнем образования, причем мужчины чаще, чем женщины, пенсионеры чаще, чем работающие и т. д.

Социолог самое пристальное внимание должен уделять анализу возможностей возникновении ошибок смещения в выборочных социологических исследованиях.

Репрезентативность выборки. Выборка в определенном смысле должна быть моделью генеральной совокупности, что и позволяет оценивать на ее основе характеристики этой совокупности. Однако нет необходимости моделировать в выборке все аспекты генеральной совокупности, достаточно учесть лишь те, которые значимы с точки зрения задач исследования. Свойство выборки — отражать характеристики генеральной совокупности — называется репрезентативностью (представительностью).

Основной принцип построения выборки (точнее, вероятностного отбора) состоит в том, чтобы обеспечить всем элементам генеральной совокупности равные шансы попасть в выборку. Однако даже самое аккуратное соблюдение этого принципа не гарантирует выборку от искажений. Эти искажения — случайные ошибки — внутренне присущи выборочному методу. Они появляются в результате того, что обследуются не все единицы совокупности, а только выборка, и, следовательно, результат будет неточен, так как единицы совокупности не тождественны между собой. Значение случайной ошибки можно сравнительно легко вычислить, используя аппарат, разработанный в статистической теории выборочного метода. Таким образом, репрезентативность выборки будет определяться двумя компонентами: *ошибками регистрации и случайными ошибками.*

В идеальной ситуации в сплошном исследовании отсутствуют ошибки репрезентативности, благодаря чему при правильной организации наблюдения ошибка выборочного исследования больше ошибки наблюдения при сплошном обследовании. Однако в социологии применение сплошного обследования требует значительного

числа анкетеров и интервьюеров, а это ведет к тому, что иногда привлекаются недостаточно квалифицированные кадры, участие которых в исследовании увеличивает ошибку регистрации. И наоборот, применение выборочного исследования при решении тех же вопросов позволяет использовать более подготовленные кадры специалистов, обеспечить лучший их инструктаж и контроль за правильностью самой процедуры обследования. Это ведет к уменьшению ошибки регистрации. И если случайная ошибка не велика, то ошибка выборочного наблюдения в целом может оказаться меньше ошибки сплошного исследования. Таким образом, при определенных условиях выборочный метод оказывается более точным, чем сплошной, что еще раз подчеркивает его преимущество при организации и проведении эмпирических социологических исследований.

3. Методы сбора первичной социальной информации

Методы сбора первичной социальной информации разнообразны, но чаще всего используются анкетирование, интервьюирование, анализ документов и наблюдение. Наибольшей популярностью пользуется, вероятно, в силу его внешней простоты, анкетирование. Поэтому в обыденных представлениях социологические исследования часто отождествляются с анкетным опросом. Между тем, это неверно. Выбор методов сбора социальной информации зависит от многих обстоятельств:

- характера объекта и предмета исследования;
- требований заказчика (руководства вуза, предприятия и т. д.);
- намерений и возможностей автора исследования.

Очень простой и доступный для начинающих исследователей метод сбора социальной информации — *наблюдение*. Это эффективное средство для изучения поведения людей и продуктов их деятельности. Данный метод обеспечивает оперативность (событие и наблюдение за ним совпадают), конкретность и объективность получаемой информации (отсутствуют посредники, передающие и, возможно, искажающие информацию). Но он имеет и свои недостатки: ограниченный, частный характер наблюдаемых ситуаций; трудности в получении данных о целях и мотивах поведения наблюдаемых; возможность искажения данных под воздействием психологического состояния и установок наблюдателя; влияние наблюдателя на объект наблюдения и наоборот и т. д. Правда, названные недостатки компенсируются двумя несомненными

достоинствами метода наблюдения: простота и дешевизна. Наблюдатель не нуждается в размножении большого количества рабочей документации (как это бывает при использовании анкет) и может быстро освоить методику проведения исследований (в отличие от метода интервью).

При всей простоте научное наблюдение предполагает соблюдение некоторых важных методических требований. Во-первых, оно должно вестись систематически, а не от случая к случаю, и в единообразных, типизированных, условиях или ситуациях. Во-вторых, предварительно должна быть определена цель наблюдения. В-третьих, должны быть определены единицы наблюдения или их эмпирические индикаторы.

Существует примерный перечень значимых элементов, свойственный всем наблюдаемым ситуациям. Для каждого конкретного случая он оформляется в виде документа социологического исследования — карточки наблюдения. В этот перечень входят:

1) *наблюдаемые* — количество лиц, участвующих в ситуации, социально-демографическая структура группы, характер взаимоотношений в ней, распределение ролей между участниками ситуации;

2) *обстановка* — место нахождения наблюдаемой ситуации, типичное для этого места социальное поведение, возможные отклонения в поведении участников наблюдаемой группы;

3) *цели деятельности группы* — случайна или закономерна наблюдаемая ситуация, наличие определенных формальных и неформальных целей, ради которых собралась группа, совместимы или противоположны цели различных участников ситуации;

4) *социальное поведение* — характер деятельности наблюдаемой группы, стимулы деятельности, на кого (на что) направлена деятельность;

5) *частота и продолжительность* — время, длительность и повторяемость наблюдаемой ситуации, ее уникальность или типичность.

Выделяют несколько разновидностей методов наблюдения, они классифицируются по нескольким основаниям: по степени формализованности (структурализованное и неструктурализованное); в зависимости от степени участия наблюдателя в исследуемой ситуации (включенное и невключенное); по месту проведения, условиям организации наблюдения (полевое и лабораторное) и т. д.

Как правило, наблюдение не выступает самостоятельным методом сбора информации в социологическом исследовании, но может с успехом использоваться в пилотажных исследованиях при разработке инструментария анкетных опросов или интервью, а также для контроля и перепроверки данных, добытых другими методами.

Например, в социологическом исследовании эффективности преподавания общественных наук, информацию студентов о том, как они работают на семинарах и лекциях, полученную путем анкетирования, можно проверить методом невключенного наблюдения.

Если с помощью наблюдения в основном фиксируются акты поведения людей, то с помощью *анализа документов* как метода социологических исследований изучаются продукты деятельности людей, материальные предметы, предназначенные для фиксации, передачи и хранения информации. Общей особенностью использования метода анализа документов является то, что документальная информация имеет вторичный характер. Исследуя документ, социолог не имеет непосредственного контакта с той реальностью, которую он изучает, она представлена через документ. Сама документальная информация зависит от позиции и замыслов составителя, а также от формы, в которой она передается (письменный текст, аудио- или видеозапись и т. д.).

Достоинствами анализа документов как метода сбора информации являются: постоянство исследуемого объекта (документа), возможность повторного анализа; возможность описывать в документе не только непосредственно наблюдаемые события, но и их предысторию, а также возможность давать прогноз развития социального явления. В документе может передаваться не только информация о событиях, но и об отношении к ним авторов, их ценностных ориентациях. При этом возможен анализ событий с различных позиций. Кроме этого, в документах информация содержится в упорядоченном, часто в обобщенном виде, что облегчает работу исследователя.

Но из вторичного характера документальной информации вытекают и трудности использования метода анализа документов. Поскольку между социологом и социальными фактами существует посредник (составитель документа), то имеется возможность субъективного искажения информации. Социолог же находится в зависимости от намерений автора документа. Кроме того, язык документа может не совпадать с языком исследования.

Метод анализа документов может применяться практически в любом социологическом исследовании на всех его этапах. В одинаковой степени он может быть использован для получения как описательной, так и оценочной информации. Как правило, метод анализа документов используется вместе с другими методами сбора социальной информации. Так, при исследовании проблем адаптации выпускников вузов очень полезной может оказаться документальная информация из отделов кадров тех предприятий

и учреждений, куда они устроились на работу. Но ее следует дополнить с помощью других методов получения информации, например, при помощи анкетирования или интервьюирования непосредственных руководителей выпускников, их товарищей по работе, сослуживцев.

Наиболее популярным методом получения социальной информации можно назвать *метод опроса (анкетирование или интервью).* Его широкое распространение можно объяснить тем, что это наиболее простой метод для изучения мнений, ценностных ориентаций, интересов, установок — словом, элементов сознания людей. Главной особенностью метода является организация исследователем однонаправленной беседы с опрашиваемым (респондентом) с помощью специально разработанного вопросника. Только в одном случае общение опосредовано анкетой (анкетирование), а в другом исследователь беседует с респондентом лицом к лицу (интервью) и имеет возможность наблюдать за реакциями опрашиваемого, задавать дополнительные вопросы. К достоинствам метода опроса относятся: универсальность, возможность получения информации, как об объективных, так и о субъективных характеристиках респондента в прошлом, настоящем и будущем; в информации, получаемой из анкет и интервью, содержатся не только данные об объективных процессах, но и об отношении к ним их участников, информация о мотивах поведения, ценностных ориентациях опрашиваемых. Интервью является чрезвычайно гибким методом исследования и позволяет корректировать исследовательские задачи прямо в ходе опроса.

Исследователям, использующим впервые метод опроса, следует иметь в виду одну существенную особенность этих процедур — полученная в ходе анкетирования и интервью социальная информация отражает реальность в том виде, как она представлена в сознании опрашиваемых. Отсюда вытекают и другие недостатки: вероятность предоставления респондентом заведомо ложной или малоценной информации ввиду своей некомпетентности или непонимания вопроса; трудность оценки объективного содержания полученной информации, ее достоверности и надежности. Возможно также искажение информации в результате коллективного обсуждения ответов респондентами или в результате усвоения ими суждений и установок исследователя.

Метод интервью дает более надежную информацию, так как позволяет не только фиксировать ответы, но и наблюдать за поведением опрашиваемого. Но этот вид опроса менее производителен: за время, потраченное на интервью с одним человеком, можно

с помощью анкет опросить 15–30 чел. Кроме того, метод интервью предъявляет более высокие требования к квалификации исследователя.

Различают несколько способов распространения анкет: прессовый (с помощью газет и журналов), почтовый (рассылка анкет по почте), раздаточный (анкетер раздает вопросники респондентам прямо в руки и собирает их после заполнения). Последний способ является наиболее предпочтительным и, как показывает практика, обеспечивает наибольший процент возврата заполненных анкет (до 95–100%), в то время как прессовый способ дает 10–15% возврата, а почтовый — 20–25%.

Надежность получаемой с помощью анкеты (или интервью) информации зависит от того, насколько методически грамотно составлены вопросы, как они расположены в вопроснике. *По содержанию* обычно различают вопросы о фактах (фактологические) и вопросы о мнениях, мотивах (оценочные). *По форме* различают вопросы закрытые, где набор вариантов ответов жестко задается исследователем, и открытые, где варианты ответов не заданы и респондент записывает их самостоятельно; прямые и косвенные. Достоинствами закрытых вопросов является из простота и доступность для понимания респондентами (часть мыслительной работы уже проделана за них исследователем), легкость и простота количественной обработки полученной информации (открытые вопросы требуют анализа, формализации и классификации и лишь после этого — количественной обработки).

Для получения более надежной информации в анкету или интервью включают фильтрующие и контрольные вопросы. Первый тип вопросов сортирует («фильтрует») опрашиваемых по степени их компетентности и информированности. Например, студенты, не занимающиеся научно-исследовательской работой, видимо, не должны отвечать на вопросы типа: «В каких научных кружках вы занимаетесь?», «Каковы мотивы занятия научно-исследовательской деятельностью?» и т. п. Поэтому сначала в анкете ставится «вопрос-фильтр»: «Занимаетесь ли Вы научно-исследовательской работой?». Лица, ответившие на него отрицательно, отсылаются к следующему блоку вопросов.

Контрольные (или проверочные, дополнительные) вопросы позволяют проверить искренность и правдивость ответов респондентов на прямые вопросы, наиболее важные для исследователя. Обычно контрольные вопросы располагаются отдельно от основного вопроса, чтобы опрашиваемый не мог уловить прямой логической связи между ними.

Завершая рассмотрение методов сбора социальной информации, следует обратить внимание на форму документов, используемых для проведения социологического исследования. Любые подробные документы (анкеты, вопросники для интервью, карточки наблюдения) должны предусматривать возможность количественной обработки данных: инструментарий (т. е. сами документы) должен соответствовать программе обработки данных; все вопросы и ответы в анкетах и пункты в карточке наблюдения должны быть кодированы; для формализации открытых вопросов должны быть созданы кодировочные таблицы и т. д. Не следует недооценивать и качество полиграфического исполнения документации: опыт показывает, что оно влияет на респондента — побуждает его качественно заполнять анкету, увеличивает возврат анкет при их распространении почтой.

ГЛАВА IV

ОБЩЕСТВО И ЕГО СТРУКТУРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ

1. Общество как социальная система. Структура и формы социального взаимодействия

Изучением общества, его сущности, основных элементов и закономерностей развития ученые занимаются уже не одно тысячелетие. Многие открытия в этой области были сделаны уже в IV в. до н.э. древнегреческим мудрецом Платоном, попытавшимся создать теорию идеального государства — совершенного человеческого общества. Платон впервые в истории рассматривает общество как единую, внутренне взаимосвязанную социальную систему, как определенную органическую целостность, возникающую на основе разделения труда, в отличие от стоиков и эпикурейцев, рассматривавших лишь индивидуальные взаимоотношения между людьми.

Развитие представлений об обществе как о системе тесно связано с развитием естественных и общественных наук в XVIII–XIX вв. В век ньютоновой физики, век Просвещения, большинство ученых использовали для объяснения «механическую» модель, сравнивая общество с машиной, в которой каждый «винтик» выполняет свою работу. Так трактовались разделение труда, межличностные связи, экономические отношения.

Успехи в развитии биологии в XIX в., в частности появление эволюционной теории Ч. Дарвина, позволили преодолеть механические представления об устройстве общества и способствовали распространению *«организмической»* (от слова «организм») модели, вместе с которой в общественную науку пришли понятия *«органическое целое»*, *«саморегуляция»*, *«морфологическая структура»* и т. д.

Последователь Ч. Дарвина в социологии — Герберт Спенсер рассматривал эволюцию как универсальный процесс, одинаково объясняющий все изменения как в живой природе, так и в обществе

и человеке. При этом он проводил аналогии между строением общества и строением живого организма. Каждая из сфер общественной жизни (экономическая, политическая, духовная) имела аналог среди органов человеческого тела и несла соответствующие функции.

Социологическая теория Спенсера является предшественницей *структурного функционализма*. Спенсер первым применил в социологии понятия «структура» и «функция», «система», «социальный институт». Изменения в структуре, по его мнению, не могут происходить без изменения функций: увеличение размеров социальных единиц неизбежно пробуждает в них прогрессирующую дифференциацию социальных функций, естественное разделение труда. Со временем органическая теория общества потеряла свою популярность и была вытеснена со сцены другими социологическими школами, но категории «система», «структура», «функции» приобрели общенаучное значение.

В XX в. представление об обществе как о целостной системе формировалось в значительной степени под влиянием общей теории систем, разработанной А.А. Богдановым и Л. фон Берталанфи.

В наиболее полном и законченном виде теория социальных систем была представлена в трудах американского социолога середины XIX в. Толкотта Парсонса, автора теории действия и основателя структурно-функциональной школы. Парсонс попытался создать логико-дедуктивную теоретическую модель общества, охватывающую человеческую реальность во всей ее целостности и многообразии. Ключевым понятием своей научной доктрины он сделал понятие «социальная система». Благодаря Парсонсу системный подход в социологии стал общепринятым.

Под **«социальной системой»** в современной социологии принято понимать упорядоченную, построенную, как правило, иерархически совокупность индивидов, социальных групп, общностей, организаций, объединенных устойчивыми связями и отношениями, взаимодействующую со средой как единое целое. Категория социальной системы показала себя как эффективный познавательный инструмент в социологии, так как позволяет исследовать любые виды социальных общностей от малой группы — семьи — до всего человечества. В системном анализе понятие «социальная система» тесно связано с такими категориями, как «социальная структура» и «функции», что дает возможность описывать состав, характер связей между элементами как внутри социальной общности, так и ее взаимосвязь с окружающей природной и социальной средой. Благодаря принятому в структурном функционализме понятийному

аппарату системного анализа, категория социальной системы легко поддается операционализации и эмпирической верификации в прикладных социологических исследованиях. В связи с этим понятие «социальная система» превратилось в универсальную категорию социологии.

Производным от социальной системы является понятие **социетальной системы** (от латинского societas — общность). Впервые данный термин был введен А.Г. Келлером для выделения в особый класс социальных систем большого масштаба — государств, региональных социокультурных систем, локальных цивилизаций, человечества в целом. Социетальные системы отличаются большим разнообразием функций и включают в себя несколько подсистем: экономическую, собственно социальную, политическую, культурную и т. д.

Наряду с понятием «социальная система» в современной социологии используется категория «общество». **«Общество»** можно определить как социокультурную систему, отличающуюся от других объединений людей — групп, общностей, организаций — длительностью существования и самодостаточностью, т. е. обладающую всеми необходимыми ресурсами для своего воспроизводства и развития.

Категория «общество» используется во многих гуманитарных науках — в философии, истории, антропологии, этнографии и т. д., этот термин широко распространен в обыденной речи, — вот почему он чрезвычайно многозначен. Многозначность и высокая степень абстракции понятия «общество» затрудняют его использование в эмпирических социологических исследованиях. В современной социологии неоднократно и безуспешно пытались заменить этот термин другими категориями, например понятием «социетальная система», или более четко определить его признаки.

Наиболее полное определение признаков общества принадлежит американскому социологу Эдварду Шилзу. По его мнению, понятие «общество» применимо к любой исторической эпохе и любому объединению людей (независимо от его численности), если:

- объединение существует дольше средней продолжительности жизни отдельного человека;
- оно не является частью какой-либо более крупной социальной системы;
- оно имеет территорию проживания, которую считает своей собственной;
- у него есть собственное название и своя история;

• браки заключаются преимущественно между представителями этого объединения;

• оно пополняется преимущественно за счет естественного прироста, т. е. рождения детей внутри объединения;

• его объединяет общая система ценностей (обычаев, традиций, норм, законов, правил, нравов), которую называют культурой;

• объединение обладает собственной системой управления.

В данной связи важно подчеркнуть отличие понятий «общество» и «социальная система» от понятия «население», которое широко используется в географии, демографии и реже — в социологии. **«Население»** определяют как совокупность людей, живущих на какой-либо общей территории. Данный термин отражает лишь формальный признак единства общности людей — территориальный, поскольку на одной территории могут жить люди разных рас, наций, религиозных взглядов, отличающиеся по уровню достатка и принадлежащие к разным социальным слоям. Понятие «социальная система» позволяет описать все богатство и многообразие связей, возникающих как между индивидами, так и между общностями, группами и организациями, существующими в физическом пространстве. Категория «общество» указывает на то, что социальная общность, существующая в данных границах, обладает ресурсами для самовоспроизводства и устойчивого развития в течение длительного времени.

Категории «общество» и «социальная система» являются центральными категориями социологии, но они описывают *сложные* социальные явления, и потому не могут быть *начальными* категориями системы социологического знания. Прежде чем перейти к изучению сложных феноменов общественной жизни, необходимо исследовать *простейшее* социальное явление. Так поступают все другие науки: химия в качестве простейшей модели изучаемых ею явлений берет химический элемент, физика — атомы, элементарные частицы, биология — клетку, астрономия — отдельное небесное тело.

Начальной категорией системы социологического знания может быть лишь категория, являющаяся моделью простейшего социального явления, которое *логически и исторически* (генетически) *предшествует* возникновению общества, любой социальной системы.

Здравый смысл подсказывает, что появлению общества предшествует отдельный человек. Общество образуется людьми. Может быть, отдельный человек — индивид — является атомом, «первокирпичиком» социальной системы? Нет, даже в силу физиологических причин отдельный человек не может быть таковым.

В библейской истории происхождения человечества, весьма далекой от современных научных представлений, для возникновения общества потребовалось два человека разного пола — Адам и Ева.

Так может быть элементарной ячейкой общества является семья? Нет, в силу сложности общественных связей внутри семьи и многообразия ее исторических форм, семья не может быть простейшим социальным явлением. Кроме того, как будет показано в VI главе, семья существовала в истории человечества не всегда.

Значит дело не в количестве обитающих на какой-либо территории людей, а в характере связей между ними?! Если десятки, сотни, тысячи людей не встречаются друг с другом, не обмениваются товарами, информацией, не общаются с помощью сигнальных костров, тамтамов, телеграфа, Интернета, — иначе говоря, *не взаимодействуют*, а живут уединенно, как Робинзон Крузо на своем острове, то они *не образуют социальную систему, не составляют общество. Для того чтобы социальная система могла существовать нужны хотя бы два человека, связанные друг с другом разнообразными социальными взаимодействиями.* Такой случай будет *простейшим социальным явлением,* и он может стать простейшей формой общества, если эти два человека будут разного пола (см. выше историю Адама и Евы, а также признаки общества по Шилзу). На простейшие случаи социального взаимодействия можно разложить всю общественную жизнь и все сложные общности людей. Какой бы социальный процесс мы ни взяли, будь то судебная тяжба, общение учителя и ученика, совместная работа по уборке урожая или битва двух армий — все эти формы общественной деятельности могут быть представлены как частные случаи общего явления взаимодействия. Возьмем ли мы семью, учебную группу, коммуну хиппи, профсоюз, воинское подразделение, государство — все эти общности являются результатом многообразных социальных взаимодействий между людьми.

Социальное взаимодействие впервые стало рассматриваться как простейшее социальное явление в символическом интеракционизме в работах Дж.Г. Мида. Как начальная категория социологического знания «социальное взаимодействие» использовалось в интегральной социологии П.А. Сорокина. Свои теории социального взаимодействия разработали такие известные западные социологи, как Т. Парсонс и Дж. Хоманс.

Современная социология определяет **социальное взаимодействие** как систему взаимообусловленных социальных действий, связанных с циклической зависимостью, в которой действие одного

субъекта является одновременно причиной и следствием ответных действий других субъектов.

П.А. Сорокин выделял следующие *элементы социального взаимодействия*[1]:

1) субъекты взаимодействия;

2) взаимные ожидания субъектов взаимодействия;

3) целенаправленная деятельность каждой из сторон;

4) проводники социального взаимодействия.

1. Участники социального взаимодействия не случайно названы П.А. Сорокиным абстрактно — «субъекты», т. е. действующие лица: во взаимодействие могут вступать два человека, один человек и группа лиц, две или более группы, общности, организации. Количество участников взаимодействия оказывает влияние на характер отношений между людьми. Так как процесс взаимодействия складывается из цепи взаимообусловленных действий сторон, то каждый участник постоянно выступает в качестве и субъекта, и объекта социального взаимодействия, передавая или воспринимая определенные интересы, потребности, моральные, правовые и прочие нормы и образцы поведения.

2. Выбирая объект социального взаимодействия, субъект ожидает определенного поведения (ответной реакции). От адекватности этой реакции зависят дальнейшее поведение субъекта и форма взаимодействия его с выбранным объектом. Если взаимные ожидания участников взаимодействия не совпадают, то оно очень скоро прервется или связь ограничится социальным контактом — кратковременным единичным взаимодействием. Если же взаимные ожидания совпадут, то каждая из сторон сможет достичь поставленных целей, а цепь взаимодействий сможет длится сколь угодно долго. Важно подчеркнуть, что ожидания всегда носят взаимный характер. Идя на встречу с незнакомым человеком, вы ожидаете от него поведения, адекватного целям и задачам встречи, а также нравственно-правовым нормам, принятым в той социальной группе (обществе), к которой вы принадлежите. Но и ваш партнер, идя на эту встречу, вправе ожидать от вас того же. Поэтому предварительно человек всегда мысленно проигрывает ситуацию ожидаемого взаимодействия в зависимости от складывающейся ситуации. Человек, имея несколько статусов и отражая, соответственно, различные социальные роли, адаптирует к ним и систему взаимных ожиданий. Выступая в роли следователя, человек

[1] *Сорокин П.А.* Общедоступный учебник по социологии. Статьи разных лет. М., 1994.

перед допросом строит ожидаемую картину взаимодействия с подсудимым. Но тот же следователь, готовясь к встрече с тем же человеком, но уже оправданным судом или отсидевшим срок (идея исправившегося после отбывания наказания преступника — суть многих фильмов о милиции советского периода: «Место встречи изменить нельзя», «Следствие ведут знатоки» и т. п.), выступающим уже в роли обычного гражданина государства, вправе ожидать от встречи совсем иной формы и содержания. То же самое касается и человека, выступающего сначала в роли преступника, а впоследствии — законопослушного гражданина. По мере углубления взаимоотношений между субъектами, их взаимные ожидания становятся более определенными, устойчивыми и предсказуемыми.

3. Деятельность обеих сторон в системе социального взаимодействия всегда целенаправленна. Если мышление человека не нарушено, оно всегда конкретно и носит избирательный характер. О социальном *взаимодействии* можно говорить лишь тогда, когда деятельность двух изолированных субъектов направлена друг на друга. Социальная активность человека остается невостребованной до тех пор, пока ее вектор не пересечется с целенаправленной деятельностью другого индивида. В то же время не каждый поступок человека является социальным действием.

Впервые эту проблему в социологии поставил М. Вебер[2]. Под **социальным действием** немецкий ученый понимал действие человека (независимо от того, носит ли оно внешний или внутренний характер, сводится к невмешательству или к терпеливому принятию), которое, по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу, соотносится с действием других людей или ориентируется на него. Главные признаки *социального действия*, которые отметил в своем определении Вебер, это — 1) осознанность, целерациональный характер деятельности личности и 2) ее ориентация на предполагаемые ответные действия других индивидов.

Первый признак, по мнению М. Вебера, должен был отличать социальные действия, с одной стороны, от *аффектов*, импульсивных актов поведения на основе взрыва эмоций, с другой стороны — от *«традиционных» действий*, основанных на слепом подражании образцам поведения, принятым в той или иной культуре. Для юристов различие между целерациональным и аффективным действием играет важную роль, поскольку отдельные статьи Уголовного кодекса учитывают аффективный характер действия при квалификации тех или иных преступных деяний. Второй признак является

[2] *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990.

решающим при определении *социального характера* совершенного действия. М. Вебер утверждал, что нельзя называть социальными действиями поступки людей, ориентированные только на удовлетворение личных потребностей. Например, изготовление орудий труда, рыбная ловля, охота сами по себе не являются социальными действиями, если они направлены на удовлетворение индивидуальных потребностей. Но те же самые виды деятельности, осуществляемые совместно с другими людьми, требующие согласованного поведения многих лиц, являются примерами социального поведения. Следует отметить, что количество участников роли не играет: массовое поведение большого числа людей, например, решение горожан зажечь свет с наступлением темноты, не обязательно является социальным действием — в таком случае люди действуют независимо друг от друга, удовлетворяя собственные потребности. В то же время акт индивидуального поведения, например самоубийство, является социальным деянием, поскольку оно ориентировано на ответную реакцию других людей. Социальные причины самоубийства были впервые выявлены известным французским социологом Э. Дюркгеймом.

Как правило, при анализе социального действия выделяют следующие основные элементы:

1) действующее лицо;
2) потребность, порождающая активность;
3) цель действия;
4) метод действия;
5) другое действующее лицо, на которое направлено действие;
6) результат действия;
7) ситуация, в которой происходит действие.

Кроме того, психологи в любом действии выделяют ориентировочную, контрольную и исполнительную части.

4. Еще одним необходимым элементом социального взаимодействия является **система проводников** или, иначе говоря, совокупность материальных средств, с помощью которых социальное действие передается от одного субъекта к другому. Без проводников социальное взаимодействие возможно, только когда его участники общаются непосредственно, «лицом к лицу». Во всех иных случаях, когда они разделены в пространстве или во времени, социальные связи без проводников, материальных посредников взаимодействия невозможны. Например, если вам необходимо передать срочное сообщение родственнику, коллеге по работе, любимой девушке, которые находятся в другом городе, вы можете воспользоваться разнообразными посредниками-проводниками:

телефоном (необязательно сотовым), телеграфом, электронной почтой, Интернетом, просто изложить свои мысли на листе бумаги и отправить письмо по почте... Наконец, вы можете использовать самый древний способ — послать гонца, передав ему сообщение на словах. Существуют и иные экзотические, с точки зрения человека XXI в., виды взаимодействия — морская бутылочная или голубиная почта. В случае если материальный посредник не выполнит свою функцию — телефонная связь не будет установлена, телеграф не будет работать в связи с выходным днем, сервер Интернета будет выведен из строя компьютерным вирусом, письмо просто потеряется на почте, а «гонец» заблудится в незнакомом городе, — сообщение не будет передано и социальное взаимодействие не состоится. Для людей, разделенных во времени, значение проводников особенно велико. Благодаря картинам, книгам, архитектурным сооружениям (зданиям, памятникам и т. д.), сложным техническим конструкциям (самолетам, автомобилям, кораблям, фабрикам и т. д.), создавший их автор может воздействовать на огромные массы людей и после своей смерти. Вот уже несколько тысячелетий одна из пирамид в Египте прославляет имя фараона Хеопса и гигантский труд ее безымянных строителей. Мы до сих пор можем вести мысленный диалог с Пушкиным, Достоевским, Толстым, Чеховым благодаря тому, что хранятся в библиотеках и переиздаются их книги.

П.А. Сорокин делил проводники социального взаимодействия на механические, например, пуля, стрела, выпущенная в противника; двигательные — жесты, мимика; химические — запах духов, которым женщина хочет привлечь к себе поклонников; звуковые — человеческая речь, музыка, разнообразные звуковые сигналы, например, звук будильника); свето-цветовые — письменность, живопись, разнообразные знаки, например, эмблемы родов войск у военных; электрические — все виды электросвязи.

Особо П.А. Сорокин выделял предметные или символические проводники — материальные предметы, выступающие в качестве представителей каких-либо других предметов, свойств или качеств и используемые для хранения и передачи сообщений (информации, знаний). Мысли, чувства, переживания, которыми «нагружены» символические проводники, не совпадают с их формой, «оболочкой» и понятны лишь людям, посвященным в смысл этих символов. Молодым людям, наблюдающим за встречей ветеранов Второй мировой войны иногда может быть непонятно, почему седые старики плачут, когда выносят знамя их воинской части. Но для ветеранов оно символизирует боевой путь полка, дивизии, корпуса,

победы и неудачи, потери боевых товарищей, прожитые вместе годы, что, конечно, не может не вызывать сильных эмоций. Другими примерами символических проводников являются: государственный герб; государственный гимн; деньги; хлеб и соль — символ гостеприимства у восточных славян; знаки царской власти — скипетр и держава; крест, полумесяц — символы христианства и ислама и т. д. Чрезвычайно важную роль в межличностной и групповой коммуникации играют особые системы символических проводников — естественные и искусственные языки, от языка жестов до языков программирования ЭВМ.

Классификация форм социального взаимодействия проводится по различным основаниям.

В зависимости от количества участников:

- взаимодействие двух людей между собой (два товарища);
- взаимодействие одного и многих (лектор и аудитория);
- взаимодействие многих и многих (сотрудничество государств, партий и т. п.)

В зависимости от сходства или различия качеств участников взаимодействия:

- одного или разных полов;
- одной или разных национальностей;
- сходных или различающихся по уровню богатства и т. д.

В зависимости от характера актов взаимодействия:

- одностороннее или двухстороннее;
- солидарное или антагонистическое;
- организованное или неорганизованное;
- шаблонное или нешаблонное;
- интеллектуальное, чувственное или волевое.

В зависимости от продолжительности:

- кратковременное или длительное;
- имеющее кратковременные или долговременные последствия.

В зависимости от природы проводников — непосредственное или опосредованное.

Предпринятое выше описание элементов социального взаимодействия и классификация его форм позволяют сделать «моментальную фотографию» этого явления, представить его в статическом состоянии. Анализ динамики социального взаимодействия выявляет его новые качества: многократное повторение актов взаимодействия с одним и тем же составом участников, в одних и тех же условиях делает их более стабильными, а поведение действующих лиц — более предсказуемым. С ростом стабильности взаимодействие, образно говоря, все более «кристаллизуется»,

тем самым меняется характер социальных связей между людьми. В зависимости от частоты повторений и устойчивости в социологии выделяются следующие **виды социального взаимодействия**: социальные контакты, социальные отношения, социальные институты.

Под **социальным контактом** в социологии принято понимать тип кратковременного, легко прерываемого социального взаимодействия, вызванного соприкосновением людей в физическом и социальном пространстве.

Человек ежедневно вступает в огромное количество социальных контактов: на улице — в киоске, покупая газету; в метро — покупая жетон или предъявляя дежурному документ; в магазине и т. д. Совершая некоторые виды преступлений, например такие формы мошенничества в торговле, как вручение «куклы» вместо денег, подмена качественного товара вещевой «куклой» или некачественным товаром при передаче от продавца покупателю, злоумышленники прямо учитывают особенности социального контакта как кратковременного взаимодействия. Весь расчет строится на том, что мошенник и потерпевший никогда более не встретятся.

Социальные контакты можно разделить по разным основаниям. Наиболее четко выделены типы социальных контактов у С. Фролова[3]. Он структурировал их в следующем порядке:

Пространственные контакты, помогающие индивиду определить направление предполагаемого контакта и сориентироваться в пространстве и во времени. Это –первоначальный и очень значимый момент любого социального взаимодействия. Не будь его, мы утонули бы в море информации. С. Фролов, солидаризируясь с социологами Н. Обозовым и Я. Щепаньским, различает два типа пространственных контактов:

1. *Предполагаемый пространственный контакт*, когда поведение человека изменяется в силу предположения о присутствии индивидов в каком-либо месте. Например, водитель уменьшает скорость, увидев плакат «На этом участке дороги работает система видеонаблюдения и контроля скорости».

2. *Визуальный пространственный контакт*, или контакт «молчаливого присутствия», когда поведение индивида изменяется под влиянием визуального наблюдения других людей. В психологии аналогично используется термин «публичный эффект», отражающий изменение поведения индивида под влиянием пассивного присутствия других людей.

---

[3] *Фролов С.* Социология. М., 1994.

Контакты заинтересованности подчеркивают социальную избирательность нашего выбора. При «рекогносцировке» в социальном пространстве человек, как правило, мысленно перебирает в памяти все вероятные кандидатуры, которые могли бы помочь ему достичь желаемого результата. В зависимости от ситуации, социального качества, необходимого для контакта, объекты могут резко отличаться. Например, при нападении на вас, вы будете искать человека с большой физической силой или обладающего властью. При желании узнать местонахождение какого-либо объекта вы вряд ли обратитесь к иностранцу или малолетнему ребенку. Решив создать семью, вы тоже будете искать человека, импонирующего вам по своим социальным, физиологическим, психологическим и интеллектуальным данным. Такой контакт может быть односторонним и двухсторонним, очным и заочным, приводить к позитивному и негативному результату. Контакты заинтересованности побуждают человека раскрывать свои потенциальные возможности, скрытые в нем до поры до времени. Одной из главных задач в преподавании любого предмета является задача помочь выявить и всесторонне развить скрытые возможности каждого студента. Иногда студент и сам не подозревает о наличии некоторых из них и лишь заинтересовавшись, увлекшись предметом, он начинает идти на контакт с преподавателем. Контакт заинтересованности может продолжаться, а может и прерваться в зависимости от множества факторов и обстоятельств, как, например:

- силы и важности для личности актуализированного мотива и, соответственно, силы интереса;
- степени взаимности интересов;
- степени осознания своего интереса;
- окружающей обстановки.

Контакты заинтересованности раскрывают лучшие, глубинные черты личности, а также социальных групп, объединений, институтов, к которым она принадлежит.

Контакты обмена. Это уже более высокая ступень в стремлении индивидов к социальному взаимодействию. Здесь индивиды начинают вступать в кратковременные отношения, обмениваясь какой-либо, на первых порах нейтральной, информацией, предметами, уделяя друг другу знаки внимания. Главное, что подчеркивают при анализе данного вида контактов, — это отсутствие в действиях индивидов цели изменить поведение или иные социально значимые характеристики друг друга, т. е. внимание индивидов пока акцентируется не на результате связи, а на самом процессе. Индивиды выступают по отношению друг к другу не как личности,

но как носители определенных социальных качеств, совпадающих с ожидаемыми требованиями партнера. Индивид вступает в контакт с одним из многих, обладающих подобными качествами. Этот выбор носит поверхностный, случайный характер и может в любой момент измениться. Я. Щепаньский приводит очень показательный пример с покупкой газеты[4]. Первоначально у индивида возникает, на основании вполне определенной потребности, пространственное видение газетного киоска, затем появляется вполне конкретный интерес, связанный с продажей газеты и продавцом, после чего совершается обмен газеты на деньги. Контакты развиваются на базе одного основания — потребности в приобретении газеты. Личность продавца интересует покупателя только лишь в связи с необходимостью обмена денег на газету. Социальные контакты при повторении могут приводить к возникновению более сложных видов социальных взаимосвязей, обращенных не на предмет, а на человека.

Более стабильной формой социального взаимодействия являются **«социальные отношения»** — последовательности, «цепочки» повторяющихся социальных взаимодействий, соотнесенные по своему смыслу друг с другом и характеризующиеся устойчивыми нормами и образцами поведения. Выше мы уже указывали на то, что многократное повторение актов взаимодействия с одним и тем же составом участников, в одних и тех же условиях меняет характер социальных связей между людьми: действия сторон становятся *все более шаблонными, из их поведении шаг за шагом исчезают* моменты случайности, непредсказуемости и на этой основе формируется *новый*, дополнительный *элемент взаимодействия — стереотипы, устойчивые образцы и стандарты деятельности, нормы поведения*. Общение двух влюбленных уже через неделю, через месяц после знакомства приобретает характер социальных отношений: появляются любимые места встреч, устанавливается регулярная частота свиданий, возникает особый ритуал приветствия и прощания, появляются любимые словечки, описывающие эмоции, настроения, характер отношений, смысл которых понятен только двум посвященным и т. д.

Следует отметить, что в социальных отношениях нормы и устойчивые образцы поведения еще не являются общезначимыми, они тесно связаны с личными качествами субъектов взаимодействия и характером сложившихся между ними связей. Замена

[4] *Щепаньский Я.* Элементарные понятия социологии. М., 1969.

одного из участников процесса взаимодействия, например менеджера, ведущего деловые переговоры от имени фирмы с ее партнерами по бизнесу, может сказаться на всей системе сложившихся отношений, разрушить их или отбросить на уровень социальных контактов. Причина в том, что сложившиеся стандарты поведения были основаны на «личных связях», взаимных симпатиях конкретных людей. Введение в систему взаимодействия нового человека, отличающегося по стилю общения от предыдущего участника, разрушило тонкие нити взаимного доверия, и с ним необходимо строить отношения «с нуля».

Следующим видом и качественно новым уровнем развития социального взаимодействия является социальный институт.

2. Институционализация и ее этапы. Виды и функции социальных институтов

Развитие человеческого общества не может происходить хаотически. С этой точки зрения, история — есть процесс упорядочения, закрепления общественно значимых типов социальных отношений.

Процесс выделения и закрепления определенных общественных отношений, социальных норм, правил, статусов и ролей, приведения их в систему, ориентированную на удовлетворение существенных для общества (на данном историческом этапе развития) потребностей определяется в социологии как **«институционализация»**. Ее результатом является формирование социальных институтов.

Социальными институтами называются социальные отношения, превратившиеся в упорядоченную систему социальных связей, норм и ролей, которая объединяет значимые общественные ценности и процедуры, удовлетворяющие основным потребностям общества. В отличие от социальных отношений, институты не зависят от личных качеств участников взаимодействия. В рамках социальных институтов появляется дополнительный элемент — статусы и роли: субъекты взаимодействуют не как конкретные личности — Мария Иванова и Сидор Петров, а как «учитель» и «ученик», «начальник» и «подчиненный», «жена» и «муж», «истец» и «ответчик», «обвиняемый» и «потерпевший» и т. д. Безличный характер взаимодействия на уровне социальных институтов делает его еще более устойчивым и обеспечивает передачу устоявшихся общественных отношений из поколения в поколение.

Не все социальные отношения в своем развитии превращаются в институты. Общественная практика отбирает и закрепляет лишь те отношения между индивидами, социальными группами, которые становятся жизненно важными для функционирования общества

как сложной социальной системы. Кроме того, процесс институционализации обусловлен исторически: в различные периоды истории на первый план могут выходить различные общественные потребности, что непосредственно отражается на содержательной части социальных институтов. Например, содержательная сторона института права в эпоху Древнего Рима существенно отличалась от содержательной стороны институтов правосудия Нового времени, хотя внешняя сторона (совокупность учреждений, лиц, материальных средств) существенно не менялась. Поэтому, сравнивая возникающие в процессе институционализации социальные институты различных исторических эпох, важно обращать особое внимание на временной фактор.

Необходимо особо отметить, что процесс институционализации есть процесс возникновения нового, которое всегда оценивается с позиций исторически сложившихся потребностей общества, то есть с позиций «развитого старого». Естественно, что развитое «старое» (например, феодальные институты XVIII в.) лучше выполняет социальные функции: феодал заботится обо всех детях своих крестьян, сколько бы их ни было. С точки зрения «старого», возникшее «новое» — буржуазные институты, выглядит как нечто дикое, грубое, хамское: буржуа уже не будет заботиться о детях рабочих. Но новые социальные институты сменяют старые не потому, что так хочется отдельно взятым индивидам, а потому, что развитие истории переходит из одного качественного состояния в другое.

Это новое качественное состояние требует качественно новых социальных институтов. «Грубость, дикость и хамство» новых социальных институтов определяются неразвитостью складывающихся новых общественных отношений. Как бы прекрасны ни были развитые феодальные отношения, как бы ни заботились феодалы о крестьянах, но наступила новая эпоха в развитии общества — эпоха машинного производства, требующая уничтожения социальных институтов личной зависимости (сословное право) и замены их социальными институтами, гарантирующими формальную свободу граждан перед законом (буржуазное право). Именно поэтому при анализе становления исторически определенных социальных институтов необходимо учитывать их конкретно-историческую сущность.

Формализуя процесс институционализации, можно выделить несколько этапов, необходимо присущих становлению социальных институтов[5]:

1. Возникновение потребности, удовлетворение которой требует совместных организованных действий.

---

[5] *Фролов С.* Указ. раб.

2. Формирование общих целей.

3. Появление социальных норм и правил в ходе стихийного социального взаимодействия, осуществляемого методом проб и ошибок.

4. Появление процедур, связанных с нормами и правилами.

5. Институционализация норм и правил, процедур, т. е. признание их общественной значимости.

6. Установление системы санкций для поддержания норм и правил, дифференцированность их применения в отдельных случаях, создание механизма социального контроля.

7. Создание системы статусов и ролей, охватывающих всех без исключения членов института.

Итогом процесса институционализации (а процесс этот может занимать не одно десятилетие) принято считать установление четкой статусно-ролевой структуры, социально одобренной (пусть даже в силу тех или иных социальных иллюзий) большинством участников этого социального процесса. Процесс институционализации — это процесс поиска компромиссов и достижения согласия между различными социальными группами.

Виды социальных институтов выделяют в соответствии с основными сферами или структурными составляющими общественной жизни (экономика, политика, право, культура, религия, семья и т. д.). Социологи различают экономические социальные институты (например, институт частной собственности, финансовая система), политические (государство, партии), институты права, религии, культуры и т. п. Успешная деятельность социальных институтов во многом зависит от реализации определенной совокупности условий:

1. Наличие специфических социальных норм и предписаний, регулирующих поведение людей в рамках данного института.

2. Интеграция его в социально-политическую, идеологическую и ценностную структуру общества, что, с одной стороны, обеспечивает формально-правовую основу деятельности института, а с другой — позволяет осуществить социальный контроль над институционализационными типами деятельности.

3. Наличие материальных средств и условий, обеспечивающих успешное выполнение институтами нормативных предписаний и осуществление социального контроля.

Первое условие подчеркивает необходимость соответствия социального статуса работников как персонифицированных элементов определенных социальных отношений (экономических, политических, религиозных и т. п.) нормам, правилам и образцам поведения

определенного социального института. Данное условие связывает процесс институционализации с жесткими требованиями исторического процесса разделения труда, являющегося основой упорядочения разносторонних потребностей и интересов различных социальных групп в развитии общества. Без четкого разделения труда, специализации и набора соответствующих ролевых предписаний, которые подкрепляются ожиданиями со стороны окружающих людей, ни одна социальная система не сможет нормально функционировать.

Второе условие во многом носит идеологический характер. Чтобы стать официальным (признанным, оформленным), социальный институт должен подчинить свою деятельность интересам развития общества в целом. Если общество (в лице его формальных политических институтов) не признает функции и интересы данного социального института соответствующими интересам общества в целом, то такой социальный институт попадает в разряд неформальных. В рамках приводимого выше примера можно указать на то, что буржуазные институты (политические, экономические и т. д.) не были приняты представителями феодальных институтов. Эти две группы социальных институтов существовали в рамках различных социальных систем, поэтому буржуазные институты смогли оформиться лишь в результате смены социальной системы, хотя и в рамках господствующей социальной системы возможен переход неформальных институтов в состав формальных. Например, в нашей стране в результате политического забегания вперед был отменен социальный институт частного права, который долгое время существовал нелегально. Результатом такой политики стало развитие так называемой «теневой экономики», которую государство не смогло удержать под контролем, и вынуждено было легализовать. Но сделало оно это тем же самым методом — подорвав основу существования социальных институтов, определяющих воспроизводство государственной и общественной собственности. Следствием стало разрушение всех основных институтов. Вывод можно найти в третьем условии. Без соответственной политической поддержки государствообразующих институтов, их сбалансированности, соответствия современному уровню развития производства невозможно проведение социальных реформ.

Для того чтобы хорошо функционировала система в целом, политические институты должны создавать условия, основным из которых являются производство и воспроизводство средств производства и средств потребления. Лишь при выполнении этой задачи

возможно успешное производство и воспроизводство самого человека — важнейшего элемента любой социальной системы. Отдельный человек включается в деятельность социальных институтов через освоение присущих им социальных статусов и ролей, поэтому он также ощущает на себе влияние процесса институционализации. Какое бы социальное положение ни занимал индивид в общественной иерархии, — будь это просто ребенок или президент страны — он обязан подчиняться нормативным требованиям, предписываемым его статусу. Например, ребенок может вести себя как угодно дома, но «на людях» он должен не выходить за рамки приличий. То же касается любого члена общества вплоть до президента. Если заданные в процессе институционализации рамки нарушены, следует наказание (форма наказания зависит от степени нарушения).

Социальные институты являются необходимыми предпосылками социальной стабильности и устойчивости общественного развития. Их можно рассматривать с двух сторон: с внешней (формальной) и внутренней (содержательной). С формальной стороны большинство социальных институтов представляют собой совокупность организаций, учреждений, зданий, помещений, различного рода приспособлений (аппаратура, столы, средства связи и т. п.), а также людей, ориентированных на выполнение определенных социальных функций и задач.

Содержательную сторону составляет комплекс норм, целесообразно ориентированных стандартов поведения людей, призванных выполнять социальные функции данного института. Содержательная часть — определенное поведение людей в конкретной ситуации — должна соответствовать формальной. Образно говоря, пироги должны печь пекари, сапоги — тачать сапожники, а не наоборот. Так, если юстиция (как социальный институт) внешне может быть охарактеризована как совокупность лиц, учреждений и материальных средств, осуществляющих правосудие, то с содержательной стороны — это совокупность стандартизированных образцов поведения правомочных лиц, обеспечивающих данную социальную функцию. Указанные стандарты поведения воплощаются в социальных ролях, характерных для системы юстиции (судья, прокурор, адвокат и т. д.).

Каждый социальный институт имеет как специфические особенности, так и общие с другими институтами *признаки*. Во-первых, это установки и образцы поведения. Во-вторых — культурные символы. Культурным символом института может быть любой материальный или нематериальный элемент культуры, выражающий в наиболее концентрированном виде основные специфические

черты данного института, складывающиеся в его целостный образ. Для государства это флаг или герб; для церкви — распятие, полумесяц или буддийская ступа, для жениха и невесты — обручальные кольца и т. д. Музыка может тоже стать символикой. Национальные мелодии, государственные гимны, студенческие песни, свадебные марши используются в целях формирования образа социального института. Символами институтов могут быть также здания, например кафедральный собор или королевский дворец.

В-третьих, социальные институты обладают утилитарными культурными чертами: в семье есть очаг, русская печь, электроплита; у государства есть административные здания министерств и ведомств, фирменные бланки; институт образования немыслим без аудиторий и библиотек.

Четвертым признаком институтов являются устные или письменные кодексы поведения. Люди, включенные в деятельность институтов, должны принимать соответствующие предназначенные им роли. Система этих ролей чаще всего выражается в формальных кодексах, таких, как присяга на верность стране, клятва при заключении брака, клятва Гиппократа у врачей. Эти кодексы поддерживают институционально закрепляемые роли и являются важной частью социального контроля. Формальный кодекс — лишь часть общего поведения, создающего институциональную роль. Существуют и нормы поведения в отдельных ролях (солдата, родителя, профессора, политического деятеля), сущность которых составляет достаточно тщательно разработанный комплекс неформальных традиций, ожиданий и правил, отобранных в результате длительного опыта и наблюдений за исполнением данной роли. Во всех институтах роли будут успешно исполняться только теми, кто обучен необходимым ролевым установкам и ролевому поведению.

Наконец, пятым признаком социальных институтов является наличие идеологии. Идеологию можно достаточно приближенно охарактеризовать как систему идей, которая санкционирована совокупностью норм. Идеология включает в себя как основополагающие убеждения данного института, так и разработку таких убеждений, которые будут объяснять окружающую действительность в терминах, принятых членами данного института. Если повторение присяги формально привязывает индивида к текущим институциональным нормам, то идеология дает ему рациональное оправдание для применения их в повседневной жизни.

Социальные институты, независимо от того, какие социальные отношения они отражают (экономика, политика, культура, религия,

право, семья), выполняют общие институциональные функции. В социологии принято выделять явные (исторически признанные, четко выделяемые и легко распознаваемые функции) и латентные (скрытые, официально не признанные) функции[6].

В самом общем виде любой социальный институт нацелен на удовлетворение социальных потребностей индивидов. Способы и пути достижения этой цели и составляют явные функции социальных институтов.

1. *Выделение, закрепление и воспроизводство общественных отношений*

Общество как социальная система через социальные институты устанавливает нормы и правила поведения индивидов, закрепляемые соответствующими документами. Следование данным правилам обеспечивает в обществе стабильность и возможность развития индивида как личности. Институты права через систему правовых норм ограничивают возможность девиантного (отклоняющегося) поведения индивидов. Разрушение институтов права, как правило, приводит к хаосу и неопределенности, подрыву деятельности других социальных институтов и падению нравов. Следствием данного социального явления может быть или восстановление старых правовых норм и ценностей, или возникновение, закрепление и воспроизводство новых.

2. *Коммуникативная функция*

Данная функция необходима для поддержания деятельности социального института на должном уровне и осуществления внутренней взаимосвязи всех его частей. Кроме того, всякий социальный институт заинтересован в получении внешней информации о деятельности других социальных институтов.

Различают активные и пассивные отношения коммуникации. К активным передатчикам информации обычно относят средства массовой информации (СМИ). Основная масса социальных институтов в силу определенных специализаций относится к пассивным участникам коммуникационных связей. XX век характеризуется информационным бумом, поэтому коммуникационная функция социальных институтов играет немаловажную роль в осуществлении их непосредственных задач.

3. *Интегративная функция* (функция сохранения целостности социального института)

Данная функция направлена на обеспечение в ходе институциализации сплочения, укрепления внутренних и внешних связей

[6] *Фролов С.* Указ. раб.

между членами коллектива. Интеграция людей в социальном институте сопровождается упорядочиванием системы взаимодействий, что в свою очередь ведет к повышению устойчивости и целостности элементов социальной структуры. Функция интеграции состоит из трех основных элементов:

1) консолидация, или совмещение, усилий;

2) мобилизация частных ресурсов членов группы для достижения общих целей;

3) совместимость личных целей индивидов с целями других или группы в целом.

4. *Регулятивная функция*

Данная функция обеспечивает выработку общих социально значимых образцов поведения. Основным институтом, призванным воспроизводить общие образцы поведения (общественный идеал), является институт культуры. От того, какой идеал культивируется данным институтом (через систему образования и воспитания, театры, кино, книги, СМИ), во многом зависит нравственное здоровье общества. Пропаганда современными институтами культуры сцен насилия, ужасов и откровенного секса ведет к разрушению еще нетвердых моральных принципов подрастающего поколения.

Наряду с явными, устоявшимися, легко вычленяемыми функциями, социологи выделяют также латентные функции. В основном это функции, проявляющиеся в процессе институционализации, но не ставшие основополагающими для данного процесса. Например, в процессе становления института буржуазного права оно использовало и некоторые элементы права сословного и даже рабовладельческого (особенно в США). Но чем более институционализировались буржуазные отношения, тем меньше возникала необходимость в иных формах права. В воспитании ребенка родители используют элементы различных систем воспитания, но, в конечном счете, ребенок усваивает систему воспитания общества, в котором он вырос, и куда бы он ни приехал, воспринятая им система ценностей будет выделять его среди сверстников других стран. Так, вы никогда не перепутаете ребенка, выросшего в Англии, с американским молодым ковбоем. Важность выявления и изучения латентных функций различных социальных институтов заключается в том, чтобы вовремя поддержать их, если они помогают развитию социальной системы, или взять под контроль в случае негативных последствий их деятельности для существования системы в целом.

3. Социальные общности, группы и организации

Разнообразные виды социальных систем возникают в результате социального взаимодействия. Действительно, в процессе взаимодействия между людьми образуются устойчивые связи и отношения, которые дают новое качество ранее независимым друг от друга индивидам — создают «коллективное единство» (термин П.А. Сорокина), которое взаимодействует со средой как целое. В результате регулярного взаимодействия пара влюбленных образует семью, несколько любителей футбола — команду, совокупность верующих — религиозную общину, несколько работников — трудовую артель и т. д. Укрепление взаимных связей, установление более устойчивых отношений и эволюция социальных общностей — это две стороны единого процесса взаимодействия между людьми. Взаимодействие общностей и групп дает в результате социальную структуру общества.

Самой общей, абстрактной категорией социологии, описывающей многообразие форм объединения людей, является понятие **«социальная общность»** — совокупность людей, объединенных общими условиями существования, наладивших регулярное устойчивое взаимодействие друг с другом.

Основными видами социальных общностей являются:

1) номинальная общность;
2) массовая общность (квазигруппа);
3) социальная группа;
4) социальная организация (организованная группа).

Номинальная общность — это особая социальная категория. В отличие от всех остальных видов социальных общностей, она не возникает естественным образом как результат социальных взаимодействий и, поэтому, строго говоря, общностью называться не может. Номинальная общность есть совокупность людей, объединенных общими социальными признаками, взаимосвязь между которыми устанавливается исследователем с целью решения какой-либо научной задачи. Данные люди могут иметь огромное количество общих признаков: цвет глаз, волос, любовь к животным и т. п., но никогда не вступать во взаимодействие друг с другом. Термин «номинальная общность» существует как дань научной традиции и имеет более точный синоним *«социальный агрегат»*.

Специалисту, занимающемуся изучением различных социальных феноменов, нередко приходится связывать внешне никак не связанные явления в единое целое, чтобы понять общую закономерность. Например, во всех регионах России (районах Москвы) существуют

малолетние преступники, которые совершили одинаковые проступки. В реальной жизни эти дети никак не взаимодействуют и даже не задумываются о существовании друг друга. Исследователь, специалист по детской преступности, чтобы понять причины совершаемых преступлений, искусственно объединяет их в номинальную общность. Чаще всего с социальными агрегатами имеют дело специалисты по статистике, демографии, экономике, криминологии.

Массовая общность (квазигруппа) — это реально существующая совокупность людей, случайно объединенных общими условиями существования и не имеющая устойчивой цели взаимодействия. Основными характерными чертами массовых общностей можно считать:

- спонтанность возникновения;
- неустойчивость, временный характер совпадения интересов;
- неопределенность состава и границ;
- объединение индивидов внешними условиями существования;
- неспособность входить в качестве элементов в другие социальные общности;

Квазигруппы чаще всего существуют непродолжительное время, после чего либо окончательно распадаются, либо под воздействием ситуации превращаются в устойчивые социальные группы. Социологи и социальные психологи выделяют следующие виды массовых общностей: аудитория, толпа, социальные круги.

Аудитория. Под аудиторией понимается социальная общность людей, объединенная взаимодействием с коммуникатором — индивидом или группой, владеющими информацией и доводящими ее до этой общности. Аудитория может осуществлять как непосредственное взаимодействие с коммуникаторами (например, слушание уличного оратора, объявления распорядителя в магазине или других общественных местах), так и опосредованное, анонимное (например, воздействие средств массовой информации).

Наиболее характерной чертой аудитории, таким образом, является практически одностороннее взаимодействие, слабая обратная связь аудитории с коммуникатором, особенно большой аудитории. Аудитория — это сложное и неоднородное социальное образование, что связано прежде всего с тем обстоятельством, что люди по-разному воспринимают и усваивают информацию в силу принятых ими культурных норм и ценностей. Если одна часть аудитории ставит барьер на пути усвоения информации, которая не соответствует их культурным стереотипам, то другая часть живо воспринимает ее. Следовательно, любая аудитория имеет тенденцию к разделению на отдельные общности, в которых начинаются

взаимное общение и обмен мнениями о полученной информации. Это позволяет каждой из выделившихся общностей, которые называются социальными кругами, составить общее мнение относительно каких-либо событий.

В повседневной жизни человек часто сталкивается с аудиториями. Внимаем мы оратору в лекционном зале или тамаде за столом, читаем газету или слушаем радио — во всех случаях мы являемся членами аудитории разного типа. Проблема воздействия на аудиторию важна в политике, менеджменте, в работе средств массовой информации.

Толпа. Толпа — это, как правило, бесструктурное скопление людей, связанных между собой сходством эмоционального состояния и общим объектом внимания. Если толпа и имеет структуру, то она очень проста и редко бывает сложнее, чем разделение на лидеров и всех остальных. Но толпа — это нечто большее, чем простая агрегация индивидов. Физически ограниченное пространство приводит к социальному взаимодействию даже в тех случаях, когда люди в толпе стараются избегать межличностного контакта. Простое осознание присутствия вокруг других людей ведет к неявному, но богатому впечатлениями взаимообмену, основанному на общении с избеганием контакта глазами, на лицевой мимике, жестах, позах и даже стилях одежды.

Толпы весьма сильно различаются по характеру и поведению. Толпа одного типа может быть быстро трансформирована в толпу другого типа, например спокойно стоящая толпа — в неистовствующее сборище. Однако чаще всего толпы имеют определенные общие характеристики:

1. *Внушаемость.* Люди, находящиеся в толпе, как правило, более внушаемы, чем находящиеся вне ее. Они с большей вероятностью принимают мнения, чувства и действия большинства.

2. *Анонимность.* Индивид чувствует себя незначительным и неузнанным в толпе. Толпа часто действует как целое, и ее индивидуальные члены не выделяются и не воспринимают себя как отдельных людей.

3. *Спонтанность.* Люди, составляющие толпу, имеют тенденцию к более спонтанной манере поведения, чем в обычных условиях. Как правило, они не задумываются над своими действиями, и их поведение в толпе зависит исключительно от эмоций.

4. *Неуязвимость.* Поскольку люди, составляющие толпу, анонимны, они начинают чувствовать себя вне социального контроля, понимая, что до них трудно «добраться». Например, при осуществлении актов вандализма неистовствующими футбольными

болельщиками (битье стекол, порча кресел в вагонах метро и другие подобные действия) каждый из участвующих в них снимает с себя ответственность за это, действуя со всеми вместе как одно целое.

Толпы можно разделить на несколько видов в зависимости от способа их формирования и поведения.

Случайная толпа не обладает какой-либо структурой. Примером такой толпы может быть обычное собрание людей на улице, где произошло неординарное событие (появление знаменитости, столкновение автомобилей и т. п.). В этом виде толпы людей объединяет либо незначительная цель, либо вовсе бесцельное времяпрепровождение. Связь между индивидами в случайной толпе неустойчива, и индивиды могут свободно отделить себя от нее. Однако бывает, что при изменении условий толпа может структурироваться и проявлять большую сплоченность.

Обусловленная толпа — собрание людей, заранее планирующееся и относительно структурированное. В данном случае толпа «обусловлена» в том смысле, что поведение ее членов находится под воздействием определенных, заранее установленных социальных норм. Например, толпа, собравшаяся на представление, ведет себя по-разному в театре, на стадионе, на собрании и т. д. Все это виды обусловленной толпы.

Экспрессивная толпа, — социальная квазигруппа, которая обычно организуется в целях получения личностного удовольствия ее членами. Например, танцы, религиозные собрания, рок-фестивали и т. д.

Действующая толпа. Под термином «действующая» подразумевается толпа с экстремальным типами поведения. При исследовании социальных процессов этому виду толпы придается первоочередное значение, по сравнению с прочими видами.

Одной из форм действующей толпы является *сборище* — эмоционально возбужденная толпа, тяготеющая к насильственным действиям. Сборища обычно имеют лидеров, однонаправленных в своих агрессивных намерениях и требующих строгого подчинения от всех своих членов. Действия сборища направляются непосредственно на какой-либо определенный объект и носят кратковременный характер. После этого сборище, как правило, распадается. Распространенным примером сборища является линчующая толпа, которая имеет очень узкую направленность и после достижения цели быстро распадается. Люди, входившие в линчующую толпу, в обыденной жизни могут ничем не напоминать члена жестокого и активно действовавшего сборища.

Другая важная форма действующей толпы — *восставшая толпа*. Это насильственный и деструктивный коллективный взрыв. Такая толпа отличается от сборища тем, что при восстаниях поведение менее структурировано, менее целенаправленно и более неустойчиво. Восставшая толпа может состоять из различных групп, преследующих свои цели, но действующих в критический момент сходным образом. Такой вид толпы в наибольшей степени подвержен различным случайным влияниям извне, ее действия в большинстве случаев непредсказуемы.

Механизмы образования толпы, иррациональное и часто деструктивное поведение человека в действующей толпе всегда интересовали ученых-социологов. Некоторые теоретики определили поведение толпы (особенно действующей) как продукт групповой «инфекции», в результате которой индивиды во многом теряют свою самоидентификацию и даже самоконтроль. Впервые системную версию этой теории предложил в 1895 г. французский ученый Густав Лебон[7]. Согласно его версии, «коллективное устремление», появляющееся в толпе, приводит к тому, что сознание у отдельных личностей подавляется и почти полностью исчезает. Лебон полагал, что члены толпы находятся под влиянием некоторого общего воздействия и импульса, присущих только толпе. Таинственные импульс и сила составляют «коллективные устремления» толпы. Однако они действуют на личность по-разному. Существуют лица с высокой обособленной культурой, которые почти никогда не «заражаются» «коллективным устремлением». Наиболее подвержены «инфекции» люди из низших слоев общества с нечетко выраженной индивидуальной культурой. Эти слои всегда растворяются в толпе, заражаясь ее устремлениями.

Теперь уже известно, что идея «коллективного устремления» ошибочна. Поведение толпы — это сумма поведения ее отдельных членов, и не может быть независимо существующего и неизвестно откуда появляющегося «общественного устремления».

Другим направлением изучения толпы стала теория «возникающих норм», разработанная американским социологом Ральфом Тернером в 1964 г.[8] Согласно этой теории, поведение толпы является уникальным феноменом, заключающимся в том, что в ходе взаимодействия в толпе возникает и начинает быстро развиваться комплекс специфических норм. Тернер считает, что первоначально люди в действующей толпе имеют различные мотивы и установки.

---

[7] *Le Bon G.* The Crowd. N.Y., 1960.

[8] *Turner R.* Collective behavior. N.Y., 1957.

Некоторые ее члены являются импульсивными участниками, другие — пассивными созерцателями, третьи высказывают мнение и дают советы и т. д. В ходе взаимодействия этих индивидов в толпе начинают с большой скоростью образовываться новые нормы. Творцами их будут немногие, наиболее активные личности. В том случае, если данные нормы не устраивают большинство толпы, эти личности смещаются и на их место приходят новые активные люди. Нахождение в замкнутом пространстве и наличие идентичных целей способствуют быстрому принятию возникающих норм или отказу от них, социальному контролю за их соблюдением со стороны большинства. Таким образом, действия личностей в толпе становятся однонаправленными и относительно упорядоченными, толпа начинает действовать.

Исследования последних лет показали, что теория «возникающих норм» в целом верно объясняет процессы, происходящие в толпе. Отсюда следует, что для управления поведением толпы важно определить источники возникновения норм, их носителей и возможности целенаправленного воздействия на их создателей.

Социальные круги. Среди квазигрупп наиболее близкими к устойчивым социальным группам являются социальные круги. В соответствии с определением Я. Щепаньского, «социальными кругами мы называем свободные союзы, основанные на контактах с очень слабо установленной связью, лишенных устойчивых отношений между членами»[9]. К этому определению можно было бы добавить, что важной отличительной чертой социальных кругов является то, что взаимодействие в них почти полностью направлено на обмен информацией.

Социальные круги — это социальные общности, созданные с целью обмена информацией между их членами. Эти общности не ставят каких-либо общих целей, не предпринимают совместных усилий, не имеют исполнительного аппарата. Основная функция социальных кругов состоит в обмене взглядами, новостями, комментариями, аргументами. Можно сказать метафорически, что круги — это общности дискутирующих людей.

Узкая направленность взаимодействий, пассивность и отсутствие единства делают социальные круги неустойчивыми социальными образованиями. Вместе с тем индивиды, их формирующие, проходят определенный отбор в основном по двум критериям: 1) общая заинтересованность в теме дискуссии (так образуются, например, кружки по интересам, круги футбольных болельщиков, обсуждающих

[9] *Щепаньский Я.* Элементарные понятия социологии. М., 1969. С. 78.

итоги матча, собрание людей на улице, обсуждающих политические события, и т. п.); 2) принадлежность к определенной субкультуре (например, деловые круги, объединяющие бизнесменов, круги высших слоев общества, круги профессионалов, обсуждающих специфические, узкопрофессиональные вопросы, и т. д).

Существует несколько разновидностей социальных кругов, в основном представленных в классификации Я. Щепаньского[10].

Контактные круги — это социальные общности людей, постоянно встречающихся на спортивных состязаниях, в транспорте или очередях. Наличие общей заинтересованности в теме дискуссий позволяет им завязывать мимолетные знакомства или обмениваться мнениями по интересующим их вопросам. Границы таких общностей крайне неопределенны и размыты, их состав во многом определяется пространственными контактами. Контактные круги легко создаются, но также легко и распадаются. Возникновение таких кругов характерно для вновь созданных студенческих групп, когда их члены начинают искать общие темы и интересы, образуют небольшие кружки, быстро возникающие и также быстро распадающиеся.

Профессиональные круги, или круги коллег — это социальные общности, члены которых собираются для обмена информацией исключительно по профессиональному признаку. Они возникают в рамках формализованных групп на предприятиях, симпозиумах, встречах, совещаниях, среди рабочих, инженеров, ученых, артистов. Наиболее известны политические круги, создаваемые профессиональными политиками для обмена информацией в области политической деятельности. Профессиональные круги являются более прочными образованиями, чем контактные круги, и часто переходят в устойчивые социальные группы. Кроме того, от участников профессиональных кругов требуется выполнение определенных норм и, стало быть, в них повышается степень социального контроля.

Дружеские круги — это социальные общности по обмену информацией, возникающие среди индивидов, объединенных отношениями дружбы. Обычно под дружескими социальными кругами подразумеваются компании, время от времени собирающиеся и обсуждающие насущные проблемы или состоящие в переписке. Дружеский социальный круг может превратиться в дружескую группу, если входящие в него индивиды будут действовать согласованно, следовать сходным образцам поведения и иметь систему ожиданий относительно действий друг друга.

---

[10] *Щепаньский Я.* Элементарные понятия социологии. М., 1969. С. 78, 79.

Статусные социальные круги — социальные общности, образующиеся по поводу обмена информацией среди индивидов, имеющих одинаковые или близкие статусы. Примером такой общности можно считать аристократические круги, круги изгоев (бомжей), женские или, напротив, мужские круги, круги пенсионеров. Во всех приведенных случаях круг формируется из личностей, имеющих одинаковые статусы. Статусные социальные круги формируются в основном по принципу принадлежности к одной субкультуре и являются относительно труднодоступными для индивидов, имеющих другой статус.

Все социальные круги могут иметь лидеров, т. е. лиц, которые аккумулируют, обобщают различные мнения и высказывания, имеющие значение для членов данного круга и влияющие на их поведение. Эти лидеры неформальны и не обладают возможностью контролировать поведение членов социального круга (они получили название «лидеров мнения»).

Изучение социальных кругов представляет не только научный, но и практический интерес по двум причинам. Во-первых, потому что они являются такими социальными образованиями, в которых зарождается, преобразуется и формируется общественное мнение, которое именно здесь обретает силу и воздействует на поведение людей в социальных группах. Во-вторых, потому, что социальные круги — это основа для образования активно действующих социальных групп. Особенно ярко такие действия наблюдаются в политике, при образовании политических партий.

Социальная группа — совокупность людей, объединенных на основе совместной деятельности, общих целей и имеющих сложившуюся систему норм, ценностей, жизненных ориентаций, устойчивых образцов поведения, благодаря которым у индивидов формируется чувство групповой солидарности (ощущение «мы — группа»).

Социальная группа характеризуется рядом специфических признаков:

- устойчивость, продолжительность существования;
- определенность состава и границ;
- общая система ценностей и социальных норм;
- осознание своей принадлежности к данной социальной общности;
- добровольный характер объединения индивидов (для малых социальных групп);
- объединение индивидов внешними условиями существования (для больших социальных групп);

• способность входить в качестве элементов в другие социальные общности.

По численности (массовости участников) и характеру отношений социальные группы подразделяются на *большие и малые*.

Наряду с общими для всех социальных групп признаками, малые группы имеют одну важную особенность, а именно: непосредственный, личный характер взаимоотношений между индивидами.

Основное отличие малой социальной группы от большой заключается в возможности непосредственных эмоциональных контактов членов группы, в личных взаимоотношениях между индивидами, и в силу этого, в четком распределении их по социальным статусам и ролям. Классическим примером малой социальной группы является семья. Численность малой социальной группы количественно определяется в пределах 2–15 человек. При превышении этого количества теряется непосредственность взаимодействия между членами группы: отношения все больше носят формальный, безличный характер. По виду влияния общности на процесс социализации индивида социологи выделяют первичные и вторичные социальные группы.

Первичные социальные группы составляют как бы непосредственное окружение индивида и являются субъектами первичной социализации. Изучение первичных групп (семья, компания друзей, одноклассников, единомышленников) важно в силу их огромного влияния на нравственное и духовное воспитание человека. Стереотипы, вырабатываемые в таких группах, становятся частью культуры, моральными постулатами и ролевыми установками для огромного количества людей. Особенно это касается подростков. В процессе социализации каждый человек определяет свое отношение к различным социальным группам. Постепенно определяется круг социальных групп (малых и больших), к которым данный индивид причисляет и себя, по отношению к которым он может сказать: «моя семья», «моя компания», «мой класс». Группы, с которыми идентифицирует себя индивид, называются ингруппами. Группы, к которым индивид себя не относит, называются аутгруппами. Исторически это было особенно выражено во взаимоотношениях между родами: «свой–чужой». В современном обществе такие границы размыты, и все же человек не может жить, не ощущая своей «нужности» кому-либо. Попадая в новую обстановку, человек в первую очередь стремится идентифицировать свои интересы с интересами окружающих его людей, влиться в группу единомышленников.

Вторичные социальные группы характеризуются безличным, односторонним, утилитарным характером взаимодействий между индивидами, косвенно влияющим на процесс социализации. Вторичной группой можно назвать общности, связанные между собой внешней связью, которая все же оказывает существенное влияние на поведение индивидов, например, спортивный клуб, коллектив филателистов, сводная команда шахматистов школ Москвы.

Важно отметить, что малая группа может быть первичной и вторичной. Большая социальная группа всегда выступает в форме вторичной.

Особое внимание социологи уделяют понятию «референтные группы». Американский социолог Г. Хаймен обнаружил, что определенная часть студентов не принимает норм и ценностей группы, к которой они принадлежат (семья, школа, группа в институте, рабочий коллектив). Тем не менее, они разделяют нормы и ценности тех общностей, которые для них становятся образцом, примером для подражания. В ходе исследования социолог выяснил, что каждый человек включается сразу в несколько референтных групп, хотя и не принадлежит к ним формально. В конце 80–90-х гг. XX в. подобная позиция приводила к раздвоению морали: дома и в школе, на улице и во дворе. Ценности первичной социальной группы (семья, школа и т. д.) ставились под сомнение, и дети все больше ориентировались в своих поступках не на советы родителей, а на героев фильмов, рекламы и криминальных разборок. Официальная мораль, если она не поддерживается реальными образцами поведения государственных руководителей всех рангов, родителей, не культивируется средствами массовой информации, вряд ли будет воспринята подрастающим поколением. Оно очень быстро отделяет форму от содержания и начинает пугать нас откровенной духовной пустотой.

Социальная организация (организованная группа) — совокупность людей, объединенных для достижения каких-либо целей и характеризующаяся строгим разделением труда и специализацией, наличием иерархии статусов и ролей, нормативной регуляцией поведения, наличием органов управления и координации, собственной системой социального контроля, безличным характером взаимодействия людей друг с другом.

Социальную организацию иначе называют организованной группой. Данная социальная общность в корне отличается от остальных форм социальных общностей. Здесь уже царят ясность, строгость и порядок. Индивиды объединены внешним образом, но порядок вступления в большинство организаций добровольный. Никто не

заставляет молодых людей поступать в институт, но, поступив, они вынуждены подчиняться установленным в данном учебном заведении нормам и правилам поведения.

Для социальной организации, как и в большой социальной группе, характерно четкое распределение индивидов по их социальным статусам и ролям. За несоответствие полученному социальному статусу, например, студент может быть отчислен. Отношения между индивидами носят безличный, формальный характер. В то же время наличие особого органа управления позволяет с помощью выработанной системы санкций осуществлять строгий социальный контроль за выполнением членами социальной организации своих должностных обязанностей.

Социальную организацию можно определить как стержень рациональной системы взаимодействия между индивидами, направленный на достижение единой цели. То, что не под силу одному, под силу коллективу. Поэтому, если мы возьмем любую сферу жизни, то увидим, что везде результат деятельности коллектива более эффективен, чем отдельного индивида. Мотострелковая рота более эффективно отобьет атаку, нежели группа хороших, но не объединенных в единую организацию бойцов. Футболисты будут играть более результативно, если объединятся в команду. В экономике любого промышленно развитого государства крупные предприятия составляют стержень его экономической мощи. Чтобы влиять на социальные взаимоотношения в государстве, люди объединяются в политические организации. Иными словами, любое социально значимое взаимодействие между индивидами на определенном этапе своего развития с необходимостью принимает форму социальной организации. Анализ различных форм социальных организаций позволяет обществу успешно справляться с возникающими в процессе его развития социальными проблемами.

Особым видом организаций являются *бюрократические организации*. Под бюрократией обычно понимается организация, состоящая из ряда официальных лиц, должности и посты которых образуют иерархию и которые различаются формальными правами и обязанностями, определяющими их действия и ответственность. Термин «бюрократия» французского происхождения, от слова «бюро» — офис, контора. Формы правления бюрократии заимствованы из классических греческих полисов: власть немногих — олигархия; власть одного — автократия, власть всех, т. е. народа — демократия.

Бюрократия в современном, буржуазном виде возникла в Европе в начале XIX в. Лица, занимающие официальные должности, чиновники и управляющие, обладающие специальными знаниями

и компетенцией, стали ключевыми фигурами в управлении. Возникновение бюрократии в обществе с развивающейся фабричной системой, усложнением структуры организованных групп было, безусловно, явлением прогрессивным. Бюрократия имела доступ ко всем рычагам управления и потому была всесильна и подчинялась только «интересам дела»; она обеспечивала четкость и однозначность потоков информации в организациях. Бюрократ должен быть профессионалом высокого класса, иметь специальное образование, быть компетентным.

Идеальный тип бюрократии как организации, ее отличительные свойства лучше всего описаны М. Вебером. Следует только иметь в виду, что идеальный тип в его концепции выступает в качестве аналитической модели, познавательного инструмента, «эталона» для сравнения с реально существующими организациями. В соответствии с учением М. Вебера, идеальная бюрократия характеризуется следующими признаками:

1. Личности, входящие в организацию, лично свободны и действуют только в рамках «безличных» обязанностей, существующих в данной организации. «Безличный» здесь означает, что обязанности и обязательства принадлежат должностям и постам, а не индивиду, который занимает их только в определенный промежуток времени.

2. Ярко выраженная иерархия должностей и позиций. Это означает, что определенная должность будет доминирующей над всеми нижестоящими и зависимой по отношению к должностям, находящимся выше нее. При иерархических отношениях индивид, занимающий определенную должность, может принимать решения относительно индивидов, занимающих более низкие должности, и подчиняется решениям лиц, находящихся на более высоких должностях.

3. Ярко выраженная спецификация функций каждой из должностей и позиций.

4. Индивиды нанимаются и продолжают работу на основе контракта.

5. Отбор действующих индивидов производится на основании их квалификации.

6. Людям, занимающим должности в организациях, выплачивают зарплату, размер которой зависит от занимаемого ими уровня в иерархии.

7. Бюрократия представляет собой карьерную структуру, в которой продвижение производится по заслугам или по старшинству, независимо от суждений начальника.

8. Должность, занимаемая индивидом в организации, рассматривается им как единственное или, по крайней мере, главное занятие.

9. Деятельность представителей бюрократии основывается на строгой служебной дисциплине и подлежит контролю.

Определив специфические свойства бюрократии, М. Вебер разработал, таким образом, идеальный тип управления организацией. Бюрократия в таком идеальном виде представляет собой наиболее эффективную машину управления, основанную на строгой рациональности. Ее характеризуют строгая ответственность за каждый участок работы, координация в решении задач, оптимальное действие безличных правил, четкая иерархическая зависимость.

Однако такое идеальное положение не существует в действительности, более того, бюрократия, изначально предназначенная для достижения целей организации, на деле часто отходит от них и начинает не только работать вхолостую, но и тормозить все прогрессивные процессы. Она доводит формализацию деятельности до абсурда, ограждаясь формальными правилами и нормами от реальности. Недаром в обыденном, а не научном языке слово «бюрократия» стало символом формализма, бумаготворчества, волокиты.

Т. Парсонс, анализируя проблемы реальной бюрократии, указывал, что в основе формальной бюрократической организации заложено противоречие между властью, основанной на простом приказе, и властью специалиста, основанной на профессиональных знаниях и опыте, и, что, как правило, это противоречие разрешается не в пользу профессионализма и творчества.

Р. Мертон применил к анализу бюрократии понятие дисфункции, которая, по его мнению, состоит в том, что бюрократы начинают переносить акцент с целей организации, ради которых она и была создана, на средства достижения этих целей. Характерное для бюрократической системы постоянное и неукоснительное следование формальным правилам и проявляющиеся при этом уступчивость и конформизм приводят, в конечном счете, к тому, что работники теряют способность принимать самостоятельные решения. Главной целью их деятельности становится соблюдение различных правил и руководств к действию. Р. Мертон назвал это явление «обучением неспособности». Продуктом такого «обучения» является стереотипный бюрократ, не имеющий воображения и способности к творчеству, негибкий в применении официальных норм и правил в ситуациях, простых и ясных для всех, кроме него. Другое следствие бюрократизации — кастовость, замкнутость

бюрократов, возвышение их над другими людьми, попытка показать, что они знают тайные пружины управленческого механизма. Руководитель-бюрократ в таких условиях начинает заботиться прежде всего о безопасности своего положения, а потому предпочитает опираться на формальные правила и свою формальную власть. За правилами он не видит реальных исполнителей и все более утрачивает контроль за ситуацией. Это заставляет его еще больше заботиться об упрочении и защите своего служебного положения. Круг замыкается. Руководитель не может обеспечивать надлежащий контроль и принятие обоснованных управленческих решений.

Несмотря на изначально заложенные в бюрократии противоречия, такая форма управления в настоящее время является наиболее работоспособной и приемлемой. Задача современного управления состоит в максимальном использовании конструктивного потенциала бюрократии и постоянной борьбе с ее отрицательными моментами. Путь к достижению этой цели многие исследователи видят в изменении установок представителей бюрократии, в установлении связи их благополучия и карьеры с конечным результатом деятельности организации.

4. Социальная структура общества и основания ее классификации

Если понятие «социальная система» указывает на взаимосвязи между множеством индивидов, которые преобразуют их в качественно новую совокупность — «коллективное единство», то категория «социальная структура» отражает характер упорядоченных и взаимообусловленных связей между элементами социальной системы, описывает состав элементов и «внутреннее устройство» человеческого сообщества.

Социальная структура — в широком смысле слова — означает совокупность отношений между различными социальными группами, общностями, организациями и социальными институтами, обеспечивающими стабильность в обществе.

В процессе собственного воспроизводства люди вступают в определенные общественные отношения, прежде всего производственные, объединяются в группы, кооперируются, распределяют функции. Господствующий в той или иной исторический период способ производства определяет характер социальной структуры данного общества.

Классификация различных сторон и элементов социальной структуры зависит от решаемых социологами задач и выбранных

оснований. Социальная структура может рассматриваться в следующих отношениях:

1) *историческом*, с точки зрения эволюции общества, его развития; элементами такой структуры выступают этапы мировой истории, этапы развития отдельных стран, народов;

2) *функциональном*, т. е. как упорядоченная система форм социальной деятельности, обеспечивающих функционирование и развитие общества; при этом единицами анализа выступают отдельные сферы общественного разделения труда (экономика, политика, право, мораль, система образования и воспитания);

3) *институциональном*, как система связей между социальными институтами, обеспечивающими удовлетворение важнейших общественных потребностей;

4) *как социальный состав общества*, с точки зрения связей и отношений между различными социальными общностями, группами, организациями, выделенными по самым различным основаниям (социально-демографическая, социально-территориальная, национально-этническая, стратификационная и другие структуры общества);

5) *как иерархия социальных статусов*, каждому из которых соответствует набор прав, обязанностей и определенных социальных ролей;

6) *как определенная система социально-культурной ориентации индивидуальных и коллективных действий*; единицами анализа при таком подходе к социальной структуре являются элементы социального действия (цели и средства, мотивы и стимулы, нормы и образцы поведения и т. д.).

Возможны и другие, производные от перечисленных выше, основания типологизации социальной структуры общества. По отношению к процессу труда все общество можно разделить на «занятых в общественном производстве» и «иждивенцев» (детей, учащихся, пенсионеров и др.). По отношению к правовым нормам все население также можно разделить на группы с: 1) конформным (законопослушным) поведением; 2) девиантным (отклоняющимся) поведением; 3) делинквентным (преступным) поведением.

Указанные подходы к социальной структуре общества могут рассматриваться как различные, дополняющие друг друга, ее элементы, каждый из которых допускает как теоретический, так и эмпирический анализ.

Социальная структура общества не является чем-то застывшим и неизменным. На нее оказывают воздействие многие факторы, которые по своей природе могут быть как функциональными,

так и дисфункциональными. К ним относятся и всевозможные внутренние конфликты и взаимовлияния разнородных внешних структур (столкновение локальных культур или интересов). Различные по уровню и типу своего развития социальные структуры в неодинаковой степени способны адаптировать внутренние и внешние воздействия.

Устойчивость социальной структуры общества и ее адаптивные возможности изменяются в процессе ее развития. При этом происходят два взаимосвязанных процесса:

1. «Горизонтальная» дифференциация функций между отдельными дополняющими друг друга сферами социальной деятельности (например, разделение сфер общественного производства, появление новых сфер деятельности);

2. «Вертикальная», иерархическая дифференциация функций между различными уровнями социального управления (например, соответствующая дифференциация социальных институтов, механизмов социального контроля и программ деятельности социальной системы).

Подводя итог изложенному, необходимо подчеркнуть огромную важность изучения социальной структуры современного, и прежде всего, российского общества. Ни одно серьезное, общественно значимое заведение или организация не обходятся сегодня без грамотного специалиста-социолога, который отслеживает тенденции в развитии данного конкретного коллектива и общества в целом.

ГЛАВА V

ЛИЧНОСТЬ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ

1. Понятие личности в социологии и основные подходы к ее изучению

Ни одно из понятий общественных наук не является столь дискуссионным и столь многозначным как понятие личности. Представители многочисленных школ в философии, социологии, психологии дают самые различные истолкования этого термина.

Философский подход к проблеме личности является предельно общим, поскольку с ним связано определение генезиса человека и того места, которое занимает субъективная деятельность индивида в окружающем его природном и социальном мире.

К области интересов общей и социальной психологии относится выявление тех психологических механизмов, которым непосредственно подчиняется психическое состояние и поведение индивида. Применительно к личности это означает характеристику ее активности и интересов, чувств, психологической готовности к труду, способностей, типов высшей нервной деятельности и темперамента, характера и других феноменов внутреннего мира индивида.

С позиций социологического подхода личность рассматривается, прежде всего, как объект и продукт общественных отношений. Мысль об этом высказал в начале XIX в. французский социалист-утопист Сен-Симон, оказавший значительное идейное влияние на основателя социологии О. Конта. Идея о социальной природе личности получила развернутое обоснование в марксизме. Марксу принадлежат знаменитые слова: «Сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений»[1].

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 3.

Во второй половине XIX в. принцип социальной обусловленности психики успешно разрабатывался в трудах французских социологов Э. Дюркгейма, Л. Леви-Брюля и психологов Т. Рибо, Ш. Блонделя, Ж. Пиаже и др.

Социологические концепции личности оформились в развитом виде в начале XX в. К ним относятся теория личности в марксизме, теория зеркального «Я» в интеракционизме, теория референтной группы, отдельные ветви необихевиоризма в социологии, концепция установки, статусно-ролевая теория личности и некоторые другие.

В социальной философии и социологии марксизма под личностью понимают человека, усвоившего совокупность ценностей и норм поведения, сложившихся в конкретном обществе, социальной общности, малой группе, и реализующего их во взаимодействии с другими людьми. Сущность каждого индивида, относящегося к данному «роду», заключается, согласно *марксистской концепции*, в той совершенно конкретной системе взаимодействующих между собой индивидов, которая и делает каждого из них тем, что он есть.

Личность не только существует, но и впервые рождается именно как «узелок» взаимных отношений, которые возникают между индивидами в процессе коллективной деятельности (труда) по поводу вещей, созданных и создаваемых трудом. Биологическая же связь, выражающаяся в тождестве морфо-физиологической организации особей вида homo sapiens, составляет лишь *предпосылку* (хотя и абсолютно необходимую, и даже *ближайшую*), лишь условие человеческого, «родового», в человеке.

Марксистский материалистический подход к психической деятельности состоит в понимании того, что она определяется в своем течении не структурой мозга, а системой социальных отношений человека к человеку, опосредованных через созданные и создаваемые человеком для человека вещи внешнего мира.

Поскольку человек, писал К. Маркс, «родится без зеркала в руках и не фихтеанским философом: «Я есмь я», то человек сначала смотрится, как в зеркало, в другого человека. Лишь отнесясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к самому себе как к человеку. Вместе с тем и Павел как таковой, во всей его павловской телесности становится для него формой проявления рода «человек»[2]. Через процесс взаимодействия с другими людьми формируются не только качества личности, но и ее самосознание.

---

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 62.

В соответствии с марксистской концепцией, масштаб личности отдельного человека измеряется только масштабом тех реальных задач, в ходе решения которых она формируется, «разворачиваясь» в делах, волнующих и интересующих не только собственную персону, а и многих других людей. Чем шире круг этих людей, тем значительнее личность.

Сформулированная в философии марксизма концепция личности была детализирована в марксистской психологии в работах А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, Л.С. Выготского.

Один из основателей *символического интеракционизма*, известный американский психолог и социолог Ч. Кули поставил перед собой задачу исследовать процесс постепенного понимания личностью отличия своего «Я» от других личностей. В результате многочисленных исследований он определил, что становление образа собственного «Я» происходит в ходе длительного и противоречивого процесса и не может осуществляться без участия других людей, т. е. без социального окружения. Каждый человек, по предположению Ч. Кули, строит свое «Я», основываясь на воспринятых им реакциях людей, с которыми он вступает в контакт. Например, девушке ее родители и знакомые говорят, что она хороша собой и прекрасно выглядит. Если эти утверждения повторяются достаточно часто, более или менее постоянно и разными людьми, то девушка, в конечном счете, ощущает себя хорошенькой и действует как красивое создание. А.И. Куприн в рассказе «Синяя звезда» прекрасно описал такую ситуацию, когда девушка, считавшаяся самой уродливой в своей стране, стала считаться первой красавицей после переезда в другую страну.

Такие рассуждения привели Ч. Кули к мысли о том, что личностный «Я — образ» не рождается только в связи с объективными фактами. Именно через отношения с другими, через их оценки каждый человек устанавливает, умный он или глупый, привлекательный или некрасивый, достойный или никчемный.

Это человеческое «Я», открывающееся через реакции других, получило у Чарльза Кули название «зеркальное Я». Ч. Кули определил три стадии в построении зеркального «Я»: 1) наше восприятие того, как мы смотрим на других; 2) наше восприятие их мнения по поводу того, как мы смотрим; 3) наши чувства по поводу этого мнения.. Маленький ребенок, первые артистические усилия которого критикуются, скоро будет думать, что артистический талант у него отсутствует, в то время как ребенок, чей артистический талант постоянно поддерживается родителями, может поверить в свои способности в этой области. Когда ребенок подрастет, уже

другие личности начнут высказывать свои мнения, обнаруживать свои реакции, которые будут отличаться от мнения родителей. В результате может измениться восприятие человеком своих способностей.

Развиваясь, личность становится не только более строгой при выборе группы индивидов, выполняющих роль социального зеркала, но и осуществляет отбор образов, оказывающих на нее влияние. Человек всегда оказывает больше внимания одним мнениям и меньше другим, он может даже вообще игнорировать некоторые мнения и реакции по поводу своего поведения. При этом существует возможность неправильного истолкования мнений, или искаженного зеркала. Зеркальное «Я», формирующее личность, вследствие таких искажений никогда полностью не соответствует действительному положению вещей.

Определяя возможность формирования личности, «Я — образа» на основании зеркального «Я», Ч. Кули тем не менее не учитывал активности личности. В соответствии с его учением личность развивается только благодаря мнениям других, а ее активность может проявляться лишь в избирательном отношении к этим мнениям. Кроме того, им не установлен механизм восприятия личностью оценок, сделанных другими индивидами, не показано, как осуществляется социализация индивида в группе.

Профессор Чикагского университета, философ, социолог и социальный психолог Дж.Г. Мид разработал *концепцию «обобщенного другого»*, в известной степени дополняющую и развивающую теорию «зеркального Я». В соответствии с концепцией Дж.Г. Мида, «обобщенный другой» представляет собой всеобщие ценности и стандарты поведения некоторой группы, которые формируют у членов этой группы индивидуальный «Я — образ». Индивид в процессе общения как бы встает на место других индивидов и видит себя другой личностью. Он оценивает свои действия и наружность в соответствии с представляемыми оценками его «обобщенного другого».

Это осознание «обобщенного другого» развивается через процессы «принятия роли» и «исполнения роли». Принятие роли — это попытка принять на себя поведение личности в другой ситуации или в другой роли (концепция социальной роли рассматривается в следующей главе). Участники детских игр принимают на себя различные роли, например, при игре в дом (ты будешь мамой, ты — папой, ты — ребенком). Исполнение роли — это действия, связанные с действительным ролевым поведением, в то время как принятие роли только претендует на игру[3].

---

[3] *Mead G.* Mind, self and society. Chicago. 1934. P. 140–141.

Дж.Г. Мид различал три стадии процесса обучения ребенка исполнению взрослых ролей. Первая — подготовительная стадия (в возрасте от 1 до 3 лет) — то время, в течение которого ребенок имитирует поведение взрослых без какого-либо понимания (например, девочка наказывает куклу). Вторая стадия, называемая игровой (3–4 года), наступает тогда, когда дети начинают понимать поведение тех, кого они изображают, но исполнение роли еще неустойчиво. В какой-то момент мальчик изображает из себя строителя и укладывает игрушечные блоки один на другой, однако минутой позже он начинает бомбардировать свои постройки, затем становится милиционером, после чего — космонавтом. Третья, заключительная стадия (в 4 года и старше), в которой ролевое поведение становится собранным и целенаправленным и проявляется способность ощущать роли других актеров.

В ходе подобного процесса индивид, проходя последовательно все стадии вхождения в другие роли, развивает способность видеть свое собственное поведение во взаимосвязи с другими индивидами и ощущать на себе их реакции. Через осознание других ролей, а также чувств и ценностей других, в сознании личности формируется «обобщенный другой». Повторяя принимаемую роль «обобщенного другого», индивид формирует свою концепцию «Я». Недостаточная способность адаптироваться к другой точке зрения, принимать на себя роли других индивидов может отрицательно сказываться на развитии личности. Так, у некоторых групп молодежи с заметными признаками отклоняющегося поведения, замкнутых в пределах своей группы, зарегистрировано неумение принимать другие роли, а следовательно, видеть себя в глазах других, что отрицательно сказывается на развитии и умственных способностях личности[4].

Американский ученый-социолог А. Хейлер в дополнение к теории Дж.Г. Мида разработал *концепцию «значимого другого»*. «Значимый другой» это та личность, одобрения которой данный индивид добивается и указания которой он принимает. Такие личности оказывают наибольшее влияние на установки индивидов и формирование их собственного «Я». В качестве «значимых других» могут выступать родители, замечательные учителя, наставники, некоторые участники детских игр и, возможно, популярные личности. Индивид стремится принять их роли, подражать им и таким образом осуществлять процесс социализации через «значимого другого»[5].

---

[4] *Meed G.* Mind, self and society. Chicago, 1934. P. 187–192.

[5] *Hailer A.* Significant other // Amer. Sociol. Rev. 1953. № 2.

Сходную точку зрения на процесс формирования личности выражают и представители теории референтных групп (А. Стросс, Т. Шибутани).

Общая мысль о том, что личность есть результат научения человека правилам жизни и поведения в обществе («социальное состояние» человека), поддерживается и *необихевиоризмом*, который трактует ее как простую совокупность социально приемлемых ответов на совокупность социальных стимулов.

В *теориях установки* личность рассматривалась как результат тех подчас неосознанных установок, которые формирует общество самим фактом постоянного повседневного воздействия («давления») на индивида. Накапливая разнообразные установки, человек «привыкает» быть личностью.

Разновидностью теории установки является *концепция диспозиционной регуляции поведения*, сформулированная известным российским социологом В.Д. Ядовым. Она опирается на разработки западных социологов и психологов, а также на результаты исследований в области установок школы Д.Н. Узнадзе. Следует отметить, что для В.А. Ядова ключевым понятием выступает «диспозиция», или установка, в самом широком ее смысле.

Под установкой понимается предрасположенность к действию как некое состояние психики индивида, а «диспозицией» В.Д. Ядов называет предрасположенность человека к восприятию социальной ситуации, условий деятельности и к определенному поведению в этих условиях.

Важно отметить два принципиальных исходных положения концепции. Первое заключается и том, что диспозиции формируются на пересечении социальных условий деятельности и многообразных потребностей личности. Второе состоит в том, что диспозиции в структуре личности иерархически организованы, т. е. имеют низший и высший уровни.

В.А. Ядов выделяет четыре уровня диспозиций. К низшему уровню относятся элементарные установки, формирующиеся на основе витальных потребностей в простейшие ситуациях. Второй уровень диспозиционной структуры личности образуют «социальные фиксированные установки». Формирующими ее факторами являются, с одной стороны, социальные потребности, связанные с включением индивида в первичные и другие контактные группы (семья, первичный трудовой коллектив), а с другой — соответствующие социальные условия. Это уже есть социальная установка (аттитюд) в полном смысле слова, обладающая (как и ценностная ориентация) компонентами — эмоциональным (оценочным), когнитивным и поведенческим. Третий диспозиционный уровень образуют

базовые социальные установки (они обусловлены общей направленностью интересов личности в различных областях деятельности — профессиональной, политической, досуговой, семейной и др.). Четвертый, высший диспозиционный уровень, образует система ценностных ориентаций, связанных с высшими целями жизнедеятельности индивида, его самыми существенными потребностями. По этой причине данный уровень диспозиций играет решающую роль в регулировании поведения человека, координирует все конкретные поступки и действия.

Как подчеркивает В.А. Ядов, важнейшая функция диспозиционной системы — психическая регуляция социального поведения личности. Автор концепции исходит из предположения о возможности выделения нескольких иерархически расположенных уровней поведения: от простейших поведенческих актов, представляющих собой простую реакцию на быстро меняющиеся условия среды, до более сложных, к числу которых он относит деятельность, связанную с реализацией более высокого уровня потребностей. В каждой конкретной ситуации может доминировать то или иное диспозиционное образование.

Диспозиционная концепция раскрывает, правда в самых общих чертах, субъективно-личностные аспекты включения индивида в качественно различные социальные сферы и типы социальных систем.

Наибольшее признание в социологии получила *статусно-ролевая концепция личности,* предложенная Р. Линтоном в 1936 г. Понятие социальной роли широко использовалось в социальной антропологии (Малиновский, Радклифф-Браун), теории малых групп (Томас, Знанецкий, Кули), в социальной психологии (Шибутани, Зандер), в социометрии и концепции «социодрамы» Морено, в теориях социализации Фрейда и Парсонса. Сегодня статусно-ролевая концепция личности широко распространена среди социологов. Перейдем к ее более подробному изложению.

2. Статусно-ролевая концепция личности

Развитие личности всегда происходит в определенном социальном пространстве. Личность в процессе становления вступает в различные взаимоотношения с другими индивидами, группами, социальными общностями, институтами. **Социальное пространство** личности — совокупность социальных отношений, контактов и социальных ролей индивида в различных социальных системах в какой-то период времени. Объем социального пространства отдельного

человека зависит от его возраста, статуса, интенсивности социальных контактов, количества освоенных им социальных ролей и т. д. С самого рождения человек попадает в исторически, географически, экономически и т. д. определенные общественные отношения, которые влияют на формирование его сознания. Нужно заметить, что в характеристике социального пространства существенную роль играет и географическое положение рассматриваемого объекта (государства, нации, общности, рода, племени). Важную роль в определении социального пространства играет также экономическое состояние общества в данный исторический период. Нельзя не учитывать и состояние нравов, культуры. Все это социальное многообразие в становлении личности проявляется сугубо конкретно, хотя и отражает общую тенденцию развития.

Чем более развивается личность, тем больше она оказывает обратное влияние на окружающее ее социальное пространство. Личность сама все более выступает как часть этого пространства, преобразующая его. Индивид приобретает в социальном пространстве определенный социальный статус, который дает ему возможность соотносить собственную позицию с позицией окружающих его людей (групп, иных социальных общностей).

Каждый человек внешне может выступать в разных измерениях, отражая различные общественные отношения в структуре общества. Но всякий раз он предстает в определенном качестве, иными словами, в каждом конкретном отношении имеет определенный *социальный статус* и играет определенную *социальную роль*, которые характеризуют его отношения с другими индивидами (содержание этих понятий будет раскрыто ниже).

В системе социальных связей основополагающую роль играют не личные, а социальные качества человека. Человек интересен для общества, в первую очередь, как персонифицированный элемент социальной структуры, отражающий общественные отношения и влияющий на них, способный выполнять социальные функции.

Социальный статус — ранг или позиция индивида в группе или группы (общности) во взаимоотношениях с другими общностями. Социальный статус обозначает конкретное место, которое занимает индивид в данной социальной системе.

Согласно социальному статусу человек обязан выполнять определенные требования, которые влекут за собой определенные действия. Общество, приписывая индивиду его социальный статус, тем самым признает общественную значимость его деятельности.

Принято различать *«статус предписываемый»* и *«статус достигаемый»*. Предписываемый статус индивид получает извне, в силу

объективных обстоятельств, независимо от его личных усилий и желаний, достигаемый статус — в результате собственных целенаправленных усилий. Большую часть предписанных статусов индивид получает при рождении (расовая, этническая принадлежность, пол, социальное происхождение и др.), остальные — на различных этапах своего жизненного цикла (молодой человек, пожилой человек, бабушка, дедушка и т. п.).

В традиционном, доиндустриальном обществе большинство статусов относилось к категории предписанных. От рождения индивиду предписывалось не только социальное происхождение, но и социальное положение (например, определенная сословная принадлежность), которое определяло всю его последующую жизнь. В современном обществе преобладает ориентация на статус достигаемый (приобретаемый), который человек получает с помощью самосовершенствования (студент, курсант, строитель, юрист и т. п.).

Согласно статусно-ролевой концепции, каждый человек одновременно имеет несколько статусов, которые, однако, не равнозначны. Например, гражданин М. имеет статус сына, друга, зятя, брата, слушателя, пловца и т. п. Все эти статусы могут выступать и как главные, и как второстепенные, быть формальными и неформальными. Дома главным статусом является статус сына и соответствующее ожидаемое ролевое поведение. В вузе статус сына становится второстепенным, а главным — статус студента. Если поведение М. не соответствует данному статусу и им не выполняются соответствующие данному статусу ролевые обязательства, это приводит к негативным санкциям. Человек, имеющий определенный статус, но не соответствующий ему по своим индивидуальным и профессиональным качествам, имеет его лишь формально. Например, если руководителем большого ранга поставить вчерашнего выпускника вуза или человека, прошедшего всю статусно-ролевую иерархическую лестницу, то реально руководить сможет лишь второй. Получить статус и соответствовать ему — не одно и то же.

Совокупность действий, совершаемых индивидом согласно его статусу, составляет существо понятия «социальная роль». Социальная роль — поведение, ожидаемое от индивида, обладающего определенным социальным статусом. Совокупность ролей, вытекающих из данного статуса (например, статуса отца, преподавателя), называется ролевым набором.

Т. Парсонс выделяет 5 основных черт любой социальной роли:

1. *Эмоциональность* — одни роли требуют эмоциональной сдержанности, другие — раскованности.

2. *Способ получения* — одни предписываются, другие завоевываются.

3. *Масштаб* — часть ролей сформулирована и строго ограничена, другая — размыта.

4. *Формализация* — действие в строго установленных правилах либо произвольно.

5. *Мотивация* — на личную прибыль, на общее благо и т. д.

Люди, вступая в социальные связи друг с другом, группами, общностями, как правило, ожидают от людей, занимающих определенный социальный статус, определенного ролевого поведения. Как правило, ожидаемое и действительное в жизни не совпадают, поэтому социологи выделяют два аспекта в процессе реализации социальной роли: *«ролевое ожидание»* и *«ролевое исполнение»*. Если эти два аспекта расходятся очень значительно, то индивид, занимающий статус и не исполняющий ожидаемой от него роли, как правило, приходит в противоречие с теми социальными структурами общества, для которых исполнение данной роли социально значимо.

Необходимость соответствия социального статуса и социальной роли индивида зафиксирована в нормативной структуре социальной роли, которая именуется *«ролевым требованием»* и включает в себя четыре элемента:

1) описание типа поведения, соответствующего типу данной роли;

2) предписания (требования), связанные с данным поведением;

3) оценка выполнения предписанной роли;

4) санкции — социальные последствия того или иного действия в рамках требований социальной системы.

Социальные санкции по своему характеру могут быть моральными, реализуемыми непосредственно социальной группой через ее поведение (например, одобрение или презрение), или юридическими, политическими и т. д., реализуемыми через деятельность конкретных социальных институтов, в том числе, правоохранительных органов. Смысл социальных санкций состоит в том, чтобы побудить человека к определенному типу поведения.

В своей жизни человек иногда играет одновременно несколько социальных ролей, требования которых часто бывает трудно совместить. В таком случае речь идет о *ролевом конфликте*. Можно выделить несколько основных типов ролевых конфликтов.

1. Внутриролевой конфликт между функциональной целесообразностью ролевых предписаний и социокультурными ролевыми ожиданиями. Ярким примером этого внутриролевого конфликта является тот, в атмосфере которого выросли все поколения отечественных обществоведов последних 70 лет. Для всякой науки

функционально целесообразно, чтобы люди, занятые в ней, занимали рационально-критическую позицию по отношению к действительности. Но в условиях тоталитаризма от обществоведов ожидалось, — это стало социокультурным образцом и безусловным требованием, которое строго контролировалось, — оправдание существующего положения вещей, одобрение и пропаганда результатов деятельности политической элиты, что накладывало определенный отпечаток на весь облик обществоведа. Конфликт между функциональной целесообразностью и социокультурными образцами социальной роли может быть решен по-разному. В нашем случае социокультурные ценности, требования, поддерживаемые извне всей мощью государственной машины, взяли верх безусловно. В результате, за малым исключением, общественная наука как средство рационально-критического познания социальной жизни в советский период нашей истории фактически была сведена на нет.

2. Конфликт, вызванный различиями в трактовке социальной роли личностью и окружающими (обществом). Он может быть вызван сменой социокультурной среды личности. Даже смена кафедры преподавателем в границах одного и того же города может вызвать определенные жизненные трудности, ощущение «чужака» и т. д. Глубинные конфликты возникают по вопросам более масштабным, когда речь идет об осознанном неприятии личностью тех или иных стандартов поведения, поддерживаемых обществом, государством. Здесь ярким примером может служить личность ученого, гражданина и демократа А.Д. Сахарова.

3. Конфликт, вызванный тем, что различные субъекты предъявляют неодинаковые, подчас противоположные требования к выполнению личностью одной и той же роли. Нередко от женщины-работницы начальник ждет высокой самоотдачи на работе, а муж, дети — низкой самоотдачи на работе с тем, чтобы она могла отдавать больше сил семье.

4. Конфликт в результате различной оценки значимости той или иной роли различными субъектами (может быть проиллюстрирован тем же примером, что и в п. 3).

5. Традиционным для социологии является анализ конфликта между ролями. Очень часто возникает несоответствие между ролью «заботливого отца, хорошего семьянина» и «влюбленного в свое дело ученого, самоотверженного исследователя». Укажем, что и та, и другая роль «выпестованы» обществом, столкновение произошло по причине противоречий между самими стандартами, но они не возникли до тех пор, пока не пересеклись в конкретной личности. Ориентация на две противоречащих друг другу социальных роли

ведет к внутренней борьбе личности, ее раздвоению и т. д. Конкретно это разделение может проявляться по-разному: наш ученый стремится больше заниматься детьми, а реально не уделяет им должного внимания из-за занятости научными исследованиями. В этом случае конфликт ролей проявляется как противоречие между намерениями (а может быть и заявлениями, словами) и реальным поведением. Межролевой конфликт может проявиться и в непоследовательности поведения личности. В одном случае, когда наш герой не занят наукой, он — заботливый отец. А в других — этот же человек может удивить своим безразличием и бессердечием в отношении к своему ребенку.

Ролевой конфликт создает у человека стрессовую ситуацию, преодоление которой нередко приводит к нарушениям общепринятых моральных норм и ценностей. Такое поведение в социологии называют девиантным (отклоняющимся).

3. Социализация личности: факторы, механизм, этапы

Социализация — процесс взаимодействия индивида с социальной средой, в ходе которого происходит усвоение им господствующих в обществе, группе (общности) социальных ролей, ценностей, норм, правил и образцов поведения. В процессе социализации человек взаимодействует со всеми структурными элементами общества: семьей, коллективом на работе, друзьями, знакомыми и т. п. Социализация охватывает все процессы приобщения к культуре, науке, коммуникации, с помощью которых человек приобретает свою социальную природу, становится личностью. Некоторые из этих факторов действуют в течение всей жизни, создавая и изменяя установки индивида, другие — лишь на определенных стадиях.

Понятие социализации употребляется, главным образом, в социологии и социальной психологии. Ученые выделяют следующие основные этапы социализации: детство, юность, зрелость и старость. Каждая из стадий имеет свою специфику, но наибольший интерес всегда вызывала стадия детства, так как именно в детском возрасте усваивается 90% используемой человеком в жизни информации. В этот период наибольшую роль в развитии человека играет семья, в силу того, что она является первым в жизни человека социализирующим агентом и характеризуется наибольшей интенсивностью эмоциональных связей.

Д. Смелзер выделяет три стадии в процессе социализации личности:

1. Стадия подражания и копирования детьми поведения взрослых.

2. Игровая стадия, когда дети осознают поведение как исполнение роли.

3. Стадия групповых игр, на которой дети учатся понимать, что от них ждет целая группа людей.

Психолог Ж. Пиаже делает акцент на познавательном аспекте социализации личности и выделяет следующие ее стадии:

1. Сенсорно-моторная (от рождения до 2 лет).
2. Операциональная (от 2 до 7).
3. Стадия конкретных операций (с 7 до 11).
4. Стадия формальных операций (с 12 до 15).

3. Фрейд исследовал психологические механизмы социализации: имитацию, идентификацию, чувство стыда и вины. Под имитацией понимается осознанная попытка ребенка копировать определенную модель поведения. Образцами для подражания обычно выступают родители, родственники, знакомые, друзья и т. д. Под идентификацией понимается способ осознания индивидом своей принадлежности к той или иной общности (группе). Через идентификацию дети воспринимают нормы поведения, ценности, поступки родителей как свои собственные. Имитация и идентификация позволяют ребенку включиться в окружающие его социальные связи, поэтому их принято считать позитивными механизмами.

Стыд и вина представляют собой негативные механизмы социализации, поскольку они подавляют или запрещают некоторые образцы поведения. Стыд связан с осознанием негативной оценки своего поведения со стороны окружающих, а вина — с негативной самооценкой.

Т. Парсонс и С. Бейлз вслед за Фрейдом определяют понятие имитации как процесс, с помощью которого усваиваются специфические элементы культуры, особые знания, умения, обряды и т. д. Идентификация — это внутреннее освоение, принятие ценностей людьми. Степень идентификации определяется характером привязанности к «другому». Поскольку наиболее сильные привязанности — в семье, постольку семья является основным фактором социализации.

Важную роль в процессе социализации играет *система знаков*. Взяв за основу идеи К. Маркса о языке и сознании, Л.С. Выготский показал, что знаки (слова, жесты и т. д.) являются средством организации и трансляции совместной деятельности людей, как и в орудиях труда, здесь «закодированы» определенные способы социальных действий людей. Посредством знаков социальная общность управляет деятельностью индивидов. Для того, чтобы индивид мог участвовать в социальной деятельности, он должен усвоить

принятые в данной социальной общности (группе) знаки и способы их употребления.

Процесс социализации личности не завершается в детстве, а продолжается в юности, зрелом возрасте, и даже в старости. Каждая из этих стадий имеет свои особенности и проблемы.

На этапе юности резко возрастает число социальных связей личности с обществом, увеличивается число социальных групп, в которые она входит, и индивид объективно ставится перед необходимостью выбора той или иной формы поведения, предпочтения той или иной системы групповых норм и ценностей (семьи, школьного коллектива, компании сверстников и т. п.). Вместе с тем, отсутствие достаточного жизненного опыта не всегда позволяет индивиду сделать такой выбор правильно, с наименьшими издержками для себя самого и окружающих. Отсюда известный юношеский максимализм, вызывающее поведение, повышенный, в сравнении с другими возрастными группами, процент правонарушений.

Стадия зрелости наступает, когда личность овладевает определенным набором социальных статусов и ролей, необходимых для самостоятельного выполнения необходимых обществу функций. Наступление зрелости не связано с жесткими возрастными границами. Различные статусы (виды социальной деятельности, профессии) требуют различного времени для своего полного освоения, поэтому достичь социальной зрелости можно и в 18, и в 35—40 лет. Принято считать, что социальная зрелость начинается с момента, когда индивид самостоятельно строит свой образ жизни, обеспечивает себя средствами существования, проживает (или имеет возможность проживать) независимо от родителей, участвует в политической жизни и несет полную ответственность перед законом.

Старость как особый этап социализации личности связана, как правило, с резким ослаблением физических и психических возможностей индивида, сокращением социальных связей, понижением социального статуса. Эти перемены воспринимаются большинством людей очень болезненно, а у некоторых вызывают чувство социальной ущербности. Основная проблема старости — приспособление к новому социальному статусу — исследована мало, несмотря на то, что так или иначе затрагивает всех членов общества.

Социализация личности включает в себя две фазы: социальную адаптацию и интериоризацию.

Социальная адаптация подразумевает формальное внешнее приспособление индивида к новым социально-экономическим условиям, к ролевым функциям, этическим нормам, культурным традициям и т. п. На фазе **интериоризации** происходит процесс

включения социальных норм и культурных ценностей во внутренний мир индивида.

В некоторых случаях (в силу различных жизненных обстоятельств) система ценностей, норм, образцов поведения, сложившаяся у индивида в прошлом, приходит в противоречие с действительностью, с требованиями сегодняшнего дня. Подобные ситуации складываются, когда человек эмигрирует в другую страну, попадает на войну или возвращается с нее, попадает в тюрьму или выходит на свободу после длительного тюремного заключения, выходит на пенсию и т. д.

Процесс повторного усвоения индивидом правил и образцов поведения, социальных норм и культурных ценностей, необходимых для успешного функционирования индивида в новых условиях общественной жизни, принято называть **ресоциализацией**.

Процесс ресоциализации более сложен, чем первичная социализация. Он протекает тем легче, чем на более ранней стадии социализации находится индивид. Данную проблему можно проиллюстрировать на примере русской эмиграции. Не все члены семей, выезжающих в западные страны, оказались способны ресоциализироваться в равной степени. Легче всего процесс ресоциализации происходит у детей и юношества. На стадии зрелости ресоциализация затруднена, но возможна. Но вот в старости большинство индивидов с трудом переживают даже стадию адаптации. Конечно, ни о каком процессе ресоциализации речи быть не может. Внутреннее «Я» человека уже не может быть изменено. Социальные работники знают, что иногда простой переезд пожилого человека из одной квартиры в другую сопряжен с большим риском для его психического и физического здоровья.

4. Проблемы адаптации личности к социальным нормам и ролям

Процесс социализации личности очень сложен и противоречив. Жизнь иногда складывается таким образом, что ребенок, а бывает, и взрослый человек, попадает в социально неблагоприятные условия, которые разрушают общепринятые нормы морали, подменяют подлинные идеалы мнимыми кумирами. Особенно проявляется эта опасность сегодня — в век огромного влияния средств массовой информации.

Под влиянием негативных социальных факторов (семья, социальное положение и т. п.) процесс социализации индивида может быть нарушен, результатом чего может стать девиантное (отклоняющееся) поведение индивида. Этим термином чаще всего обозначают различные формы негативного поведения лиц, связанные

с отступлением от норм права и морали. К разряду девиантного поведения относятся не только явные правонарушения, преступность, но также и пьянство, наркомания, самоубийства и т. д., которые, не являясь формально правонарушениями, осуждаются, тем не менее, общественным мнением.

Увеличение случаев отклоняющегося поведения говорит об обострении противоречий между реальным развитием личности и моралью общества. Как правило, эти противоречия обостряются в кризисные периоды общественного развития, когда идет процесс отрицания старых норм и образцов поведения, но новые еще не осознаны и выступают по отношению к старым как их противоположность. В это время основной формой преодоления противоречий является попытка уйти от проблем: мужчины чаще всего «уходят» в пьянство, женщины — в религию, дети спасаются от тяжелой жизни с помощью компьютерных игр, наркотиков, молодежной субкультуры. Срабатывает иллюзорно-компенсаторная функция сохранения человека. Кстати, к таким «наркотикам» — компенсаторам можно условно отнести и огромное количество развлекательных шоу и многочасовых незамысловатых теле- и киносериалов. В век господства СМИ они могут играть как созидательную, так и оглушительно-разрушительную роль в процессе социализации неокрепшего сознания ребенка. На это, к сожалению, пока очень мало обращают внимание, т.к. борются со следствием, а не с причиной.

Но не все социальные отклонения вредны для общества, существуют многочисленные примеры положительных (позитивных) девиаций. Таковые характерны для людей, связанных с определенными видами творчества: художников, музыкантов, конструкторов, ученых, рационализаторов. Их поведение, как правило, также отличается от общепринятых норм. Ярким примером этого является жизнь и деятельность таких выдающихся личностей как Сократ, К. Циолковский, А. Эйнштейн и др. Неординарные личности во многом определяют развитие общества и часто бывают не поняты им при жизни. Правда жизни такова, что новые, прогрессивные идеи первоначально воспринимаются общественным сознанием как ереси, и лишь по прошествии определенного времени становятся нормой. Практика как критерий исторической истины всегда все расставляет по своим местам. Гений признается гением, а злодей — злодеем.

И все же большинство социологов справедливо уделяют большее внимание отклонениям социально негативным.

В сложном, постоянно изменяющемся обществе, где нет единой и неизменной системы норм, многие нормы и культурные

ценности разных субкультур противоречат друг другу. Неизбежно происходят конфликты культурных и ценностных ориентиров. Наличие в повседневной практике большого числа конфликтующих норм, в связи с этим — неопределенность возможного выбора линии поведения, может привести к явлению, названному Э. Дюркгеймом **аномией** — состоянию отсутствия общепринятых норм. Аномия, по мнению Э. Дюркгейма, не означает формального отсутствия норм, но их так много, что отдельному человеку трудно им следовать, и он впадает в состояние, при котором теряется чувство принадлежности к какой-либо нормативно-правовой линии поведения. Т. Парсонс отмечает, что обычной реакцией на подобное состояние является ненадежность и непредсказуемость поведения индивида.

Р. Мертон приходит к выводу, что аномия появляется не от свободы выбора, а от невозможности многих индивидов следовать нормам, которые им предлагает общество. Главной причиной аномии он считает противоречие между культурными целями, провозглашенными государством и легальными средствами, с помощью которых эти цели могут быть достигнуты. Большинство людей пытаются добиться благих целей с помощью таланта, способностей и других легальных средств. Невозможность достижения жизненных целей официально признанными средствами обрекает часть общества на пассивность и апатию, а другую часть толкает к хитрости, обману, подлогу и другим неодобряемым и противоправным методам достижения своих целей.

Р. Мертон разработал типологию индивидуальной адаптации людей, живущих в условиях социальной аномии. В зависимости от способа разрешения противоречия между жизненными целями, которые общество предлагает индивиду, и официально санкционированными средствами их достижения Р. Мертон выделил следующие типы поведения:

1. **Конформист** — лояльно принимает и цели и институциональные средства, одобряемые в обществе.

2. **Новатор** — принимает цели, одобряемые обществом, но достигнуть их пытается неинституциональными средствами (включая незаконные и криминальные).

3. **Ритуалист** — формально использует институциональные средства, не учитывая, что они не соответствуют целям, имеющим общественную поддержку (идеальный тип бюрократа, формально выполняющий инструкции, но не понятно, ради каких целей).

4. **Ретреатист (изолированный тип)** — не принимает ни целей, ни средств, одобряемых обществом. Таких людей называют бегущими от действительности (алкоголики, наркоманы и т. п.).

5. **Мятежник (бунтарь)** — пытается создать новую систему ценностей и достичь целей новыми средствами. Именно к этой категории можно отнести гениев, революционеров и сумасшедших.

Важно заметить, что Р. Мертон никогда не абсолютизировал различие данных типов. Можно говорить лишь о доминировании какого-либо типа поведения человека в процессе достижения им значимых для него результатов.

Чтобы четко сформулировать и обозначить принципы отклоняющегося поведения, необходимо рассмотреть понятие «норма». Сложность заключается в многозначности самого термина «норма». Это — и усредненное значение чего-либо, и наиболее распространенный, среднестатистический вариант и т. п.

Для нас важно определение нормы как планки предела, меры допустимого поведения человека в обществе. Данное понимание не сводится только к законодательному запрету на определенные действия индивидов, но и включает в себя общественную меру терпимости к определенным поступкам.

Если нормы права распространяются на всех лиц без исключения, то общественные нормы могут быть приняты в рамках определенных социальных групп. Социологию больше интересует всеобщие нормы поведения людей, так как с ними, в конечном счете, соотносятся групповые нормы.

Законы, нормы поведения в обществе не могут быть неизменными, так как общество находится в постоянном развитии, и люди, отражающие в своей деятельности развитие общества, не могут не отклоняться от установленных норм и правил поведения. Весь вопрос в том, каковы эти отклонения: на пользу они обществу в целом или во вред. Если бы не было отклоняющегося поведения, человеческое общество прекратило бы свое развитие. «Общества» муравьев, пчел, бобров и т. п. тем и отличаются от человеческого общества, что живут в пределах простого воспроизводства себе подобных. Человек, опираясь на существующие нормы, планирует новые отношения, для которых данные нормы будут тесными. Одна из основных функций общества — поощрять позитивно-отклоняющиеся действия его членов и пресекать действия, направленные на разрушение общественных отношений.

Механизм возникновения и развития отклоняющегося поведения тесно связан с основным источником развития общества — социальными противоречиями. Устранить противоречия общественного развития, а тем более полностью убрать только отрицательную, «дурную» сторону невозможно. Мирный атом в руках военных может обернуться большой бедой. Любое открытие человеческого разума может применяться с пользой или во вред.

Мы не можем отказаться от развития науки. Но мы можем, познав сущность исторического процесса, определиться с нравственными нормами. Именно общество устанавливает критерии девиантного (отклоняющегося) поведения и определяет меры социального контроля.

Под социальным контролем в широком социологическом смысле понимается вся совокупность средств и методов воздействия общества на нежелательные (отклоняющиеся) формы поведения с целью их предотвращения (устранения) или минимизации. Основными механизмами социального контроля являются:

1) внешний контроль, осуществляемый со стороны специально созданных для этого социальных институтов, к числу которых принадлежит и институт охраны правопорядка;

2) внутренний контроль, обеспечиваемый интернализацией социальных норм и ценностей;

3) косвенный контроль, обусловленный идентификацией с референтной законопослушной группой;

4) «контроль», основанный на широкой доступности разнообразных способов достижения целей и удовлетворения потребностей, альтернативных противоправным или аморальным.

Социальный контроль имеет свою стратегию, которую в самом общем виде можно определить следующим образом:

- замещение, вытеснение наиболее опасных форм социальной патологии общественно полезными или нейтральными;
- направление социальной активности в общественно-одобряемое либо нейтральное русло;
- легализация (как отказ от уголовного или административного преследования) «преступлений без жертв» (гомосексуализм, проституция, бродяжничество, потребление алкоголя);
- создание организаций (служб) социальной помощи, в том числе суицидологической, наркологической;
- реадаптация и ресоциализация лиц, оказавшихся вне общественных структур.

Социологи отмечают, что значение норм и правил в жизни общества неуклонно возрастает, но одновременно с этим наблюдается тенденция к ослаблению нормативного регулирования поведения человека в личной жизни. Это не означает исчезновения самих норм, регулирующих личную жизнь людей, но уровень требований к обязательности их выполнения постепенно снижается, — люди становятся более терпимыми друг к другу.

ГЛАВА VI

СЕМЬЯ КАК ЭЛЕМЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОБЩЕСТВА

1. Понятия «семья» и «брак» в социологии

Семья и брак принадлежат к числу таких явлений, интерес к которым всегда носит устойчивый и массовый характер. Как первичная форма общности людей семья непосредственно сочетает в себе индивидуальное и коллективное начала. В этом смысле она является звеном, связующим не только биологическую и социальную, но также индивидуальную и общественную жизнь людей, служит для них первым источником социальных идеалов и критериев поведения. При этом семья не только передает, но и создает такие духовные ценности, как супружеская и родительская любовь, уважение и любовь детей к родителям, семейная солидарность. Вот почему семья является одним из ключевых понятий в гуманитарной области знания.

От здоровья семьи зависит здоровье любой нации. Семья выступает как индикатор в случае нарушения баланса между общественными и частными интересами. Отношение общества к семье, соотношение ее интересов с интересами иных социальных институтов, взаимодействие семьи и личности всегда находились под пристальным вниманием исследователей. Посредническая роль семьи ставит необходимость изучения ее современного состояния в ряд первоочередных исследовательских задач.

Семья — очень сложное, многослойное социальное образование, пронизывающее все стороны социальной структуры общества. Поэтому, какой бы стороны социальной жизни общества мы ни касались (социологии воспитания, образования, политики, права, труда или культуры), мы обязательно затрагиваем и интересы семьи. Без анализа института семьи мы не сможем провести ни одно

фундаментальное социологическое исследование в области социального контроля и социальной дезинтеграции, социальной мобильности, миграции и демографических изменений.

Понятия «семья» и «брак» в социологии очень тесно связаны между собой и переплетены, но не тождественны. **Брак** рассматривается в социологии как социальный институт, регулирующий отношения между полами (супругами), а **семья** — как первичная социальная группа, которая может быть основана как на браке, так и на кровном родстве или на браке и родстве одновременно. Брак всегда остается только социальным институтом, а семья сочетает в себе черты социального института и социальной группы. Будучи основана на браке, семья принимает на себя его социальную функцию (регулирование отношений между супругами). Если же семья не является супружеской, а основана только на родстве (кровнородственная семья), то она ограничивается выполнением своих собственных социальных функций, связанных с воспроизводством новых поколений людей.

Брак — это исторически обусловленная, санкционированная и регулируемая обществом форма отношений между мужчиной и женщиной, устанавливающая их права и обязанности по отношению друг к другу, к детям и обществу. Характер брачных отношений в значительной мере влияет на количественные и качественные показатели воспроизводства населения, физическое и духовное состояние новых поколений. В браке упорядочивается и реализуется естественная потребность людей в продолжении рода, преобразованная социальными условиями и культурой. Санкционируя брак, общество берет на себя определенные обязательства по его охране и налагает на людей, вступивших в брак, ответственность за материальное обеспечение и воспитание детей, а следовательно, за будущее семьи.

Родство — это совокупность людей, связанных общими предками. Наряду с кровным родством существует социальный институт «приемного родства», связанный с усыновлением и удочерением. В традиционном обществе родство — основная форма социальной организации. В современном обществе оно перестало быть таковой, а семья не только выделилась из системы родства, но и все больше изолируется от нее. Большинство современников не знают по имени своих дальних родственников (троюродных братьев, тетушек и т. д.).

Структура родства обычно изображается в виде «фамильного дерева». Ближайших родственников может быть только семь: мать, отец, брат, сестра, супруг, дочь, сын. Дальние родственники делятся

на двоюродных и троюродных. Двоюродных родственников может быть не более 33. Они ранжируются по степени родства начиная от тещи и заканчивая племянником. Если у вашего отца есть троюродные родственники, то фамильное дерево насчитывает от 151 до 191 человека. Каждая «ветвь» такого дерева называется позицией родства или родственным статусом. Если учесть, что в определенной позиции или статусе может быть несколько человек (например, троюродные братья и т. п.), то фамильное дерево, включающее близких, двоюродных и троюродных родственников, может состоять из многих сотен людей.

В отличие от семьи, родство не является реальной социальной общностью, т. е. совокупностью индивидов, проживающих вместе и ведущих совместное хозяйство. Родственники могут жить в разных регионах, не вступать друг с другом в постоянное взаимодействие, а иногда и не знать о существовании друг друга. Современные родственные отношения характеризуются высокой степенью отчуждения, тогда как в первобытном обществе родственники составляли постоянно взаимодействующий, компактно проживающий коллектив людей.

В современной социологической науке семья изучается в двух аспектах. Во-первых, как социальный институт. Во-вторых, как первичная малая группа. На макроуровне, в качестве социального института, семья представляет собой конкретно-историческую систему взаимоотношений между противоположными полами и их детьми, проявляющихся через определенную общезначимую систему функций. На микроуровне семья выступает как малая группа, члены которой связаны брачными или родственными отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответственностью[1].

Рассматривая вопрос о функциях семьи, важно подчеркнуть их объективный характер. Человечество своей вековой историей развития постепенно оставило семье лишь те функции, которые обеспечивали возможность самовоспроизводства человека, самореализации его индивидуальных, психофизиологических и личностных качеств. Авторы социологических исследований функций семьи обычно разделяют их на специфические и неспецифические.

Специфические функции семьи:

- репродуктивная (производство детей и воспроизводство самого человека);
- функция социализации (воспитание детей).

---

[1] См.: *Любимова А. Б.* Статус семьи: проблемы эволюции: социально-философский аспект. Н. Новгород, 1998.

Названные функции остаются неизменными, пока существует институт семьи. Может измениться характер взаимоотношений семьи и личности, семьи и общества, семьи и различных социальных индивидов, но пока в обществе существует необходимость в воспроизводстве самого человека, специфические функции семьи не утратят своего значения, несмотря на то, что с усилением роли общественного производства общество сможет все в большей мере оказывать помощь семье в процессе воспитания и социализации подрастающего поколения.

Существующие теории «кризиса» семьи обычно преувеличивают роль биологического фактора в репродуктивном процессе воспроизводства человека. С точки зрения представителей подобных теорий, роль семьи отпадает в связи с огромными перспективами биомедицины. Зачатие в «пробирке» возможно, оно успешно применяется для коррекции некоторых нарушений детородной функции, но из этого вовсе не следует что отпадает необходимость в родительской заботе и воспитании новых поколений. Такой подход сводит понятие семьи лишь к биологическому аспекту. Семья же является социальным институтом и исчезнет лишь тогда, когда появится иной социальный институт, который возьмет на себя ее функции. Платон еще в IV веке до н.э. в своей теории построения идеального государства описывал ситуацию, в которой общество с момента рождения ребенка изымает его у матери и берет на себя все функции по уходу и воспитанию. Довольно удачный опыт воплощения идей общественно-трудового воспитания оставили нам педагоги-новаторы Сухомлинский, Макаренко, Сорока-Росинский и др.

Сегодня мы вступили в третье тысячелетие, но до сих пор роль общества в воспитании подрастающего поколения несоизмеримо мала. Семья выживает, как может, выполняя **неспецифические** для нее **функции**:

- накопление и передача собственности, социального статуса;
- организация производства и потребления;
- ведение домохозяйства;
- налаживание отдыха и досуга;
- забота о здоровье;
- защита от стрессов;
- защита от социальной несправедливости.

Мы можем констатировать тот факт, что и во втором тысячелетии семья не стала для государства объектом первоочередной заботы и внимания, хотя многие социальные институты все более совмещают с семьей и берут на себя функции образования и воспитания (ясли,

детсады, школы), защиты и охраны (милиция, армия), функции питания, одежды, досуга (сфера обслуживания) и т. п.

Кроме взаимодействия с внешними условиями, социальными институтами, организациями, общностями, семья живет и очень активной внутренней жизнью. Семья на протяжении своего существования постепенно видоизменяется, приобретает разные формы, переходит из одного статусного состояния в другое и, наконец, как и все на этом свете, заканчивает свое существование. Процесс возникновения, становления, реализации собственных функций и окончания существования брачно-семейных отношений принято называть *жизненным циклом семьи*.

В современной социологии обычно различают следующие стадии «жизненного цикла семьи».

Первая стадия (стадия бездетности). История официального рождения любой современной семьи всегда начинается с заключения брака (по форме это может быть венчание в церкви, составление брачного контракта или регистрация в загсе). Оформляя так или иначе свой брак, супруги свидетельствуют обществу о серьезности своих намерений. Общество, фиксируя брак между супругами, также берет на себя определенные обязательства. Оно может создавать благоприятные или неблагоприятные условия для дальнейшего развития вновь создаваемых семейных пар, может оказывать влияние на мотивационно-психологические аспекты принятия решений о рождении (или воздержании, отказе от рождения) первенца во вновь создающихся семьях. Идеальные условия для реализации репродуктивной функции семьи создаются в стабильные периоды развития общества. И, наоборот, в кризисные, переходные периоды рождаемость резко падает, положительные социально-психологические мотивы почти полностью сводятся на нет. Общество оказывается не в состоянии создать семье необходимые условия для продолжения рода. Социологи констатируют кризис семьи. В такие периоды число семей, проживших полный жизненный цикл, резко сокращается.

Вторая стадия. Стадия репродуктивного родительства составляет основу, укрепляющую семью. На этой стадии реализуется возможность продолжения рода — появляется первый ребенок. Семья становится полнокровной «ячейкой» общественных отношений. Стадия репродуктивного родительства заканчивается с рождением последнего ребенка. Как правило, это самый полнокровный период жизни семьи, хотя и сопряженный с различного рода лишениями и трудностями.

Третья стадия (берущая начало одновременно со второй) – стадия социализационного родительства. Эта стадия начинает отсчет так же, как и стадия репродуктивного родительства с рождения первенца, но заканчивается не рождением последнего ребенка, а в момент приобретения им самостоятельности, создания собственной семьи и рождения первенца. В этот момент для родительской семьи начинается следующий этап жизненного цикла.

Четвертая стадия. Стадия прародительства берет свое начало в момент появления в отделившейся молодой семье первенца (внука) и заканчивается смертью одного или обоих прародителей, что констатирует распад семьи и завершение ее жизненного цикла.

Еще раз подчеркнем, что приведенная схема жизненного цикла семьи носит идеальный характер и отражает лишь типичные черты реальных межличностных отношений, которые в действительности гораздо разнообразнее, сложнее и многоцветнее. Жизнь семьи, особенно в кризисные периоды (войн и стихийных бедствий), подстерегает масса опасностей (вынужденная разлука, измены и предательства, разводы, болезни, смерть и т. п.). И все же семья была и остается единственным социальным институтом, обеспечивающим воспроизводство населения. Именно поэтому государство, заботящееся о своем будущем, должно в первую очередь создавать благоприятные условия для воспроизводства как можно большего количества семей **полного** жизненного цикла.

В большинстве западных стран правовые проблемы брака регулируются не семейным, а гражданским законодательством. Союз между партнерами скрепляется контрактом, в котором юридически закрепляются вопросы владения имуществом (недвижимостью, денежными средствами и т. п.), а также механизм расторжения брака. Правовой регламентации подлежит также минимальный возраст вступления в брак. К сфере моральной регуляции относятся нормы и правила ухаживания, брачного выбора и добрачного поведения, распределение власти и обязанностей между супругами, нормы и ожидания супругов по их неформальным связям, взаимной ответственности за экономическое положение семьи, воспитание детей, семейный досуг, характер отношений в процессе разногласий или развода, послеразводное поведение.

2. Исторические формы брака и типы семьи

Современные формы брака и типы семьи уходят своими корнями в глубокую древность. Многие разновидности семейно-брачных отношений прошлого сегодня могли бы показаться не только странными, но и просто неприемлемыми для современного человека.

И, тем не менее, мы постоянно сталкиваемся с этими «остатками прошлого», принимаем их или осуждаем и чаще всего не задумываемся об их действительном социальном смысле. В истории было все: брак без семьи (парный брак), семья без брака (кровнородственная семья), брак без каких-либо контактов между супругами и брак, очень напоминающий современный групповой секс (различные формы группового брака). Однако все формы семейно-брачных отношений прошлого были вызваны к жизни определенными историческими условиями, и чем лучше мы поймем прошлое, тем легче нам будет разобраться в настоящем.

Современная социология классифицирует исторические формы брака *по нескольким основаниям.*

1. В зависимости от размеров и структуры брачной группы различают **моногамию** (брачный союз одного мужчины и одной женщины) и **полигамию** (брачный союз более чем двух партнеров). Моногамия могла быть пожизненной, допускающей развод или выступала в виде «парного брака» — неустойчивого, кратковременного союза мужчины и женщины. Разновидностями полигамии были **полигиния** (многоженство), **полиандрия** (многомужество) и различные формы **группового брака** (брачный союз нескольких мужчин с несколькими женщинами).

2. В зависимости от способа выбора брачного партнера различают брак **экзогамный,** когда член группы обязан выбирать брачного партнера вне своей группы, и брак **эндогамный**, когда возможный выбор супруга ограничивался рамками своей собственной группы. Первоначально границы «своей группы» совпадали с границами рода или племени, а затем, по мере развития общества, постепенно расширялись до рамок этнических, расовых, религиозных, сословных, территориальных, классовых общностей.

3. В зависимости от места жительства супругов различают брак **патрилокальный** (супруги живут у родителей мужа), **матрилокальный** (супруги живут у родителей жены), **дислокальный** (супруги живут врозь, каждый со своими кровными родственниками) и **уни-локальный** (супруги живут вместе, но отдельно от родственников).

Существуют и другие разновидности и формы брака, такие как «одинокое материнство», «гражданский брак», «вторичный брак» (после развода) и др., но они относятся к современным формам брака и не меняют общей исторической картины развития семейно-брачных отношений.

Классификация исторических типов семьи также производится по различным основаниям.

1. В зависимости от степени родства различают семью **кровнородственную** и **супружескую.**

Кровнородственная семья состояла из кровных родственников разных поколений по женской или мужской линии. В зависимости от того, каким образом строилась иерархия отношений в такой семье (по мужской или по женской линии), супружеская пара проживала совместно с родственниками жены или мужа. Дети в такой семье принадлежали не супругам, а родственникам.

Супружеская семья состояла из супругов (неродственников) и их детей. Родственники каждого из супругов могли входить в состав этой семьи, но при этом оставались на вторых ролях. Такая семья жила отдельно от родственников, и дети принадлежали супругам, а не родственникам жены или мужа, как это было в случае с кровнородственной семьей.

2. В зависимости от количества поколений в семье различают семью **нуклеарную и расширенную**.

Нуклеарная семья включает в себя только два поколения — родителей-супругов и их детей и является формой моногамного брака. Когда взрослые дети создают свою семью — они отселяются от родителей. Расширенная семья включает в себя три и более поколений, которые проживают совместно и ведут общее хозяйство.

Кровнородственная семья всегда была расширенной, то есть состояла из большого числа поколений совместно проживающих кровных родственников. Что касается супружеской семьи, то она может быть как расширенной, так и нуклеарной.

Существуют и другие основания для классификации различных типов семей. Их различают: по экономическому господству (**патриархальная** и **матриархальная**), по числу родителей (**полная**, когда в наличии имеются оба родителя, и **неполная**, когда один из родителей отсутствует), по числу детей (**бездетная, одиодетная, многодетная**) и т. д.

Уровень развития семейно-брачных отношений в истории всегда соответствовал уровню развития самих общественных отношений и, прежде всего, уровню развития общественного разделения труда. Неразвитость общественных отношений отражалась и на неразвитости отношений между полами. На заре человеческой истории эти отношения носили хаотический (промискуитетный) характер. Табу, накладывавшиеся на определенные половые отношения (между родителями и детьми, родными братьями и сестрами), выступали первыми регуляторами брачных отношений.

Появление упорядоченных отношений между полами ученые связывают с возникновением родов.

Род — это малая этническая группа, представители которой связаны кровными узами и ведут свое происхождение по одной

линии (материнской или отцовской). По существу род выступал как большая кровнородственная семья, в которой действовал принцип экзогамии, в силу чего роды не могли существовать изолированно друг от друга и неизбежно объединялись в племена.

Исторически первой формой брачных отношений был групповой брак, который обеспечивал физическое воспроизводство населения через взаимодействие двух или большего количества различных родов (число родов, состоявших в групповом браке, доходило иногда до восьми и более).

Основу взаимодействия родов составляла не экономическая деятельность, а необходимость реализации основной функции семьи — детопроизводства (репродуктивная функция). Внутри каждого рода кровосмешение было запрещено. Род мог воспроизводить себя лишь через другой род. Первоначально групповой брак был независим от экономических отношений между родами. Разделение труда еще не было достаточно развито. В этот период экономические, хозяйственные связи между вступающими в брачный союз были очень слабы, поэтому брачные пары легко распадались. В брачном союзе противоположных полов создавались лишь предпосылки возникновения семьи.

Первобытный род, являясь экзогамным, не мог состоять из привычных нам супружеских семей, но он дал толчок к их появлению. При групповых формах брака родословная велась по материнской линии, поскольку неоспоримым родителем ребенка являлась только мать.

Постепенно в недрах группового брака зародилась первая форма моногамии — парный брак. Групповой брак не исключал и наличие отдельных пар, сосуществовавших какое-то время друг с другом. Мужчина мог выделять одну женщину как главную (любимую) жену среди других женщин, отдавать ей предпочтение, являясь в свою очередь для нее главным (любимым) мужем. Эти отношения строились не на экономическом интересе, а лишь на взаимном влечении, которое и определяло продолжительность существования подобных семейных пар. Чем более развивался род (а он все еще определялся по материнской линии), чем сложнее было найти себе пару не среди родственников, которых становилось все больше, тем более крепкими становились парные браки. Парный брак все больше вытеснял групповой. И хотя мужчина, живя с одной женой, мог вступать в половые отношения с другими женщинами, а женщина должна была блюсти верность и сохранять род, брачные узы легко могли быть разорваны любой стороной, а дети оставались с матерью.

Парный брак при всех внешних достоинствах по сравнению с групповым браком все же нес в себе элемент неустойчивости. Возможность легкого расторжения брака обоими супругами и право повторного вступления в новый брак порождали и чувство временности такого брака и не вызывали потребности в обзаведении домашним хозяйством. Особенно это касалось мужчин, вынужденных при разводе покидать домашний очаг. Данное положение вещей подталкивало признавать родной лишь мать, что возвеличивало роль женщины, матери, но одновременно подрывало возможность стабильного парного брака.

Разложение первобытно-общинных отношений и зарождение частной собственности привело к возникновению более развитых форм моногамного брака, при котором общество санкционирует долговременный союз супругов.

Эпоха усиления частной собственности и разложения материнского права связана со стремительным развитием процессов одомашнивания животных. Приручение животных приводило к появлению огромных стад скота и порождало качественно новые общественные отношения. Тот, кто пас стада, постепенно становился и их собственником. Главой семьи с необходимостью становился мужчина. Развитие скотоводства, обработки металлов, ткачества, земледелия все более укрепляло статус мужчины как главы семьи. При разводе имущество делилось между мужем и женой: орудия производства и скот — мужу, дом и кухонная утварь — жене. Дети оставались с матерью. Однако все, что забирал с собой муж, после его смерти наследовалось общиной, а не женой и детьми.

Постепенно изменившееся положение мужчины было закреплено законодательно, и женское право наследования по материнской линии сменилось правом наследования по линии отца. Именно с этого времени роль женщины свелась лишь к почетному положению домохозяйки и хранительницы домашнего очага.

В отличие от групповых форм брака, полигиния (многоженство) и полиандрия (многомужество) были распространены в значительно меньшей степени.

Полигиния — одна из исторически сложившихся форм брака, при которой мужчина состоит одновременно в нескольких брачных союзах с разными женщинами. Полигиния признана одной из мировых религий — исламом. Данная форма брака связана с кочевым образом жизни восточных народов. Скотоводство требует постоянного перемещения со стадами. Кроме того, кочевой образ жизни предполагает частые конфликты из-за пастбищ и территорий для стойбищ скота, что приводит к большому уровню смертности

среди мужчин. Все эти причины и явились основой признания исламом возможности мужчины иметь несколько жен. Но даже на Востоке это — привилегия богатых.

Еще более специфической формой брака выступает **полиандрия** — исторически сложившаяся форма брака, при которой одна женщина *одновременно состоит в браке с несколькими мужчинами*. Этот феномен был широко распространен в Индии, Тибете и горных районах других стран, где географические и природные условия не позволяли каждому из множества сыновей семейства создать собственную семью и обеспечить ее существование. Иногда клочок земли был настолько мал, что мог прокормить лишь ограниченное количество едоков. В такой ситуации сыновья были вынуждены вступать в брак с одной женщиной. Данный тип семьи изжил себя с возникновением промышленного производства, востребовавшего огромное количество рабочих рук из сельского хозяйства. В результате землю стал наследовать старший сын. Остальные отправлялись в растущие города.

В традиционном аграрном обществе семья в большинстве случаев исполняла роль производственной экономической ячейки, и в силу этого, независимо от других своих параметров, всегда была расширенной. С развитием промышленности семья утратила свои экономические функции, а с ними и экономическую самостоятельность, и из расширенной превратилась в нуклеарную. Именно такой тип семьи является преобладающим в современных развитых индустриальных странах.

По данным этнографов и социологов, только 40 современных обществ основано на моногамном браке, 145 — на полигамии и только 2 — на полиандрии. Преобладающей формой семьи в мире является расширенная семья: 92 общества против 47, где более распространена нуклеарная[1].

3. Основные тенденции развития семейно-брачных отношений в России в XX веке

Современное индустриальное общество вступило в третье тысячелетие нашей эры. Что же изменилось со времени появления первых исторических форм семейно-брачных отношений? Чем живет сегодняшняя семья? Что ждет ее в будущем?

Россия, как и большинство стран мира, совершила к XXI в. переход от традиционного аграрного общества к обществу современному, индустриальному. Традиционному и современному обществу

[1] *Смелзер Н.* Социология. М.: 1994. С. 399.

соответствуют две различные модели воспроизводства населения (репродуктивного поведения) и семейно-брачных отношений[2].

1. Для «традиционализма» (фамилизма) характерен родственно-семейный принцип организации жизни, перевес ценности родства над максимизацией выгод индивида и над самой экономической эффективностью, тогда как в «современной семье» родство отделяется от социально-экономической деятельности, уступая первенство экономическим целям индивида.

2. Аграрное общество имеет своей основной экономической единицей семейное домохозяйство, где, как правило, все взрослые работают дома и не за плату, а на себя. Современная модель семьи, в том числе российской, связана с разделением дома и работы. В современном обществе происходит переход от семейного производства к семейному самообслуживанию. Наемный труд на современных предприятиях оплачивается независимо от статуса индивида в семейно-родственной иерархии. Семейное производство не исчезает вообще (хотя такая тенденция наблюдается), но перестает быть ведущим, главным элементом экономики, причем в урбанизированных регионах развивается потребительский тип семьи, где общесемейная деятельность, помимо гигиенических и физиологических процессов, дополняется потреблением услуг различных учреждений за счет зарплаты, добываемой членами семьи вне дома. Однако в силу социокультурного разделения семейных обязанностей, женщины, участвующие в наемном внесемейном труде, продолжают вести домашнее хозяйство.

3. Незначительная психологическая разделенность между семейным домохозяйством и сельской общиной, этническими и другими социальными общностями при «традиционализме» контрастирует с резким размежеванием дома и внесемейного мира, семейной первичности и обезличенности отношений во внешнем окружении в условиях «модернизации».

4. Социальная и территориальная мобильность, связанные при «традиционализме» с тем, что сыновья наследуют социальный статус и профессиональную специализацию отца, отличается от внесемейной мобильности сыновей и дочерей на стадии индустриализации.

5. Система ценностей фамилизма, в иерархии которой на первых местах стоят такие блага, как долг, семейная ответственность, ценность детей как вклада в благополучную старость родителей, доминирование авторитета родителей и родственников, по мере

[2] См.: *Антонов А.И., Медков В.М.* Социология семьи. М., 1996.

«модернизации» становится менее устойчивой и престижной, уступая место ценностям индивидуализма, независимости, личных достижений, т. е. система «семьецентризма» уступает место системе «эгоцентризма».

6. Происходит переход от централизованной расширенной семейно-родственной системы, состоящей из трех поколений, и доминированием старших, к децентрализованным нуклеарным семьям, в которых брачные узы, супружество становятся выше родовых-родительских, причем в самом супружестве интересы пары подчинены интересам индивида (депривация личности от семьи, изоляционизм).

7. Переход от развода по инициативе мужа (прежде всего в связи с бездетностью брака) к разводу, вызванному межличностной несовместимостью супругов.

8. Переход от «закрытой» к «открытой» системе выбора супруга на основе межличностной избирательности молодыми людьми друг друга независимо от предписаний родства и традиций обмена приданым и выкупа невесты, хотя и при сохранении имущественных интересов и системы наследования, закрепляемых брачным контрактом.

9. Переход от культуры многодетности с жестким табу на применение контрацепции к индивидуальному вмешательству в репродуктивный цикл, т. е. к предупреждению и прерыванию беременности. Этот переход также устраняет необходимость в удлинении репродуктивного периода жизни посредством приближения к физиологическим границам — срокам начала и конца деторождения, посредством ранней и сплошной брачности, традиций пожизненного брака.

10. Квинтэссенцией и интегральным выражением всех перечисленных выше изменений в семейно-брачных отношениях является переход от эры стабильной системы норм многодетности к эре постепенного исчезновения многодетной семьи с исторической сцены.

Реальные изменения семейных структур в XX в. на всех континентах позволяют говорить о переходе к эпохе спонтанного уменьшения детности семьи (вплоть до массовой однодетности и даже бездетности), повышения разводимости и падения брачности, и пока не видно каких-либо биологических и стихийных социальных «защитных механизмов», которые могли бы остановить эти тенденции на каком-то безопасном для общества уровне.

Семейная политика в России всегда жестко держалась под контролем государства и была тесно связана с социальной жизнью.

Еще в конце XIX в. население царской России в большинстве своем было крестьянским. В канун первой мировой войны в 1913 г. городское население составляло лишь 18%. Да и сами города порой было трудно отличить от сел — три четверти населения были заняты в сельском хозяйстве. Индустриализация экономики обходила Россию стороной (городское население превзошло по численности сельское лишь в 1962 г.). Основу крестьянской семьи составляли мир или община, в которую, как в местное правительство, входили главы семей. Община владела земельными угодьями и периодически перераспределяла их между семьями, исходя, в первую очередь, не столько из подушного состава, сколько пропорционально числу женатых в семье. Важно отметить, что женщины и холостые мужчины в расчет не принимались.

Глава семьи определялся в соответствии с порядком наследования по мужской линии как представитель семьи в общине; домохозяин был обязан платить налоги и подати, поставлять рекрутов на военную службу. Именно он распоряжался имуществом в семье, руководил хозяйственными полевыми работами, был арбитром в спорах.

В начале XIX в. в средней русской семье насчитывалось от 25 до 30 человек. К концу XIX — началу XX в. этот тип семьи постепенно стал уходить в прошлое. Усилилась тенденция к обособлению молодых семей. Женатые сыновья создавали свои домашние очаги, и по переписи 1897 г. в европейской части России средняя численность семьи составляла уже 5,9 человека.

Как в любом патриархальном иерархическом обществе, в русской крестьянской общине мужчины главенствовали над женщинами, старшие над младшими, женатые над холостыми. Тот, кто не состоял в браке, вообще не считался полноценным членом общества. Брак был главным условием доступа к землевладению. Благодаря этому по числу браков Россия стояла на первом месте в Европе. По данным переписи 1837 г. на селе в возрасте от 40 до 50 лет оставались незамужними только 4% женщин и неженатыми 3% мужчин. Не вступали в брак те, кто шел в монастырь, а также физически и умственно неполноценные.

В среднем в одном браке крестьянка рожала от 8 до 10 детей, из которых примерно треть умирала, не достигнув одного года. Из-за высокого уровня смертности было распространено вдовство, но многие овдовевшие вновь вступали в брак. Вдовцу была нужна новая жена, чтобы воспитать детей, оставшихся без матери, помогать в ведении хозяйства. Вдова же становилась тяжелой обузой для семьи, поскольку, не имея возможности пользоваться землей

покойного мужа, она была обречена на нищету. Жизнь ставила существование семьи в жесткие рамки. Вне семьи выжить было почти невозможно.

Огромную роль в жизни семьи играла русская православная церковь — она устанавливала нравственные критерии, фиксировала в приходских книгах акты гражданского состояния, освящала своей обрядностью брак, рождение и смерть.

С развитием машинного производства традиции патриархальной русской семьи начинали постепенно разрушаться. Господство патриархальных, общинных отношений все больше уступало место традициям индивидуализма и отчуждения.

Глобальные, сущностные изменения, привнесенные революцией 1917 г., подвергли потрясениям и социальный институт семьи. Патриархальный уклад семьи пришел в противоречие с лавинообразным втягиванием в общественную жизнь всех ее членов. Государство попыталось изменить семью, взяв на себя ее сущностные функции. Суперэтатизация (сверхогосударствление) всей социальной жизни страны разрушительно сказалась на семье и семейных ценностях. Великая Отечественная война также отразилась на семейной политике государства.

К середине 60-х гг. социальный институт семьи оказался значительно подорванным. За решением глобальных государственных задач как-то забылись задачи повседневные. Пионерские лагеря, дома пионеров, базы отдыха создавали условия для развития детей, их оздоровления, но другая сторона семейных отношений, финансово-бытовая, создавала почву для взаимных упреков и раздоров. Уровень разводимости в России в 50-е, 60 и 70-е гг. постоянно рос. Максимум был достигнут в 1979 г. — 594 тысячи разводов. В 80-е гг. число разводов оставалось практически неизменным, но с началом «перестройки» баланс был снова нарушен, социальное положение граждан пошатнулось, и в 1991 г. число разводов увеличилось и составило 598 тыс. Сегодня более 40% браков заканчиваются разводом. Важно заметить, что, несмотря на относительную стабилизацию числа зарегистрированных разводов в 80-е гг., перепись 1989 г. показала заметный рост по сравнению с 1979 г. численности разведенных и разошедшихся, не вступивших в новый брак: мужчин — с 1,81 до 2,85 млн чел.; женщин — с 4,31 до 5,15 млн чел.

В 1989 г. на каждые 100 разводов приходилось лишь 58 браков разведенных мужчин и 54 — женщин. В России частота разводов в однодетных парах в 2,5 раза выше, чем в двухдетных, на 5,2% выше, чем в семьях с тремя и более детьми и в 1,8 раза выше, чем в семьях без детей до 18 лет.

К сожалению, когда развод приобретает массовый характер, становится типичным явлением, общественное мнение начинает признавать его нормой поведения. В современных условиях (особенно в больших городах) высокая частота разводов становится фактом, морально приемлемым для многих людей. В результате по данным российской переписи 1989 г. из 40 млн детей и подростков 7 млн (т. е. 17,6%) жили как минимум без одного из родителей. Из них 4,5 млн (11,2%) воспитывались в неполных семьях.

В мае 1993 г. была принята Концепция государственной семейной политики Российской Федерации. Формально она была приурочена к 1994 г., объявленному Международным годом семьи. Реально же документ носит чисто конъюнктурный характер. Главное его содержание направлено на решение краткосрочных, сиюминутных задач, латание дыр, а не на создание системы. В частности, документ предусматривает улучшение материальных условий жизнедеятельности семей, профилактику бедности, поддержку малоимущих семей и инвалидов. В нем нет ни слова о долгосрочных обязательствах государства, о механизмах реализации поставленных задач. Как правило, все социальные программы, одобряемые федеральными органами, так и остаются только на бумаге. По мнению большинства социологов, занимающихся проблемами семьи в России, проводимая государством семейная политика не имеет никакого отношения к действительной семейной политике.

Семейная политика — это деятельность государства, политических партий, общественных организаций, направленная на возвращение семье органически присущих ей социальных функций, создание экономических механизмов поддержания и укрепления семьи как социального института, укрепление семейного образа жизни[3].

Политика государства, заботящегося о будущем России, должна иметь долгосрочный план вывода семьи из кризисного состояния. В этой связи отрадно отметить, что в 1997 г. произошло увеличение показателя ожидаемой продолжительности жизни. По предварительной оценке специалистов, средняя продолжительность жизни увеличилась на 1 год и составила 66,9 года, в том числе мужчин — соответственно на 1,2 года и 61 год, женщин — на 0,6 года и 73,1 года. Однако по-прежнему сохраняется значительный разрыв

[3] См.: *Брук С.И.* Население мира. Этнодемографический справочник, М., 1986. С. 19.

в ожидаемой продолжительности жизни полов — 12 лет (в развитых странах эта разница не превышает 6–8 лет).

Как позитивный факт можно выделить и некоторое улучшение ситуации с семейно-брачными отношениями. Количество зарегистрированных в органах ЗАГСа браков за 1997 г. повысилось на 50,7 тыс., или на 5,9%, в то же время количество разводов снизилось на 24,0 тыс., или на 4,3%. Соответственно улучшилось и соотношение расторгаемых и заключенных браков — 587 против 649.

И все же, несмотря на определенные позитивные сдвиги, вызванные некоторой стабилизацией общественных отношений, в целом обстановка в России остается крайне напряженной и неустойчивой.

Неблагополучное положение с рождаемостью сложилось в большинстве регионов европейской части страны, где в минувшем году на каждую 1000 населения пришлось не более 8, а в Ленинградской, Ивановской, Московской, Тульской областях и в Санкт-Петербурге — не более 7 новорожденных.

По предварительной оценке специалистов, в 1997 году среднероссийский показатель суммарной рождаемости, отражающий уровень воспроизводства населения, составил на 100 женщин 123 родившихся против 215, необходимого для простого численного замещения поколений родителей их детьми.

Таким образом, можно констатировать наличие целого ряда тенденций, неблагоприятно влияющих на развитие семейно-брачных отношений в России. Последствия сегодняшнего кризиса семьи будут ощутимы в течение нескольких поколений.

4. Социально-демографические параметры общества. Демография и социология

Состояние семейно-брачных отношений в обществе определяет уровень рождаемости и соответственно численность народонаселения, темпы его прироста или убыли. Под народонаселением (населением) принято понимать совокупность людей, осуществляющих свою жизнедеятельность в рамках определенных социальных общностей (человечества в целом, отдельных стран или регионов, крупных поселений). Наукой о народонаселении — его численности, составе, распределении по территории и происходящих в нем изменениях — является демография.

Основными показателями народонаселения принято считать численность, плотность, возраст, пол, рождаемость, смертность, среднюю продолжительность жизни, брачность, разводимость и ряд

других. В демографии названные показатели выражаются либо в абсолютных цифрах (число родившихся, число умерших, число браков и т. п.), либо с помощью специальных коэффициентов, которые характеризуют тот или иной признак народонаселения в расчете на одну тысячу человек его средней численности. Так, например, коэффициент рождаемости рассчитывается следующим образом:

$$K_{\text{рожд}} = \frac{\text{Число новорожденных за данный период}}{\text{Средняя численность населения за тот же период}} \times 1000.$$

Аналогичным образом рассчитывается коэффициент смертности, коэффициенты брачности и разводимости. Помимо названных в демографии используется «коэффициент естественного прироста населения», который вычисляется как разница между коэффициентом рождаемости и коэффициентом смертности. Понятно, что в случае превышения смертности над рождаемостью, данный коэффициент будет величиной отрицательной.

Все перечисленные коэффициенты выражаются с помощью специальной единицы, которая называется «промилле». Например, если $K_{\text{рожд}} = 14$ промилле, то это означает, что рождаемость в данном обществе за указанный период составила 14 новорожденных на 1000 человек населения.

На рубеже второго и третьего тысячелетия население земного шара оценивалось примерно в 6 млрд человек. В 1960 г. в мире насчитывалось лишь 3 млрд человек, а в 1930 г. — только 2 млрд. Этот рост кажется невероятным, если мы сравним его с относительно медленным увеличением численности населения в течение прошлого тысячелетия.

Мы очень мало знаем о населении доисторических времен, но согласно расчетам, 1 млн лет назад население всего мира составляло лишь около 125 000 человек. Большинство людей входило в кочевые племена и занималось охотой и собиранием плодов. 300 000 лет назад численность населения Земли выросла примерно на 1 млн человек. К Рождеству Христову она достигла почти 285 млн.

В начале новой эры население мира продолжало увеличиваться, но это происходило очень неравномерно. После падения Римской империи началась децентрализация населения. В течение 1000 лет европейцы жили главным образом небольшими общностями, и в этот период, видимо, произошло резкое уменьшение численности людей. Иногда целые области погибали от голода, войны, или чумы.

Самой страшной была эпидемия «черной смерти», которая разразилась в XIV в. За 27 лет от нее погибла половина пятимиллионного населения Англии.

В XVII–XVIII вв. численность населения земного шара увеличилась примерно с 500 млн человек до миллиарда. Это было связано с развитием капитализма, ростом промышленного производства, подъемом сельского хозяйства, увеличением производства пищевых продуктов. Неурожай и голод стали менее серьезными проблемами и, соответственно, уменьшилось количество людей умиравших от голода. Однако первый настоящий «демографический взрыв» начался лишь в XIX в., когда индустриальное развитие привело к резкому снижению уровня смертности.

Об ускорении темпов прироста населения Земли на протяжении истории свидетельствуют следующие цифры. За последнее тысячелетие оно увеличилось в 18 раз, причем для первого его удвоения потребовалось почти 600 лет, для второго — 230, для третьего — *около 100, для последнего же* — немногим более 40 лет[4].

Каковы состав и принципы расселения людей в мире в настоящее время? С одной стороны, население распределено неравномерно — более половины его живет в Азии. Именно там в последние десятилетия происходит наиболее значительный прирост населения. На долю Африки приходится примерно 10% населения планеты, Северной Америки — 5,6%, Латинской Америки — 8,3%, Западной Европы — 10%, Австралии и Океании — 0,5%. С другой стороны, самые низкие темпы прироста населения наблюдаются в самых индустриально развитых странах. Это означает, что доля населения этих стран в составе жителей нашей планеты будет неуклонно сокращаться.

Как связаны между собой социология и демография?

Демография на основе обработки статистических данных фиксирует изменения численности и состава населения, а также выявляет их динамику и направленность. Социология, в свою очередь, исследует социальные причины изменения численности и состава населения, а также влияние этих изменений на общественную систему в целом.

Распределение населения по полу, возрасту, численности, семейному положению и ряду других показателей характеризует его демографическую структуру. В результате наложения демографической структуры населения на социальную структуру общества,

[4] См.: *Смелзер Н.* Социология: Пер. с англ. М., 1994. С. 566.

то есть его распределения по социальным слоям, классам, социально-профессиональным, социально-территориальным и другим группам, образуется социально-демографическая структура общества. Другими словами, если мы берем любую социальную группу, общность — профессиональную, территориальную, этническую, политическую и т. п. — и рассматриваем ее с точки зрения численности, соотношения полов, возрастного состава и других демографических показателей, то эта общность превращается в социально-демографическую. Если же единственными признаками, по которым мы выделяем данную группу людей, являются ее демографические параметры — пол, возраст и т. п., — то речь идет о демографической группе. Например, «женщины трудоспособного возраста» являются демографической группой, а «женщины, занятые на вредном производстве» — это уже социально-демографическая группа. К последней относится и «мужская часть работников ОВД от 30 до 50 лет», а вот «мужская часть населения России от 30 до 50 лет» — это уже демографическая группа.

Главными факторами, влияющими на состав населения, являются возраст и пол. Для их взаимосвязанного наглядного представления в демографии существует специальный инструмент, так называемая, «половозрастная пирамида». Она представляет собой график или диаграмму, которая позволяет наглядно увидеть и сравнить между собой численность мужчин и женщин различных возрастных групп на какой-то конкретный момент времени.

При отсутствии войн, голода, эпидемий, революций численность возрастных групп населения постепенно уменьшается по мере увеличения их возраста, поэтому график внешне напоминает пирамиду. Внимательный анализ такой пирамиды позволяет спрогнозировать тенденции изменения состава и численности населения на ближайшие десятилетия и увидеть проблемы, с которыми придется столкнуться обществу в обозримом будущем.

Так, небольшая численность подростков в возрасте от 10 до 15 лет вскоре приведет к нехватке рабочей силы и трудностям с комплектованием армии, и если представители этого поколения не создадут необычно большие семьи, следующее поколение тоже будет малочисленным. Недостаток взрослых мужчин также имеет серьезные последствия — это означает множество одиноких женщин и множество детей, лишенных отцов.

Какие факторы влияют на изменение численности и состава населения? Обычно выделяют три основных фактора — уровень рождаемости, уровень смертности и миграция, т. е. перемещение населения из одной страны в другую или из региона в регион

в рамках одной страны. Рассмотрим каждый из этих факторов более подробно.

Рождаемость. На первый взгляд это чисто биологический процесс, но это только на первый взгляд. На рождаемость оказывает влияние множество самых разнообразных социальных факторов. И главное — это тип общества. В аграрном обществе рождаемость всегда выше, чем в индустриальном. Крестьянская семья — не только первичная социальная группа, но и производственная ячейка, поэтому каждый новый ребенок — это дополнительные рабочие руки и кормилец в старости. В индустриальном обществе дети перестают быть «экономической необходимостью». Введение законов, регулирующих детский труд, включение женщины в процесс общественного производства, развитие государственной системы социального обеспечения, ограниченное число рабочих мест, возникновение резервной армии труда — все это приводит к резкому снижению уровня рождаемости. Складывается на первый взгляд парадоксальная ситуация: чем выше уровень благосостояния населения, тем ниже уровень рождаемости. Объясняется этот парадокс достаточно просто, чем более развитым и богатым становится общество, тем дороже для него обходится социализация каждого нового члена (расходы на общее образование, профессиональную подготовку, создание новых рабочих мест, социальное обеспечение и др.). Такого рода зависимость характерна не только для общества в целом, но и для каждой отдельной семьи — чем выше уровень дохода семьи, тем меньше, как правило, в ней детей.

Существуют и другие социальные факторы, которые влияют на рождаемость. В большинстве стран рождаемость населения выше в сельской местности, чем в городах. Как правило, люди, чей статус высок, склонны иметь меньше детей, чем люди с низким статусом. Высокообразованные женщины обычно имеют меньше детей, чем те, у кого уровень образования ниже.

Уровень рождаемости связан и с религиозной принадлежностью населения: в мусульманских семьях детей больше, чем в христианских, в христианских больше, чем в иудейских, а в католических больше, чем в протестантских. И, конечно, уровень рождаемости связан с типом семьи, ее прочностью, выполняемыми ею функциями, о чем уже шла речь в предыдущей главе.

Надо иметь в виду, что все перечисленные факторы действуют не по отдельности, а в комплексе, и в каждом конкретном случае надо выявлять их взаимосвязь, не поддаваясь соблазну все объяснить с помощью какого-то одного фактора.

Смертность представляет собой не менее сложное явление, чем рождаемость и так же, как и рождаемость, является результатом целого комплекса естественных и социальных факторов. Одним из таких факторов является возраст. Так, например, известно, что дети до одного года имеют меньше шансов выжить, чем дети более старшего возраста. Объясняется это тем, что у новорожденных еще в недостаточной степени выработан иммунитет к различным заболеваниям. В более развитых странах уровень младенческой смертности ниже, чем в слаборазвитых. Обычно наиболее безопасен в жизни детей период от 10 до 14 лет — у них уже выработался иммунитет ко многим заболеваниям, в то же время они еще не подвержены опасностям, которые часто вызывают смерть взрослых (автокатастрофы, военные действия, политические конфликты и т. п.). Начиная с 14-летнего возраста, уровень смертности постепенно повышается, достигая своего предела после 60 лет вследствие общего ослабления организма.

Пол также является одним из факторов, который оказывает влияние на уровень смертности. Известно, что на 100 девочек рождается примерно 105 мальчиков — к 12 годам их численность обычно выравнивается, а затем численность мальчиков продолжает неуклонно снижаться, так что разница в средней продолжительности жизни мужчин и женщин доходит до 5—10 лет.

Есть данные, что и расовая принадлежность оказывает влияние на среднюю продолжительность жизни. «Белые» в США живут дольше, чем «цветные», однако, этот разрыв сокращается. Евреи различного возраста в Израиле живут дольше, чем неевреи. Вместе с тем надо иметь в виду, что и «цветные» в Америке, и неевреи в Израиле имеют более низкие доходы и уровень жизни, чем белые американцы или израильские евреи.

Из социальных факторов, оказывающих влияние на уровень смертности, следует прежде всего назвать войны и другие общественные потрясения. К числу социальных факторов относится и общий уровень социально-экономического развития страны. Так, в индустриальных странах с высоким уровнем жизни и качеством медицины уровень смертности значительно ниже по сравнению с аграрными странами.

Социально-экономические различия между людьми также оказывают влияние на показатели смертности. Группы, расположенные в нижних слоях социальной иерархии — низкий уровень жизни и образования, — имеют, соответственно, более высокий уровень смертности, чем те, кто принадлежит к верхним слоям.

Наконец, третий фактор, определяющий численность населения — это *миграция*. Различают три вида миграции:

1) иммиграция — въезд в страну иностранных граждан;

2) эмиграция — выезд граждан из своей страны в другую страну на постоянное жительство;

3) миграция — перемещение людей внутри страны.

История человечества отмечена миграциями, которые охватывали огромные территории. Народы переселялись в ходе завоеваний, в поисках плодородной земли или драгоценных металлов. Великая миграция готов в IV–VI вв. ускорила распад Римской империи.

Иммиграция сыграла решающую роль в экономическом и социальном развитии США. В 1776 г., когда США стали независимым государством, их население составляло 3 млн человек. С 1819 по 1979 г. в США прибыло 49,1 млн человек. В Дании, Швеции, Австрии и Германии именно иммиграция предохраняет общество от сокращения численности населения и дает возможность заполнять освобождающиеся рабочие места. Однако иммиграция может оказывать и негативное влияние на развитие общества, особенно в стране экономически отсталой с хронической безработицей. В этом случае государство ограничивает въезд в страну иностранных граждан. Эмиграция ведет к сокращению численности населения, однако само это сокращение может оказывать различное влияние на состояние общественной системы. Эмиграция наносит обществу вред, когда из страны выезжают высококвалифицированные специалисты. Она приносит обществу пользу при наличии избытка трудоспособного населения, нехватке рабочих мест, особенно, если уехавшие на заработки затем возвращаются на свою родину.

Внутренняя миграция, в принципе, подчиняется тем же законам, что и внешняя. Люди перемещаются по территории страны в поисках лучших условий оплаты труда или под влиянием различных политических факторов. Последнее обстоятельство весьма актуально для понимания современной ситуации в России. Речь идет о беженцах, то есть, по существу, вынужденных мигрантах из бывших союзных республик и некоторых регионов самой России. Москва и центр России наводнены мигрантами из «горячих точек» и «бедных» стран СНГ. Их численность уже давно перевалила за миллион, что обостряет и без того непростые социальные проблемы и ведет к еще большему ухудшению криминогенной обстановки в регионе[4].

---

[4] *Современная* русская идея и государство. М., 1995. С. 93–94.

Воздействие социальных факторов на демографические процессы в обществе (в частности, на уровень рождаемости и смертности) очевидно, но и демографические процессы, в свою очередь, также оказывают влияние на экономическое, социальное и политическое развитие общества.

Воспроизводство населения, то есть постоянное возобновление поколений людей, само по себе является исходным условием существования общества. Характер или способ этого воспроизводства могут меняться в достаточно широком диапазоне и оказывать самое различное воздействие на состояние общественной системы. Если оставить в стороне различные экстремальные ситуации (войны, революции и стихийные бедствия), то при нормальном состоянии общества, которое вынуждено себя обеспечивать за счет своих собственных внутренних, в том числе людских, ресурсов, определяющее значение будет иметь соотношение двух основных групп населения — «трудящихся» и «иждивенцев». Трудящиеся создают все материальные и духовные ценности, то есть «всех кормят». Иждивенцы или нетрудящиеся только потребляют, поскольку или еще не готовы к самостоятельному участию в процессе труда (дети, учащиеся), или, в силу возраста и состояния здоровья, не способны к такому участию (пенсионеры, инвалиды).

На первый взгляд может показаться, что, чем выше доля трудящихся, тем богаче общество, однако не будем торопиться с выводами и проанализируем несколько ситуаций, которые могут возникнуть при различном соотношении двух названных категорий населения.

Ситуация 1.

Прирост населения — высокий, рождаемость намного опережает смертность. В обществе постоянно увеличивается доля детей, молодежи. С молодежью принято связывать будущее общества, и это действительно так, когда экономика развивается опережающими темпами по отношению к приросту населения, когда постоянно появляются новые рабочие места или постоянно увеличивается количество средств существования за счет интенсификации производства, продажи природных ресурсов и т. п. Если же экономика не успевает за ростом населения, тогда высокая доля молодежи становится обузой для общества. Тогда с ростом населения растет число иждивенцев, не обеспеченных средствами существования и рабочими местами, а это означает рост безработицы, преступности, голод, эпидемии. С подобной ситуацией сейчас сталкиваются многие страны Африки.

Ситуация 2.

Прирост населения — отрицательный. Рождаемость падает, смертность относительно невысока. В этом случае общество постепенно стареет, средний возраст увеличивается, растет доля нетрудоспособных за счет старших возрастов, одновременно уменьшается доля молодежи, вступающей в трудовую жизнь, так что становится некем замещать освободившиеся рабочие места. Общество оказывается перед угрозой депопуляции и спада производства. Перед такой проблемой стоят сейчас многие развитые страны, в частности, Германия, Дания, Швеция. На современном этапе своего развития эти страны компенсируют низкую рождаемость и недостаток собственной рабочей силы за счет привлеченной рабочей силы, то есть за счет иммигрантов.

Ситуация 3.

Прирост населения равен «0» — смертность низкая и находится примерно на уровне рождаемости. Дети появляются на свет, учатся, овладевают профессией, вступают в трудовую жизнь, то есть занимают места тех, кто по старости переходит в нетрудоспособный возраст. Такое равновесие встречается, но оно крайне неустойчиво — любое колебание рождаемости, смертности или миграция населения приводят к его нарушению, и тогда общество вновь сталкивается с той или иной проблемой.

Вообще все изменения численности и состава населения носят волнообразный, циклический характер. Любое изменение численности или состава населения оказывается растянутым на десятилетия. Резкое падение рождаемости скажется через 20–30 лет, когда это поколение будет вступать в трудоспособный возраст. Это новое малочисленное поколение родит на свет мало детей, и очередной спад рождаемости пройдет волной по всем возрастным категориям, затрагивая все новые и новые поколения людей.

В реальной жизни возможны самые разнообразные ситуации, когда численность населения возрастает при неизменной рождаемости и снижении смертности, когда возрастанию детской смертности сопутствует снижение смертности в старших возрастах, или когда возникают «пики смертности» в отдельных возрастных группах трудоспособного возраста. В СССР такой пик смертности был зарегистрирован в 80-е гг. у мужской части населения в возрасте 20–25 лет (причина: алкоголизм и связанный с ним травматизм).

Демография выделяет три основных способа воспроизводства населения:

1. Высокий уровень рождаемости и смертности населения обеспечивают его стабильную численность. Такой тип воспроизводства

населения характерен для многих слаборазвитых стран с традиционными общественными ценностями, отсутствием противозачаточных средств, низким уровнем медицинского обслуживания, голодом и болезнями.

2. Высокая рождаемость при пониженной смертности. Смертность снижается по мере роста экономического благосостояния, медицинского обслуживания и улучшения санитарных условий. Уровень рождаемости при этом остается высоким, что способствует интенсивному росту населения, который в свою очередь порождает целый ряд социальных проблем. Такой тип воспроизводства населения характерен для стран, вставших на путь индустриального развития и, в силу названных обстоятельств, вынужденных регулировать (ограничивать) рождаемость.

3. Низкая рождаемость при низкой смертности. Такой тип воспроизводства преобладает в развитых странах, где население постепенно стареет. Снижение рождаемости произошло в США и странах Западной Европы в последние 100 лет.

Переход от первого типа воспроизводства населения к третьему представляет собой большой цикл демографического развития, именуемый «демографическим переходом», с помощью которого долгое время описывали переход от общества традиционного аграрного к обществу современному индустриальному. Однако в последнее время стало ясно, что эта теория не является универсальной. В Мексике и других достаточно развитых странах Латинской Америки снижение уровня смертности происходит без уменьшения уровня рождаемости. Теория «демографического перехода» не объясняет также периодические «всплески рождаемости», которые наблюдаются в некоторых развитых странах, например в США[5].

5. Современная демографическая ситуация в России

Демографическая ситуация в России и возможные ее политические и военные последствия стали предметом внимания множества работ, опубликованных за последние годы на Западе. Еще в 1990 г. в журнале «Москва» появилась статья американского демографа М. Бернштама под названием «Сколько жить русскому народу?» Основная идея статьи состояла в том, что темпы роста численности славянских народов (в первую очередь русского) к концу XX века резко сократятся, а в XXI веке начнется процесс

[5] См.: *Смелзер Н.* Указ. раб. С. 567–568.

их вымирания. Эта статья вызвала бурную полемику, долго обсуждалась, но однозначного вывода так и не было сделано.

Что же происходит с нашим народом и нашей страной? Насколько обоснованы прогнозы западных демографов? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо рассмотреть основные демографические показатели современной России и сравнить их с аналогичными показателями других стран. Остановимся на самых общих показателях — «рождаемости», «смертности» и «приросте-убыли» населения.

Начиная с 1970 г. рождаемость и смертность в России изменялись почти на параллельных курсах[6]. Рождаемость немного опережала смертность, чем обеспечивался небольшой прирост населения (5–6 чел. на каждую тысячу человек населения). Однако с 1987 г. рождаемость начала резко падать, а смертность — резко возрастать. В середине 1991 г. эти две «кривые» встретились (то есть Россия прошла через «0» точку роста населения) и затем, не задерживаясь, продолжили идти в тех же направлениях. В результате численность населения в России стала сокращаться[7]. В 1992 г. это сокращение составило 220 тыс. чел., и далее до конца десятилетия примерно по 800 тыс. чел. ежегодно. С учетом миграционного прироста (от 400–500 тыс. в середине 90-х гг. до 200 тыс. в конце 90-х гг.) фактическое сокращение населения России составило 500–600 тыс. чел. в год[8].

Итак, с 1992 г. население России сокращается и, если бы не миграция из государств СНГ, общее сокращение было бы еще большим. За счет чего сокращается население России?

Начнем с рождаемости. Для простого воспроизводства населения необходимо, чтобы на каждую женщину за весь репродуктивный период (15–45 лет) приходилось в среднем по 2,1 ребенка. Этот показатель называется «суммарным коэффициентом рождаемости» (СКР), и он составил в 1997 г. в России 1,23. Городское население России находится сегодня на отметке 1,1. СКР с каждым годом приближается к 1,0–1,1, а после 2005 г. возможно его падение до 0,8–0,9, вследствие чего население России может сократиться к 2025–2030 гг. до 100 млн чел.[9] По данным ООН,

---

[6] См.: *Россия* перед выбором. М., 1995. С. 30–34.

[7] См.: *Россия* на пороге XXI века. М., 1996. С. 163.

[8] См.: *Кризис* семьи и депопуляция в России («Круглый стол»). Социологические исследования. 1999. № 11. С. 53.

[9] См.: Там же. С. 50–52.

Россия занимает сегодня одно из последних мест в мире по показателю естественного прироста населения (–0,6% в год) и входит в десятку стран с самой низкой рождаемостью[10].

Приведенные данные говорят о том, что за последние одно-два десятилетия произошло качественное изменение установок репродуктивного поведения женщин в России — ориентация на малодетную семью, которая не обеспечивает простого воспроизводства населения. Каковы возможные социальные последствия этой тенденции и насколько они опасны для общества? Социологи и демографы прогнозируют несколько таких последствий.

Во-первых, будет происходить дальнейшее снижение доли лиц трудоспособного возраста и увеличение доли лиц предпенсионного и пенсионного возрастов. Это увеличит нагрузку на социальные статьи бюджета и, в конечном счете, станет причиной снижения темпов экономического и научно-технического развития.

Во-вторых, нынешний резкий спад рождаемости через 18–20 лет создаст огромные проблемы с комплектованием армии, когда призыву будут подлежать рожденные в 90-е гг., даже при условии значительного численного сокращения Вооруженных Сил.

В-третьих, значительное сокращение численности населения России способно породить ощутимые геополитические опасности. Огромная протяженность границ России со странами с высокой плотностью населения и высоким уровнем естественного прироста населения на юге и юго-востоке не исключает возможности демографической агрессии со стороны этих государств по отношению к России.

С 1987 г. уровень рождаемости в России упал почти вдвое. Именно это обстоятельство привлекло вначале внимание ученых, но с 1992 г. сокращение населения стало уже определяться, прежде всего, не падением рождаемости, а ростом смертности, превышением числа умерших над числом родившихся. В России сложился невиданный для мирного времени «новый» тип воспроизводства населения: «сверхвысокая смертность — сверхнизкая рождаемость».

В современной России смертность растет во всех категориях населения. Уровень детской смертности в России сопоставим лишь со странами третьего мира. В России не доживает до 15 лет 34 из 1000 родившихся мальчиков. Это в два раза больше, чем в США и в 3,4 раза больше, чем в Японии.

---

[10] См.: *Елизаров В.В.* Демографическая ситуация и проблемы семейной политики. Социологические исследования. 1998. № 2. С. 55.

По младенческой смертности Россия отстает сейчас от развитых стран в 2 раза. Главной причиной этого кризиса признан высокий уровень абортов, по которому Россия вместе с Румынией занимает одно из первых мест в мире. Для сравнения — на 100 родов в 1992 г. приходилось абортов: в Голландии — 20, во Франции — 21, в Швеции — 30, в России — 225[11].

Смертность среди трудоспособного населения только за один 1993 г. выросла на одну треть. В этой категории населения повсеместно наблюдается рост смертности от неестественных причин. За 1993–1994 гг. она выросла по различным причинам, в частности:

от отравлений алкоголем — на 210%;

от инфекционных и паразитарных болезней — на 150%;

от болезней органов дыхания — на 42%;

от убийств — на 42%;

от самоубийств — на 35%[12].

Только в 1996 г. была отмечена некоторая тенденция замедления темпов роста смертности — число умерших в трудоспособном возрасте уменьшилась на 14% по сравнению с 1995 г.[13] В конце 90-х гг. XX в. смертность в России составляла 2,1–2,2 млн чел. в год при рождаемости 1,2–1,3 млн чел.[14]

Средняя продолжительность жизни всего населения в России держалась на уровне 68–69 лет с 1950-х по 1990-е гг. В середине 90-х гг. она упала до 64,7 года. При этом средняя продолжительность жизни мужчин составила 58,2 года, а женщин — 71,6 года.

Для сравнения приводим данные о средней продолжительности жизни в ряде зарубежных стран:

в Японии — 79 лет (76 — мужчины, 82 — женщины);

в Швеции — 78 лет (75, 80);

в США — 75 лет (72, 79);

в Англии — 75 лет (72, 78);

в Румынии — 69 лет (67, 73);

в Индии — 59 лет (58, 59)[15].

Итак, средняя продолжительность жизни мужчин в России составляет сейчас 58,2 года. Это означает, что среднестатистический

---

[11] *Россия* на пороге XXI века. М., 1996. С. 162.

[12] *Россия* перед выбором. С. 32–33.

[13] См.: *Бреев Б.Д.* К вопросу о постарении населения. Социологические исследования. 1998. № 2. С. 65.

[14] См.: *Кризис* семьи и депопуляция в России («Круглый стол»). Социологические исследования. 1999. № 11. С. 53.

[15] См.: *Россия* перед выбором. С. 33.

мужчина в Российской Федерации не сможет дожить до пенсионного возраста, и надо менять пенсионное законодательство.

Сочетание высокой смертности в трудоспособном возрасте с низкой рождаемостью ведет к быстрому старению населения и закладывает основы повышенной смертности в ближайшем будущем. Общий коэффициент смертности в расчете на тысячу человек населения составил у нас в середине 90-х гг. 15–16 промилле. С 1987 г. (10,5 промилле) он возрос в полтора раза. Для мирного времени это уникальный результат[16].

В странах, где уже давно идет старение населения, связанное с длительным периодом снижения рождаемости и ростом продолжительности жизни, в составе населения очень высока доля старых людей — и соответственно повышается коэффициент смертности. А это и есть экономически наиболее благополучные страны. И все же ни одна из развитых стран не имеет коэффициента выше 12–13 промилле, поэтому наш нынешний коэффициент — несомненный «рекорд», при том, что мы имеем вовсе не такое уж старое население, как на Западе.

Где же находится «потолок» смертности? «Рекордсмены смертности» — Эфиопия и Афганистан (20–21 промилле), где шли или идут в условиях нищеты и разрухи, гражданские войны. У нас этого уровня достигли (19–20 промилле) Новгородская и Псковская области, где вследствие многолетней миграции людей молодых возрастов очень старое население. К этому уровню приблизились Санкт-Петербург (17,5 промилле) и Москва (16 промилле). В Северо-западном регионе России, где очень старое население и условия жизни наихудшие в стране, — около 18 промилле[17]. В чем причины демографического кризиса, охватившего Россию? Вопрос сложный — управлять демографическими процессами мы еще не научились, они очень инерционны.

Сокращение численности населения захватило пока Россию, Венгрию, Болгарию и Румынию, однако и во всех остальных бывших социалистических странах также падает рождаемость и продолжительность жизни. Отсюда вывод: главная причина демографического кризиса в России состоит в том, что страна переживает переходный период. Россия отошла от одного берега и никак не пристанет к другому. Чем скорее Россия найдет свою собственную формулу развития, тем скорее демографические процессы придут в нормальное состояние.

---

[16] *Россия* на пороге XXI века. С. 163.

[17] Там же.

Сегодня российское общество находится в состоянии аномии — исчезли единые цели, ценности; многие дезориентированы, потеряли уверенность в будущем — все это непосредственно сказывается на снижении рождаемости и росте смертности. Когда Россия найдет, наконец, свой собственный путь — сразу резко упадет смертность. Смертность является, пожалуй, единственным демографическим показателем, который почти немедленно реагирует на изменение социально-экономической ситуации. С рождаемостью дело обстоит хуже — она крайне замедленно воспринимает любые изменения.

Если же говорить о конкретных направлениях демографической политики государства, то их много, и они, в общем-то, известны — это поддержка семьи, материнства, забота о детстве, молодежи, развитие здравоохранения, создание благоприятной экологической среды обитания, формирование здорового образа жизни населения и т. п. Актуальным для сегодняшней России является элементарное повышение материального уровня жизни основной массы населения, поскольку десятки миллионов людей живут на грани или даже ниже прожиточного минимума. По показателю валового внутреннего продукта, пересчитанного с учетом паритета покупательной способности, Россия находится где-то в конце седьмого десятка, далеко позади развитых стран[18].

Сегодня многие демографы и политики начинают говорить о «демографической безопасности» по аналогии с безопасностью военной, политической и экономической. Речь идет о том, что депопуляция (потеря до 50 млн чел. населения в ближайшие три десятилетия) может стать решающей для судьбы России в XXI в. Территория России охватывает одиннадцать часовых поясов, однако две трети этой территории (к востоку от Урала) заселены так же, как и в эпоху неолита — менее 1 чел./км^2. Плотность населения России (12 чел./км^2) в три раза меньше среднемировой и в 30 раз меньше, чем в Японии, Бельгии и других европейских странах. И если в Европе низкая рождаемость не вызывает особых опасений, то применительно к России убыль 50 млн населения способна стать фактором разрушения территориальной целостности государства[19].

Сегодня стало вполне очевидно, что государство и общество в целом должны иметь ясные приоритеты демографической политики,

---

[18] См.: *Елизаров В.В.* Указ. раб. С. 57.

[19] См.: *Антонов А.И.* Демографическое будущее России: депопуляция навсегда? Социологические исследования. 1999. № 3. С.

под которыми следует понимать оптимальный уровень количества и качества населения в конкретный исторический период. Вместе с тем, необходимо отдавать себе отчет в том, что задача эта чрезвычайно сложна. До сих пор демографы ограничиваются констатацией существующих тенденций в изменении численности и состава населения и отдельными прогнозами на будущее, которые, кстати, очень часто не подтверждаются. Пока механизм влияния на демографические процессы со стороны общества и государства изучен недостаточно, особенно в неблагоприятных, кризисных ситуациях, в одной из которых и находится Россия.

Проблемы семьи и брака, рождаемости и смертности были актуальны во все времена и у всех народов независимо от общественного строя и политических порядков. Эпохи стабильности в развитии семейно-брачных отношений сменялись эпохами критическими, переходными, и каждой из них сопутствовал свой способ воспроизводства населения (характер соотношения рождаемости и смертности). Переходы от матриархата к патриархату и от полигамии к моногамии сопровождались кардинальной перестройкой всех общественных отношений. Эпоха цивилизации опиралась на семью супружескую, моногамную, которая претерпела эволюцию от семьи расширенной, многодетной до современной нам малодетной (или даже бездетной) нуклеарной семьи. Повсеместное падение рождаемости и общее постарение населения в наиболее развитых, благополучных странах — следствие этой эволюции. Очевидно, что современное общество переживает очередную критическую, переходную эпоху в развитии семейно-брачных отношений. Мы находимся, видимо, только в начале этой эпохи, и контуры новых форм семьи и брака еще не определились, однако их появление неизбежно, о чем говорит весь предшествующий опыт мировой истории.

ГЛАВА VII

ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПОСЕЛЕНЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА

1. Поселение как социально-культурная среда и социальная общность

Жизнь отдельного человека и разнообразных сообществ людей протекает в конкретном географическом пространстве и всегда имеет определенную территориальную проекцию. Условия природной среды и концентрация природных ресурсов определяют численность и плотность населения в той или иной местности. Территориальная близость людей создает возможность для их общения, а плотность населения в пределах конкретной территории определяет частоту социальных контактов. Горы, пустыни, непроходимые леса, моря и океаны препятствуют взаимодействию людей друг с другом и служат естественными границами для расширения сообществ. Дороги, современные виды транспорта, средства связи уменьшают пространственную разобщенность людей и способствуют их общению. Там, где плотность населения велика, люди регулярно обмениваются идеями, товарами, лучше узнают обычаи друг друга; там растут и распадаются социальные общности и группы, бурно течет общественная жизнь. Там, где плотность населения мала — на Крайнем Севере, в пустынях, в тропических джунглях — развитие общества как бы «замирает». Социология как наука об обществе изучает процессы возникновения и распада человеческих сообществ, поэтому она не может обойти стороной влияние географических факторов на социальную структуру общества.

Социология в отличие от географии или экономической науки имеет «свой взгляд» на описание территории. Если географа интересует положение населенного пункта в пространстве, окружающая его природная среда (ландшафт, климат и т. д.), экономиста —

производственный потенциал поселения (наличие промышленных объектов, профессиональная занятость населения, наличие узлов коммуникаций — морских портов, аэродромов, железнодорожных станций и т. д.), то *социолог изучает устойчивые общности и социальные группы, возникающие в результате совместного проживания в том или ином населенном пункте, а также влияние, которое оказывает тип поселения на образ жизни отдельного человека и локального сообщества людей.*

Для описания иерархии различных видов поселений и соответствующих им территориальных общин, а также многообразных связей и отношений между людьми, возникающих в процессе расселения и освоения территории, в социологии используется понятие *«территориально-поселенческая структура общества».*

Постоянные жилища впервые появились у людей в эпоху неолита (конец каменного века, 8–3 тысячелетие до н.э.) в тех районах, где начинало развиваться земледелие. До этого времени сообщества охотников и собирателей вынуждены были постоянно менять место жительства, следуя за стадами животных, вести кочевой образ жизни и строить только временное или сезонное жилье. Переход к производящему хозяйству и, прежде всего, к земледелию как виду деятельности, связанному с долговременным и интенсивным освоением территории, вызывал потребность в строительстве постоянных жилищ. Концентрация людей в местах сосредоточения необходимых для жизни ресурсов естественным образом привела к образованию поселений, которые стали постоянным или сезонным местом обитания человека. На Ближнем Востоке, где возникли первые земледельческие цивилизации, археологами обнаружены одно- и многоэтажные дома с каменными фундаментами и стенами из сырцового кирпича, относящиеся к восьмому тысячелетию до н.э. По функциональным признакам дома объединялись вгруппы, и уже в *восьмом — седьмом тысячелетиях до н.э.* в Месопотамии появились поселения с регулярной застройкой, укреплениями, культовыми сооружениями, которые стали общественными центрами отдельных территорий.

Как в обыденной речи[1], так и в научной литературе[2] термин «поселение» трактуется примерно одинаково: как населенное место, населенный пункт, постоянно или сезонно обитаемое место в отличие от «пустоши», необжитой местности. Признаками поселения являются: 1) наличие капитальных зданий и сооружений

[1] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1980. Т. 3. С. 331.

[2] *Демографический* энциклопедический словарь. М., 1985. С. 339.

(в отличие от переносных строений в кочевьях); 2) пространственная локализация и территориальная общность жилищ, мест приложения труда, объектов производственной и социальной инфраструктуры, зон отдыха и т. д.; 3) наличие географического наименования (топонима).

Социология рассматривает поселение как культурную среду, в которой разворачивается разнообразная деятельность индивида, происходит его первичная социализация, формируется особый образ жизни.

Во-первых, тип поселения во многом предопределяет вид трудовой деятельности, которым может заниматься человек, и, следовательно, выбор профессии. Молодые люди, живущие в отдаленной деревне, объективно, независимо от их желания и воли, ограничены в выборе профессии двумя-тремя десятками специальностей (механизатора, доярки, полевода и т. п.). В то же самое время их городские сверстники, особенно жители столиц и крупных индустриальных центров, могут выбирать для себя сотни профессий, в том числе самые престижные. Сельскому жителю для того, чтобы стать космонавтом, киноактером или банкиром, неизбежно придется покинуть родные места и перебраться в город. Но и после получения образования по одной из названных специальностей бывший селянин не найдет на своей малой родине работы «по профилю», так как в сельской местности сложился спрос на иные профессии, — космонавты там не нужны.

Во-вторых, оказывая влияние на выбор профессии, тип поселения предопределяет возможность получения образования и, в значительной мере — возможность приобщения индивида к ценностям культуры. Крупнейшие музеи, библиотеки, картинные галереи, научные центры, университеты и иные высшие учебные заведения сосредоточены в городах. Путь М.В. Ломоносова, пришедшего из далеких Холмогор в Москву за знаниями, в каждом новом поколении повторяют тысячи и тысячи молодых россиян. Конечно, современные средства телекоммуникации уменьшили информационную изоляцию сельского населения (телевизор и радиоприемник теперь есть почти в каждом доме), но это еще не позволяет говорить о равных возможностях горожанина и жителя села в освоении культурных ценностей: телевизионный фильм об Эрмитаже или Третьяковской галерее не может заменить непосредственных впечатлений от их посещения.

В-третьих, в зависимости от типа поселения неодинаковые возможности предоставляются людям для проведения досуга и организации быта. Ходить на дискотеку или в кафе, иметь в доме

центральное отопление, горячую воду и газ может позволить себе в России горожанин, житель рабочего поселка или, в лучшем случае, житель центральной усадьбы какого-либо совхоза, но никак не обитатель сельской глубинки. Житель села, получающий основные продукты питания из своего приусадебного хозяйства, вынужден тратить на обработку земли и уход за домашними животными те часы досуга, которые горожанин может использовать для просмотра телепередач, чтения книг, посещения театров, дискотек и прочих увеселительных заведений. Отсутствие учреждений культуры (клубов, кинотеатров и т. д.) в сельской местности усугубляет положение дел и предопределяет иные, чем у горожан формы проведения свободного времени.

В-четвертых, неравномерное распределение по территории органов управления, ограниченные возможности местного политического представительства приводят к тому, что общественно-политическая активность людей, возможность их участия в политической жизни страны зависят от типа поселения. Как правило, наиболее бурно политическая жизнь течет в столицах и иных административных центрах, а на местном уровне в периферийных районах политическая активность естественным образом «сходит на нет».

В-пятых, различные типы поселений существенно отличаются друг от друга по численности и плотности населения, что, в свою очередь, ведет к различиям в частоте и характере социальных контактов, к разнообразию типичных форм общения. Житель города в течение одного трудового дня может вступить в контакт с таким количеством людей, с каким сельский житель не сможет встретиться и за неделю. Частота контактов оказывает обратное влияние на формы социального взаимодействия. Так, привычная для российской сельской глубинки норма этикета — здороваться со всеми встречающимися в дороге путниками — не может быть реализована в большом городе в силу чрезвычайно высокой интенсивности социальных контактов.

Эксперименты психологов в лабораториях и наблюдения за людьми, живущими в условиях тесных пространственных контактов, выявили отрицательное влияние скученности на здоровье человека. Субъективное переживание чувства «тесноты» не обязательно вызывается наличием большого количества людей, оно возникает тогда, когда другие люди вторгаются в «личное пространство» индивида, нарушают дистанцию общения. Неспособность защитить личное пространство вызывает у человека ощущение тревоги, психическую напряженность, а иногда — немотивированную

агрессию. Так проявляется обнаруженный психологами в городских условиях «стресс перенаселенности»[3].

Наконец, тип поселения оказывает влияние на человека, непосредственно на его психику, в силу того, что является искусственной, рукотворной средой обитания. В одних случаях, когда здания и сооружения гармонично сочетаются с окружающей природой, облик населенного пункта вызывает благоприятные эмоции, чувство комфорта; в других — монотонный ритм типовой застройки, антигуманный масштаб зданий, например «небоскребов», приводят к «эмоциональному голоду»[4] и угнетению человеческой психики.

Таким образом, тип поселения оказывает многостороннее воздействие на личность, на ее образ жизни и характер межличностных отношений.

В обыденном понимании территориальная общность людей не отличается от типа поселения, в котором она существует. Между тем не все люди, живущие в данный момент в пределах какого-то населенного пункта, составляют сообщество. Обыденная речь достаточно чутко передает это отличие делением на «коренных жителей» и «приезжих», например, противопоставлением коренных москвичей и «лимитчиков», «деревенских» и «дачников» и т. д. В западной социологии для описания сообщества людей, образующегося по месту жительства, используется термин «community», что в переводе с английского означает «община». Поскольку в отечественной социологической науке не разработано понятия для описания подобного явления, то мы, отталкиваясь от сложившейся научной традиции, в дальнейшем будем вести речь о *местных* или *территориальных общинах*.

Длительное проживание людей в одном месте ведет к возникновению разнообразных социальных связей между ними и формированию территориальных общностей со своими нормами, обычаями и традициями. Следует сказать, что, как и семья, «сообщества по месту жительства» образуются *естественным образом*, тем самым отличаясь от деления населения по административно-территориальному признаку (житель города, деревни или поселка городского типа). С течением времени из сообщества людей, объединенных внешними обстоятельствами (проживанием на одной территории), образуется территориальная община, обладающая всеми признаками социальной группы: устойчивостью и продолжительностью

---

[3] См.: *Комаров М.С., Шидрина Л.Э.* Социально-психологические последствия урбанизации // Вопросы философии, 1981. № 2.

[4] См.: *Яргина З.Н.* Эстетика города. М., 1991. С. 11.

существования; наличием общих целей и совместной деятельности; наличием общей системы ценностей и норм поведения; формированием у представителей общины чувства принадлежности к группе, ощущения «мы — группа» (часто это выражается в ношении какого-либо группового символа) и т. д. В отличие от некоторых целевых социальных групп и от формальных организаций местные общины *содержат цель в самих себе*: поддержание многосторонних социальных связей, объединяющих жителей данной местности, и совместную эксплуатацию территории; иные направления деятельности являются производными.

Община является пространством, в котором формируются узы общественной солидарности: именно соседи, как правило, оказывают помощь в экстренной ситуации. Это может быть помощь в разрешении небольших повседневных проблем (дать взаймы немного соли, денег; дать во временное пользование какую-то вещь) и помощь в разрешении серьезных кризисов (дать приют погорельцам, помочь в случае неожиданной смерти или болезни близкого человека и т. д.).

Важнейшим видом общественных отношений в территориальных общинах являются *отношения соседства*. На их основе формируется система статусов и социальных ролей, они оказывают влияние на другие виды отношений (экономические, духовные) в местном сообществе. Соседи являются той незримой границей, за которой заканчивается личное пространство индивида и начинается пространство общественное. Они могут не быть ни друзьями, ни родственниками, т. е. между соседями не обязательно существует кровная или духовная общность, но в то же время они являются «ближайшими чужими» — людьми, в силу проживания «бок о бок» близко знакомыми с личными качествами друг друга и, благодаря этому, формирующими первичное общественное мнение о человеке. Иными словами, наряду с семьей и трудовым коллективом, территориальная община выступает в качестве первичной группы, осуществляющей социальный контроль и социализацию личности, приобщение ее к нормам общежития.

В истории человечества существовало несколько видов территориальных общин, поэтапно сменявших друг друга. Наиболее древней формой была родовая община, существовавшая при первобытно-общинном строе. С появлением аграрных обществ — рабовладельческих и феодальных — ей на смену пришла соседская сельская община и территориальная община (полис, коммуна) в античных и средневековых городах. При переходе к индустриальному обществу территориальные общины, как в сельской местности,

так и в городах, утратили свои основные функции и превратились либо в органы местного самоуправления, либо в мельчайший элемент административно-территориального деления в государстве.

2. Основные типы поселений и виды социально-территориальных общностей

Вслед за географами социологи традиционно делят социально-территориальные общности на два основных вида — деревню и город.

Деревня (село) — такой тип поселения, который характеризуется низкой плотностью домохозяйств в пределах данной территории, немногочисленным (не более нескольких тыс. чел.) населением, занятым преимущественно сельскохозяйственным трудом, возможностью многосторонних и регулярных личных контактов жителей друг с другом. Важнейшими особенностями сельского типа расселения являются теснейшая связь с окружающей природной средой и высокий уровень социального контроля.

Природно-климатические условия определяют основные виды сельскохозяйственного производства в данной конкретной местности (земледелие в средней полосе России, рыболовство и добыча морского зверя на Севере, животноводство в Калмыкии или на Северном Кавказе), сезонный ритм труда и отдыха (ненормированный и интенсивный труд в период сбора урожая и временная безработица зимой) и даже особенности местной кухни. Сельский житель более гармонично связан с окружающей природой, чем горожанин, живущий в искусственной техногенной среде.

Наиболее древней формой территориальной общины является родовая и исторически следующая за ней традиционная соседская община. В архаических аграрных обществах они выполняют всю совокупность важнейших общественных функций — экономических, бытовых, управленческих, культурных, религиозных и представляют собой замкнутый самодостаточный мир. Многие общественные функции, например, функция управления, еще не отделены друг от друга и не закреплены за определенными группами людей. Сплетенная из повторяющихся устойчивых родственных и соседских связей среда традиционной общины способствует формированию стабильных, передаваемых из поколения в поколение норм и образцов поведения. Прочному закреплению ценностей, норм и культурных образцов способствуют эффективная система социализации, реализуемая через семью, совместную трудовую деятельность, исполнение общинных обрядов и религиозных ритуалов,

а также надежная система социального контроля, влиятельное общественное мнение.

В этих условиях индивид не отделяет себя от общины и ее культуры, не идентифицирует себя как отдельную личность. Для человека той эпохи микромир патриархальной общины, в котором он жил, практически полностью совпадал с макромиром — обществом, поскольку все связи с последним осуществлялись через общину.

Относительная малочисленность и стабильность сельских сообществ способствуют установлению регулярных и устойчивых родственных, соседских связей, консервации местных обычаев и традиций. Круг общения жителя деревни, как правило, ограничен соседями, родственниками и односельчанами, а повседневная пространственная подвижность не превышает 5—10 км при слабо развитых средствах сообщения и 50—70 км — при высокоразвитых. Это значительно облегчает социальный контроль за индивидом: в сельском сообществе, где человек постоянно находится «на виду», гораздо труднее скрыть неблаговидные поступки или нарушения групповой морали, чем в безликом городском «муравейнике», а местное общественное мнение является мощным средством воздействия на нарушителя. Высокий уровень социального контроля в деревне предопределяет и более низкий по сравнению с городом уровень преступности.

В России патриархальная крестьянская община существовала с глубокой древности вплоть до второй половины XIX в. Земельная реформа 1861 г. положила начало ее разрушению, а столыпинская аграрная реформа 1910-х гг. окончательно подорвала экономическую основу сельской общины. Но вплоть до начала 1920-х гг., в период революции и гражданской войны, общинное самоуправление сохраняло свое влияние и было вытеснено советами — административной структурой нового социалистического государства.

Сокращение численности сельского населения — естественная тенденция, связанная со становлением индустриального общества. Применительно к России впечатляют лишь масштабы и темпы этого процесса: если в 1917 г. в деревне проживало 83% населения, то в 1993 г. — 26,5%. За период жизни менее чем трех поколений численность жителей российского села сократилась на 36,1 млн человек. В настоящее время по доле сельских жителей в общей численности населения Россия находится в одном ряду с такими странами, как Бельгия (28% сельских жителей), Испания (26%), Канада (24%) и США (23%). Для сравнения следует сказать, что во многих индустриально-развитых странах численность сельского

населения еще ниже и колеблется от 15% (ФРГ, Новая Зеландия) до 9% (Великобритания).

В результате индустриализации и продолжавшегося несколько десятилетий оттока населения из деревни сложилось несколько уровней противоречий, вызванных региональными или местными различиями и оказывающих влияние на структуру сельского расселения. Во-первых, это противостояние провинциальных и столичных областей: последние являются более привлекательными для мигрантов благодаря относительно высокому качеству жизни и близости к культурным центрам. В региональном или областном масштабе данное противоречие преобразуется в противостояние пригородных деревень (или поселений, лежащих в зоне влияния районных, областных центров, благодаря близости к транспортным магистралям) и сельской «глубинки». Наблюдения демографов показывают, что при общем сокращении численности деревенских жителей население пригородных и придорожных сел может даже расти. Наконец, на уровне отдельного сельскохозяйственного предприятия, как правило, заметен контраст между центральными усадьбами хозяйств и отделениями («рядовыми» поселениями). Названные противоречия определяют основные направления миграционных потоков сельских жителей и позволяют выделить те элементы территориально-поселенческой структуры, которые более всего подвержены деградации.

Современные исследования социального развития села показывают, что к концу XX в. в России сложилось шесть типов районов сельского расселения[5]:

1. *Обезлюдевшая среднерусская деревня.* Для нее характерна интенсивная миграция в промышленные центры, низкий естественный прирост населения и как следствие — максимальное сокращение числа сельских жителей, резкие диспропорции половозрастной структуры (преобладание стариков и женщин); неблагоустроенность села, низкая эффективность сельского хозяйства, низкие доходы. Первоначально в эту группу входили области нечерноземной зоны России, но в последние десятилетия к ним прибавилось большинство промышленно освоенных областей Центрального Черноземья. Сейчас к этому ареалу относятся почти все территории, на которых исторически формировался русский этнос и которые в прошлом составляли ядро российской государственности.

---

[5] См.: *Крапчан С.Г.* Село Российской Федерации: социально-региональная структура. Новосибирск, 1989. С. 187.

2. *Традиционно-патриархальная национальная деревня.* Типична для нерусских этносов в регионе Северного Кавказа, некоторых районах Поволжья, Сибири и Алтая. Для нее характерен традиционный тип репродуктивного поведения (высокий естественный прирост населения, несмотря на относительно высокую детскую смертность), половозрастная структура не нарушена. Данный тип расселения отличается низкой эффективностью аграрного производства, чрезвычайно низким уровнем механизации труда, преимущественно натуральным хозяйством, невысокими доходами, скрытой сельской безработицей среди молодежи. Он позволяет «консервировать» традиционные типы общественных отношений и поддерживать высокий уровень социального контроля.

3. *Индустриально-развивающаяся национальная деревня.* Этот тип расселения является производным от традиционно-патриархального, но отличается более урбанизированным образом жизни. Ареал распространения данного типа расселения граничит с регионами традиционной патриархальной деревни, включая в себя целинные и залежные земли, осваивавшиеся преимущественно в советское время. Здесь сохраняется традиционная модель воспроизводства с высокой рождаемостью, сельскохозяйственный труд механизирован, имеется полный набор предприятий сферы обслуживания. Доходы населения выше, чем при традиционном типе расселения, личное приусадебное хозяйство ведется эффективно и ориентировано на расширенное товарное производство.

4. *Благополучная южная аграрная деревня.* Эти регионы (Ставропольский и Краснодарский края, Ростовская область и др.) — основные производители сельскохозяйственной продукции в России. Производство в них хорошо обеспечено техникой, инвестициями и квалифицированным трудом. Здесь высокая эффективность сельскохозяйственных предприятий и личного подсобного хозяйства, которое, как правило, носит товарный характер, относительно высок уровень доходов сельских жителей. Постепенное старение сельского населения в этих регионах сочетается с его умеренным оттоком в город.

5. *Урбанизированная аграрно-индустриальная деревня.* Это наиболее благоприятный тип расселения. Здесь самая развитая сеть дорог и городских поселений, преобладает пригородное сельскохозяйственное производство с интенсивными технологиями, высоким уровнем механизации и энерговооруженности, уровень заработной платы — самый высокий по сравнению с другими типами расселения, а демографическая ситуация — благоприятная. Отрицательное миграционное сальдо постепенно сменяется

на положительное, и эти области становятся полюсами миграционного притока. Выделяют два вида урбанизированной деревни: в староосвоенных регионах европейской части России (преимущественно — вокруг крупных городов) и в районах нового освоения в азиатской части.

6. *Несельскохозяйственная зона Крайнего Севера и Дальнего Востока* не является «деревней» в традиционном значении этого слова. Здесь преобладают поселки строителей, нефтяников, газовиков, железнодорожников и т. д. За счёт притока мигрантов население этих регионов — сравнительно молодое, демографическая структура — сбалансированная. Особенностью является высокая подвижность населения и интенсивная маятниковая миграция (при освоении территории «вахтовым» методом), что не способствует формированию стабильных поселенческих общностей с надежной системой социального контроля. В данном типе расселения преобладает индустриальный труд, работники отличаются высоким уровнем квалификации, образования и доходов. Централизованное ведомственное снабжение освобождает их от необходимости заниматься личным подсобным хозяйством. В 1990-х гг. в связи с экономическими трудностями начался интенсивный отток населения из таких поселений на Севере и Дальнем Востоке.

С началом 1990-х гг. связаны неординарные явления в процессе миграции из села в город: численность городского населения России стала сокращаться, а сельского — расти. Соответственно, увеличилась и доля сельского населения в составе населения страны. В первые годы реформ 1990-х гг. произошел «рывок» населения из городских поселений в сельскую местность как более устойчивую к социально-экономическим потрясениям. К тому же в этот период именно в сельской местности расселялась большая часть эмигрантов в Россию из других республик бывшего СССР (в том числе вынужденных переселенцев). В результате с 1991 по 1995 гг. численность сельского населения в стране выросла на 1,3 млн чел. (или на 3,4%). Но затем, как и городское, оно стало сокращаться, уменьшившись к 1998 г. на 0,4 млн человек (или на 1% от численности на начало 1995 г.). Тем не менее, к 1998 г. по сравнению с 1991 г. численность сельского населения все-таки выросла на 2,3%[6]. В перспективе, в связи с общей тенденцией сокращения численности населения России, численность сельских жителей также будет сокращаться.

---

[6] *Симагин Ю.А.* Соотношение городского и сельского населения в России (1991–1997 гг.) // Социологические исследования. 2000. № 1.

Характерной особенностью современного мирового развития является бурный рост городов, которые становятся центрами экономической, политической и духовной жизни каждой страны, но одновременно — узлами противоречий, точками пространства, в которых социальные конфликты общества представлены в концентрированном виде. Процесс абсолютного и относительного увеличения городского населения заметно ускорился в период научно-технической революции. Если в 1800 г. горожан было 3% всего населения мира, в 1900 г. — 13%, то к концу XX века их стало по разным оценкам от 65 до 70% от численности всего населения Земли.

Город — тип поселения, характеризующийся наличием единого замкнутого пространства, в котором находится совокупность жилищ (в древности границей такого пространства служили городские стены), большой численностью и высокой плотностью населения, высокой степенью разнообразия и интеграции профессиональной деятельности жителей, преимущественно анонимным характером их контактов.

В научной литературе понятие «город» трактуется далеко не однозначно. Одни авторы относят к городам населенные пункты с высокой плотностью населения и значительным числом жителей, другие — с преобладанием торговли и промышленности, третьи — с отсутствием сельскохозяйственной деятельности, четвертые — со значительной ролью в экономической, политической и культурной жизни региона. Все перечисленные выше признаки в той или иной степени присущи городам и указывают на характерные черты этого типа поселения, но, по нашему мнению, для того, чтобы получить целостное представление о городе как социальном феномене, его следует рассматривать не столько в отличие от деревни, сколько во взаимосвязи с ней, исследуя влияние природно-географических, экономических, политических, культурных факторов на эволюцию обоих типов расселения.

Исторический подход к исследованию городов показывает, что специализация и концентрация трудовой деятельности человека оказывают решающее влияние на возникновение и рост городских поселений. Поселения и постоянные жилища появляются у людей тогда, когда они переходят к производящему хозяйству и начинают вести оседлый образ жизни. Но занятие земледелием и скотоводством требует значительных земельных угодий и объективно устанавливает пределы концентрации населения в той или иной местности. Только отделение ремесла от земледелия положило начало возникновению городов и отделению города от деревни.

Занятие ремеслом не было связано с использованием земли, а значит, не требовало пространственной разобщенности людей. Наоборот, оно предполагало концентрацию ремесленников либо там, где находились источники сырья, либо там, где были потребители их продукции. Обособление ремесла в рамках общественного разделения труда было тесно связано с развитием товарного обмена, а это, в свою очередь, приводит к обособлению торговли от производства. Рынок становится необходимым атрибутом городской жизни и притягивает население не только из близлежащих местностей, но и из других стран. О «городе» в экономическом смысле этого слова можно говорить лишь там, где местное население удовлетворяет существенную часть своих повседневных потребностей на местном рынке. Каждый город в указанном смысле есть «рыночное поселение», в отличие от натурального хозяйства античной латифундии или феодальной вотчины, так как в силу узкой специализации горожанин не может длительное время существовать без рынка, где он обменивает свои ремесленные изделия или предметы торговли на продовольствие. В случае разрыва торговых связей с сельской местностью в течение длительного времени (в результате войн, стихийных бедствий, изменения торговых путей) население городов вынуждено мигрировать, а сами города постепенно приходят в упадок и теряют свой статус.

Другими градообразующими факторами являются развитие военной, административно-управленческой и религиозной деятельности. Значение слова «город» в русском языке — «крепость, крепостица, укрепленное стенами место внутри селения, кремль»[7] — прямо указывает на выполнение данным типом поселения функций защиты территории и контроля над ней. Многие старинные русские города, такие как Брянск, Тула, Кашира, Коломна, Рязань были основаны в качестве крепостей на границе с Великой Степью. Наличие постоянного гарнизона стало одним из атрибутов большинства античных и средневековых городов.

Параллельно с развитием военных функций росло и административное значение городских поселений как центров управления окружающей территорией, чему способствовала относительно высокая концентрация населения и защищенность городского пространства. Административное и политическое значение столичных городов обычно закреплялось и символическим образом, благодаря перемещению туда важнейших храмов, религиозных святынь данного народа и переезду в столицу высшего духовенства.

---

[7] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т. 1. С. 380.

Таким образом, в ходе исторического развития в городе концентрируется все больше и больше различных форм жизнедеятельности, в то время как на селе происходит их обеднение. Такая концентрация разнообразной деятельности, естественно, создает городам превосходство в экономическом и социальном развитии. К тому же, как правило, города возникают на транспортных магистралях (в древнем мире — по берегам рек и морей, сейчас — на линиях и пересечениях железных и автомобильных дорог), что способствует улучшению контактов между жителями разных территорий, развитию общения, знакомству с новыми культурными образцами, ценностями и нормами.

Территориальные общины, возникающие в городах, являются дальнейшим развитием сельской общины и выполняют всю совокупность важнейших общественных функций: управленческих, экономических, культурных, религиозных. Более того, если сельские общины с появлением таких социальных институтов, как государство и церковь теряют свою самодостаточность и передают им часть своих функций, городские общины в своем законченном и совершенном виде — такие, как древнегреческие города-государства (полисы) или вольные города средневековой Европы — приобретают дополнительные функции (военную, внешнеполитическую) и приравниваются по своему статусу к государству.

Если в сельских общинах важную роль играют родственные и клановые связи, то в городских на первое место выходят корпоративные и правовые отношения. Города во всем мире возникают как совместные поселения чуждых по местожительству людей, различающихся обычаями, традициями, религиозными верованиями. Поэтому со временем над традиционными клановыми, племенными нормами неизбежно устанавливаются нормы права, обязательные для всех членов городской общины, появляется *гражданство* данного города. Принятие гражданства в античном или средневековом городе означало, что человек становился полноправным членом городской общины и освобождался от любых видов личной зависимости (в средневековой Европе бытовало выражение «городской воздух приносит свободу»); при этом гражданин должен был приносить клятву верности своему городу. Городская община существовала как коммуна — *союз свободных и равноправных граждан*, отстаивавших общие экономические, военные и политические интересы. Внутри этого союза граждане выступали как представители корпоративных объединений — купеческих гильдий или ремесленных цехов, крупных семейств или кланов, связанных, как правило, общими экономическими интересами.

Так же как и сельские общины, сообщества горожан в античную эпоху и в средние века отличались высоким уровнем сплоченности и социального контроля.

Положение стало меняться с началом промышленной революции и становлением капиталистического общества. Если отделение ремесла от земледелия привело к возникновению древних городов, то развитие машинного производства и промышленная революция дали мощный толчок для дальнейшего разделения и интеграции различных видов деятельности и привели к качественно новому этапу в развитии городских поселений. Крупномасштабное индустриальное производство, как никогда раньше, способствовало концентрации рабочей силы, промышленного и финансового капитала, насыщению рынков массовой дешевой продукцией, развитию новых потребностей. Научное ведение сельского хозяйства позволило одному крестьянину кормить значительно большее количество горожан, а рост промышленности создал мощный миграционный поток и позволил занять в городе бывших сельчан. Большие скорости, грузоподъемность и пассажировместимость современного транспорта, развитие сети железных и автомобильных дорог, телекоммуникаций значительно повысили подвижность и интенсивность социальных контактов всего населения, а также позволили оперативно управлять из единого центра огромными территориями. Развитие санитарии, системы здравоохранения существенно уменьшили уровень смертности и также вероятность массовых эпидемий в больших городах. Совершенствование градостроительной техники прямо сказалось на темпах и масштабах строительства, на облике индустриальных городов. Именно в период промышленной революции крупнейшие мегаполисы мира обрели свой современный вид: геометрически правильные транспортные пути, доминирование делового центра, районов крупнейших фабрик и заводов, четкое отделение дома от работы, гигантские приливы и отливы населения в соответствии с ритмом рабочего дня и т. д.

Бурный рост населения в крупных городах в процессе индустриализации привел к эволюции или разрушению традиционных городских общин. Социальная мобильность горожан и сельских жителей резко выросла: в поисках работы люди снимаются с места, переезжают из города в город, тем самым разрывая связи со своей территориальной общиной. Число жителей современных мегаполисов огромно в сравнении с населением деревень и поселков, поэтому лишь немногие из горожан знакомы между собой. Расселение людей в многоквартирных домах способствует анонимности

и замкнутости их поведения. Значительное увеличение частоты и интенсивности социальных контактов привело к изменению форм общения: они становятся более поверхностными, безличными, формальными. Нормальные первично-групповые, традиционные межличностные связи заменяются в больших индустриальных городах вторично-групповыми, утилитарными. Родственники и друзья часто живут далеко друг от друга, так что круг постоянного общения индивида сужается и сосредоточивается в семье, по месту работы или в местах регулярного проведения досуга. Статус жителя большого города мало зависит от его положения в общине по месту жительства, а определяется занимаемой на работе должностью и количеством собственности, которой он владеет.

Традиционная территориальная община разрушается, ее заменяют массовидные общности — временные случайные объединения людей, одинаково реагирующих на внешние стимулы (например, на воздействие пропаганды или рекламу), но действующих индивидуально, независимо друг друга.

Исследование социологами процесса роста индустриальных городов позволило выявить такой феномен социальной структуры, как *маргинальные социальные группы*. Понятия «маргинальность», «маргинальная личность», «маргинальная социальная группа» введены американским социологом *Р. Парком* во второй половине 20-х гг. XX в. для обозначения социально-психологических последствий неадаптации мигрантов (иммигрантов) к требованиям городского образа жизни. Маргинальность (от латинского marginalis — находящийся на краю) — промежуточное, пограничное состояние личности или группы людей, оторванной от привычной им среды, образа жизни, культуры и испытывающих затруднения в освоении новых норм, ценностей и образцов поведения. Маргинальные личности и социальные группы занимают положение *между* слоями и классами в социальной структуре общества, находятся на границе двух или более культур (субкультур), усваивая ценности как одних, так и других.

В территориально-поселенческой структуре все многообразие маргинальных групп можно условно разделить на два вида: «мигранты» и «изгои». «Мигранты» — люди, приехавшие в данную территориальную общину со стороны на временное или постоянное место жительства, по своим культурным установкам и образу жизни отличающиеся от местных жителей (старожилов). В положении мигранта-маргинала может оказаться русский (украинец, поляк, итальянец, китаец), эмигрирующий в Канаду или США; осевший на территории России беженец или «вынужденный переселенец»

из «горячих точек», бывших союзных республик СССР, других государств — русский, армянин, турок-месхетинец, чеченец, таджик, курд, эфиоп и т. д; иностранный рабочий: турок, югослав в Германии, украинка, белорус, армянин — в России; наконец, в любой стране это может быть человек, приехавший из сельской глубинки в большой город. К «изгоям» можно отнести те маргинальные социальные группы, члены которых некогда принадлежали к местному территориальному сообществу, но в силу своих культурных установок и образа жизни были им отторгнуты и опустились на «социальное дно». Сюда относятся бомжи и бездомные, беспризорные, «профессиональные» нищие, лица, возвращающиеся из мест заключения, компании наркоманов, криминальные элементы и др. Деление на два вида условно, так как конкретный человек может одновременно принадлежать к нескольким маргинальным группам, например, таджик-беженец, просящий подаяние на улицах Москвы; или русский эмигрант, бывший офицер, работающий в Париже таксистом.

Часть маргиналов — «изгоев» относятся к «социальному дну», к слоям, занимающим низшее положение в социальной структуре любой страны, но отождествлять все виды маргинальных групп с люмпенами (от нем. lumpen — лохмотья) было бы неверно. Эмигрант, житель села, приехавший на заработки в город, беженец находится как бы на распутье, он должен приспособиться к новому образу жизни, новой культуре, новым жизненным ценностям. От его способности адаптироваться зависит, окажется он на «социальном дне» или нет. Люди, впервые «скатившиеся вниз», также не сразу принимают образ жизни, ценности и культурные установки, принятые среди бомжей, бездомных и уголовных элементов (вспомним, например, персонажей пьесы М. Горького «На дне»). Главное, что объединяет всех маргиналов — это существование в условиях культурного конфликта: стремясь включиться в «доминирующую группу» общества, члены «подчиненных групп» (эмигранты, бывшие сельские жители и т. д.) приобщаются к ее культурным стандартам; формирующиеся таким путем «гибриды» неизбежно оказываются в «маргинальной» ситуации — на краю доминирующей группы, которая их полностью не принимает, и вне группы происхождения, отторгающей их как отступников. Трудности адаптации порождают у большинства маргинальных личностей длительный психологический стресс, что порождает разнообразные формы протеста: от иллюзорных попыток уйти от мира с помощью алкоголя или наркотиков (в крайнем случае — с помощью самоубийства) до массовых беспорядков на национальной почве. Раздвоение сознания между нормами старой и новой культуры приводит к тому,

что у части маргиналов вырабатывается негативное отношение к социальным нормам вообще, что подталкивает их к различным формам асоциального поведения, в том числе — к преступлениям. Именно по этой причине маргиналы, «люди без корней», в любой стране привлекают внимание правоохранительных органов.

Ликвидация территориальных общин в больших индустриальных городах приводит к тому, что неформальные виды социального контроля, действовавшие в прошлом, заменяются формальным контролем со стороны государства и его институтов. Формальные организации, такие, как полиция (милиция), суд, прокуратура и т. д., с помощью угрозы применения силы способны заставить людей соблюдать лишь минимум норм, но они не могут укрепить их сплоченность и солидарность.

Ослабление социального контроля в больших городах ведет к росту преступности и различных видов отклоняющегося поведения, с которыми правоохранительные органы не всегда могут справиться. Так, на начальном этапе роста больших городов в России в конце 1920-х гг. городские жители, составлявшие менее 20% населения страны, совершали преступлений в 3,7 раза больше, чем жители села (свыше 80% населения страны в тот период). К концу 1980-х гг., когда свыше 70% населения составляли горожане, этот разрыв составил 1,5–1,6 раза. Относительно высокий уровень преступности является типичной социальной проблемой больших городов в любой стране мира наряду с безработицей или перенаселением.

3. Урбанизация: понятие, история, перспективы

В научной литературе многие авторы (Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, Ф. Теннис, М. Вебер, Р. Парк, Л. Вирт, П. Сорокин и др.) отождествляли урбанизацию и цивилизацию, рассматривая развитие общества как движение от некоторого первоначального «сельского» состояния к «городскому». Согласно этому широкому толкованию ***урбанизация*** понимается как исторический процесс повышения роли городов в развитии общества, который охватывает изменения в размещении производительных сил, прежде всего в расселении населения, его социально-профессиональной, демографической структуре, образе жизни, культуре и т. д. Урбанизация — многосторонний социально-экономический, демографический и географический процесс, происходящий на основе эволюции общественного и территориального разделения труда.

В узком толковании, распространенном преимущественно в демографии, географии и экономической науке, «урбанизация» —

это рост городов, особенно больших, повышение удельного веса городского населения в стране, регионе, мире. Далее в тексте мы будем использовать понятие «урбанизация» в его широком значении.

Процесс урбанизация начинается с возникновения в III–IV веке до н.э. первых городов в Древнем Китае, в междуречье Тигра и Евфрата, долинах Инда и Нила. Несмотря на то, что повышение роли городов в жизни и развитии общества наблюдалось на протяжении всей истории человечества, только с начала XIX в. наметился устойчивый рост численности городского населения и началось распространение «городского» образа жизни на все общество. Лишь с этого момента можно говорить об урбанизации в узком значении этого слова.

Урбанизацию следует рассматривать как сложный и многосторонний процесс, включающий в себя несколько основных направлений: 1) рост числа городов, в том числе мегаполисов, становление и распространение новых форм расселения — городских агломераций; 2) рост численности городского населения, концентрация его в больших городах; 3) превращение промышленных городов в важнейший элемент системы расселения; повышение роли городов в жизни общества; 5) распространение городского образа жизни и типичных элементов городской культуры на все общество.

Развитие процесса урбанизации тесно связано с особенностями формирования городского населения и роста городов: естественным приростом самого городского населения, включением в городскую черту и отнесением в административное подчинение пригородных территорий (включая малые города, поселки и деревни); преобразованием сельских населенных пунктов в городские.

Опережающий рост городского и несельскохозяйственного населения по сравнению с сельским и сельскохозяйственным — наиболее характерная черта современной урбанизации. В трех частях света — Европе, Северной Америке, Австралии и Океании преобладают жители городов; в Латинской Америке отмечен быстрый рост городского населения; лишь в Азии и Африке преобладающим является сельское население. Наиболее высокий процент городского населения в Европе, в таких странах как Великобритания, Швеция, ФРГ. В других регионах мира по этому показателю лидируют Австралия и Новая Зеландия, за ними следуют Япония, США и Канада.

В России рост городского населения начался еще в дореволюционную эпоху, но наиболее бурными темпами миграция в город шла в советское время. Начавшаяся в конце 1920-х гг. эпоха индустриализации отличалась исключительно быстрым ростом числа

городов: в 1927–1931 гг. был образован 101 новый город, в 1938 г. — рекордное число — 139; в последующие годы в СССР возникало в среднем по 20–25 городских поселений в год. К 1985 г. число городов в СССР утроилось по сравнению с 1926 г. и достигло 2124. В 1917 г. городское население составляло 17%, в 1926 г. — 18%, а в 1993 г. — 73,4%. За период с 1926 по 1939 гг. численность горожан увеличилась в 2,2 раза, то есть росла в среднем на 6,8% ежегодно. В последующие десятилетия среднегодовые темпы роста городского населения снизились: 1939–1959 гг. — 2,7%, в 1959–1979 гг. — 2,5%, в 1970–1981 гг. — 1,8%. По подсчетам демографов с 1940 г. около 60% прироста населения городов было обеспечено миграцией из деревни, 20% — за счет естественного прироста (рождения детей у горожан), 17% — за счет переименования населенных пунктов. Наиболее высокий удельный вес горожан в 1990-х гг. наблюдался в Северном (Мурманская область — 92% городского населения), Центральном (Тульская и Ярославская области — 81%), Уральском (Свердловская область — 87%) и Дальневосточном (Сахалинская область — 85%) экономических районах. Самый низкий процент горожан в России — в республике Алтай (26%), меньше половины населения проживает в городах (43–46%) в Калмыкии, Чечне, Ингушетии, Дагестане.

Характерной особенностью урбанизации в индустриальном обществе является концентрация населения в больших и сверхбольших городах. Именно с ростом больших (с населением свыше 100 тыс. чел.) связано распространение нового типа расселения и городского образа жизни. Так в 1800 г. в мире было 65 городов с населением свыше 100 тыс. чел, в 1850 г. — 114, в 1900 г. — 360, в 1950 г. — 950, в 1980 г. — более 2000. Число городов-миллионеров росло за этот период еще быстрее: в 1800 г. был только 1 город с числом жителей более 1 млн чел., в 1980 г. таких городов в мире было свыше 200. В России в 1897 г. было только 2 города-миллионера — Москва и Санкт-Петербург, в 1939 г. — 2, а в 1980-х гг. их число выросло до 11: наряду со столицами это — Нижний Новгород, Казань, Самара, Новосибирск, Омск, Пермь, Екатеринбург, Уфа, Челябинск.

Длительные наблюдения за урбанизацией в Западной Европе и США, где особенно быстро росли и развивались города, показали, что концентрация населения в крупных промышленных и торговых центрах — нелинейный процесс.

Для его описания американский ученый Дж. Джиббс в 1960-х годах предложил «стадиальную» концепцию урбанизации, выделив пять стадий роста городов. *Первая стадия* относится к доиндустриальному обществу. В этот период города только возникали, темпы

роста населения в них были ниже, чем в сельской местности. *Вторая стадия* соответствует зарождению индустриального общества, городское население начинало расти быстрыми темпами, а численность сельского — постепенно сокращаться. *На третьей стадии* урбанизации началась интенсивная концентрация населения в крупных городах за счет абсолютного сокращения численности сельского населения, «вымывания» жителей из малых городов и поглощения таких населенных пунктов мегаполисами. *Четвертая стадия* характеризуется наивысшим уровнем концентрации населения. Городские агломерации (урбанизированные территории, состоящие из одного или нескольких городов-ядер и поселков, городов-спутников пригородной зоны) расширяются, идет интенсивная миграция из малых городов в большие, но общие темпы роста городского населения замедляются. На последней, *пятой стадии* рост городов-ядер прекращается, в некоторых случаях наблюдается упадок традиционных промышленных центров, начинается миграция населения из мегаполисов, рост городов-спутников, увеличение численности населения в пригородной зоне.

Пятая стадия урбанизации доминирует в Западной Европе и Северной Америке, в странах, вступивших на постиндустриальный этап развития. В развивающихся странах, только начинающих процесс индустриализации, преобладает третья, самая динамичная стадия концентрации населения. Страны со средним уровнем индустриального развития находятся в промежуточном положении между третьей и четвертой стадией. В ряде стран Восточной Европы (Чехия, Венгрия) концентрация населения в больших городах достигла естественного предела. В других странах — России, Польше, Бразилии — центростремительные тенденции в движении населения еще преобладают.

За годы советской власти в России произошли важные изменения в структуре городских поселений: расширились территории, охваченные сетью городов, в староосвоенных районах сеть городов стала гуще, что способствовало формированию значительного числа городских агломераций, определились своеобразные «векторы» градообразования вдоль основных транспортных магистралей.

По данным переписи населения 1979 г. более половины населения СССР (55,6%) проживало в *городских агломерациях*. Современная наука относит к городским агломерациям сеть городских и сельских поселений вокруг крупного города (с населением не менее 100-250 тыс. чел.), связанных с ним единой системой коммуникаций, которая обеспечивает маятниковую миграцию (ежедневное перемещение из дома на работу и обратно) жителей

пригородов в город-ядро из подчиненных поселений, находящихся от него на расстоянии, преодоление которого не занимает более 2 часов. Условия жизни населения в этих пригородных зонах и урбанизированных районах приближаются к условиям жизни в больших городах — центрах тяготения таких территорий. Значительная часть жителей агломерации трудится, делает покупки, посещает культурные и развлекательные заведения города-ядра, живя в пригороде. Например, ежедневно в Москву на работу и учебу приезжает 500 тыс. чел. из окружающих сел и городов, и одновременно около 100 тыс. москвичей отправляются на работу в Подмосковье. Подобное явление называется в демографической науке «маятниковая миграция».

По сравнению с агломерациями Западной Европы и США в России концентрация населения в городах-центрах выше и составляет не менее 70% всего населения агломерации, что объясняется особенностями развития транспортной системы (общественный транспорт вместо всеобщей «автомобилизации») и преобладающим типом застройки территории (компактные многоквартирные дома вместо семейных коттеджей в пригородах). Наиболее распространены городские агломерации с численностью населения 250—500 тыс. чел. и 500 тыс. — 1 млн чел. Крупнейшие агломерации сложились вокруг Москвы и Санкт-Петербурга, а также вокруг других городов-миллионеров. В соответствии с общими закономерностями урбанизации, число городских агломераций в России непрерывно растет: в 1959 г. их было 42, в конце 1980-х гг. — в два раза больше.

В заключение следует отметить, что социально-территориальная структура, подобно другим разновидностям социальной структуры общества, не существует самостоятельно, в чистом виде, а представляет собой одну из граней, срезов сложной и многообразной общественной жизни. Различные типы поселения или социально-территориальные общности, как правило, неоднородны в половозрастном, этническом и других отношениях и могут быть рассмотрены как элементы соответствующих видов социальных структур общества (социально-демографической, национально-этнической, статусно-ролевой и др.). Только комплексный анализ конкретных социальных явлений (систем) позволяет получить объективную научную картину общественной жизни.

ГЛАВА VIII

НАЦИОНАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА

1. Этнос как социальная общность, его признаки и условия формирования

Этнические или национально-этнические отношения составляют очень важный срез социальной структуры общества.

Национально-этническая структура общества является самой многообразной и многоцветной из всех видов социальной структуры. Достаточно сказать, что на 3 тыс. различных этносов, существующих на нашей планете, приходится около 180 государств, из которых лишь 20 являются однородными в этническом отношении (этнические меньшинства составляют в них менее 5% населения)[1]. В национально-этнических отношениях сходятся и перекрещиваются практически все разновидности общественных отношений: социально-экономические и государственно-политические, религиозные и расовые, социально-демографические и культурно-психологические, территориальные и языковые. Это означает, что любые изменения в экономических, политических и других отношениях так или иначе приобретают национально-этническую окраску, и напротив, всякие перемены в национально-этнических отношениях находят свое продолжение во всех важнейших сферах общественной жизни.

Для российского общества национально-этнические отношения имеют особое значение. С конца 1986 г. (события в Алма-Ате) территорию бывшего Союза ССР захлестнула волна межнациональных конфликтов, которая не ослабевает до сих пор. Эта волна

[1] См.: *Скворцов Н.Г.* Этничность: социологическая перспектива. Социологические исследования. М., 1999. С. 21.

достигла своего апогея во время первой войны в Чечне и продолжает существовать до сегодняшнего дня в виде неугасающей тенденции к сепаратизму.

Национально-этнические отношения не обходят стороной и правоохранительные органы, которые, в большинстве случаев, так или иначе, оказываются втянутыми в урегулирование межнациональных конфликтов. К этому следует добавить, что многие преступные группировки формируются сегодня по этническому принципу, так что органы внутренних дел вынуждены учитывать в своей деятельности как состояние межнациональных отношений в целом по России, так и в конкретном подведомственном им регионе.

«Этнос» в переводе с греческого означает «племя», «народ». Понятие это очень многозначно и многогранно. Исследователи поразному определяют понятие этноса. Одни, например, Уингер, считают главным отличительным признаком этноса расовые различия, т. е. особое сочетание таких наследственных биологических признаков, как цвет кожи, черты лица и телосложение. Другие исследователи, такие как Н. Смелзер, рассматривают этнос как социальную общность, третьи, например, Л.Н. Гумилев — как поведенческую.

Существуют и другие подходы к определению этноса. Заметим, что несмотря на разнообразие существующих точек зрения, все исследователи ведут речь примерно об одном и том же наборе признаков. Суммируя эти признаки можно определить этнос следующим образом.

Этнос — исторически сложившаяся на определенной территории и состоящая из многих поколений общность людей, обладающих общими чертами и устойчивыми особенностями культуры (включая язык) и психологического склада, а также самосознанием, т. е. осознанием своего единства и отличия от других подобных образований, представлениями об общности происхождения, единой исторической судьбе и т. п.

Приведенное определение этноса носит описательный характер. В нем собраны разнопорядковые признаки и свойства, с которыми следует разобраться более внимательно. Прежде всего, необходимо развести «отличительные признаки этноса», с одной стороны, и «факторы или условия его формирования» — с другой. К первым относятся: особенности культуры — язык, народное искусство, обычаи, обряды, нормы поведения, привычки, — которые, передаваясь из поколения в поколение, образуют некоторый устойчивый стиль жизнедеятельности — так называемую этническую культуру.

Ко вторым принадлежат некоторые общие условия жизнедеятельности — общая территория, общность экономической жизни, общие политические порядки или формы самоуправления и т. п.

Формирование этноса обычно происходит на основе единства территории и хозяйственной жизни, но в процессе дальнейшего развития многие этносы утрачивают это единство. Что же остается? Остается общность этнической культуры — нравы, обычаи, нормы поведения и т. д. Вместе с тем, следует иметь в виду, что большинство компонентов этнической культуры не может служить надежным признаком для выделения какого-либо этноса. Это относится и к такому, на первый взгляд, устойчивому этническому признаку как язык. Например, евреи говорят не на одном общем, а на двух различных языках: иврите и идише.

Какой же признак является самым устойчивым и надежным критерием выделения этноса? Таким признаком является **этническое самосознание.** В его основе лежит антитеза «мы — они», т. е. осознание своего отличия от других аналогичных общностей, своего особого общего происхождения, общих исторических предков. Антитеза «мы — они» является системообразующим фактором любого этноса, который к тому же нередко действует вопреки всем остальным факторам — социально-экономическому строю, культурным, языковым и расовым различиям. Примером такого воздействия является массовая иммиграция евреев в Израиль в 70-е годы: в страну прибывали люди разного цвета кожи, говорящие на разных языках, имеющие различные социально-политические взгляды и, тем не менее, ощущавшие себя представителями единого этноса.

Как соотносятся между собой *этнос, раса и религия*? Этнические общности, как правило, совпадают с расовыми и религиозными. Негры Африки и США, несмотря на все существующие между ними различия, осознают себя как единый негроидный этнос. То же самое относится к евреям, армянам и другим народам, находящимся в состоянии диаспоры. Пример совпадения этнических, расовых и религиозных различий дает значительная часть арабов-мусульман, исповедующих ислам фундаменталистского толка. Встречаются, однако, и другие ситуации, когда прежде единый этнос оказывается разделенным по религиозным и другим мотивам. Примерами такого разделения в новейшей истории могут служить католики и протестанты в Северной Ирландии, «красные» и «белые» в советской России, противостояние Индии и Пакистана, Северной и Южной Кореи и т. п.

Говоря о соотношении этнических и расовых общностей, следует также иметь в виду, что различия между ними достаточно

условны. Привычное разделение населения планеты на **черную, белую и желтую расы** сложилось в XIX веке и отражает уровень знаний того времени.

Сегодня классификации подобного рода ставятся под сомнение и отвергаются многими исследователями. Как отмечает Н. Смелзер, ни одно сочетание физических черт не может служить основой для определения расовой принадлежности. Так, например, к белой расе относятся бледнокожие скандинавы, итальянцы и испанцы с оливковым цветом кожи и совсем темнокожие жители Южной Индии. В то же время некоторые темнокожие африканцы имеют прямые волосы, узкий нос и тонкие губы, а у светлокожих европейцев бывают густые курчавые волосы, широкий нос и толстые губы. Объяснить все это можно, видимо, тем, что расы представляют собой продукт длительного исторического развития, и в течение веков в результате смешения физические черты, характерные для определенных рас, постепенно стирались. Об этом в достаточной мере свидетельствует смешанное происхождение миллионов американцев, а также расовая разнородность населения Израиля — евреи, переселившиеся на историческую родину, по цвету кожи напоминают жителей тех стран, из которых они приехали[2].

Исторически, формирование каждого этноса всегда было связано с определенной территорией, однако в современном мире очень небольшое количество этносов проживает компактно — многие из них разбросаны по странам и континентам. Часть этноса, ядро которого находится в другой социальной системе, — государстве, регионе и т. п., — называется в социологии **этнической группой**. Сами этнические группы могут находиться в компактном и распыленном (дисперсном) состоянии. К этническим группам принадлежат так называемое *русскоязычное население* в странах СНГ, русские общины в США и Канаде, татары, проживающие вне Татарстана в различных регионах Российской Федерации, а также многочисленные китайские, еврейские, армянские, мексиканские общины, компактно проживающие во многих странах мира.

Происхождение, сущность, функции, закономерности формирования и развития этносов изучает специальная социологическая теория — *этносоциология*[3]. Последняя возникла на стыке общей социологии и этнографии и уделяет главное внимание изучению взаимосвязи и взаимообусловленности социальных и этнических процессов: особенностям культуры, быта, ценностным ориентациям,

---

[2] См.: *Смелзер Н.* Социология: Пер. с англ. М., 1994. С. 307.

[3] См., например: *Арутюнян Ю. В.* и др. Этносоциология: Учеб. пособие. М., 1998.

структуре профессиональной занятости, миграционной и трудовой мобильности различных этносов, а также тому влиянию, которое оказывают эти особенности на функционирование и развитие общественной системы в целом.

2. Исторические типы этнических общностей

В истории известны четыре типа этнических или этносоциальных общностей, которые тесно взаимосвязаны между собой и которые можно рассматривать как определенные ступени в развитии этноса от малых социальных групп к большим. К ним относятся **род, племя, народность и нация**.

Род — это малая этническая группа, представители которой связаны кровными узами и ведут свое происхождение по одной линии (материнской или отцовской). Род пришел на смену первобытному стаду и его важнейшим признаком явилась *экзогамия*, т. е. запрет браков внутри рода. В силу последнего обстоятельства роды не могли существовать изолированно друг от друга и объединялись в племена, так как иначе нельзя было обеспечить физическое воспроизводство населения.

Племя — это этносоциальная общность первобытнообщинного (доклассового) строя, которая представляет собой совокупность родов, связанных общностью культуры, единством религиозных представлений, сознанием общего происхождения, а также наличием органов самоуправления и самоназвания. Именно племя служило основной социальной единицей первобытного строя, поскольку обеспечивало необходимый комплекс функций социального воспроизводства и, прежде всего, функцию физического воспроизводства новых поколений. Род представлял собой большую кровнородственную семью, и его правильнее рассматривать не столько как самостоятельную этносоциальную общность, сколько как главную структурную составляющую племени. Формирование рода и племени было связано с одним и тем же отрезком на шкале исторического времени — переходом от первобытного стада к общественному состоянию.

Род и племя были продуктом и основной формой существования первобытнообщинного строя, однако родоплеменные отношения сохраняются и сегодня, причем не только у малочисленных народов, живущих в изоляции от остального мира (аборигены Австралии и им подобные), но и в таких вполне цивилизованных странах, как Индия, Бразилия, Индонезия, у некоторых народов

Кавказа, Средней Азии и т. п. — везде, где сохранились значительные элементы традиционного образа жизни.

Если род и племя возникают в период формирования первобытнообщинного строя, то *народность* появляется в период его разложения. Народность представляет собой этническую и социальную общность, которая исторически следует за племенем и предшествует нации. Народность вырастает из смешения различных племен и образования племенных союзов, связанных с определенной территорией. Народность, таким образом, основана не на кровнородственном, а на территориальном единстве. В рамках единой территории между племенами возникают общие хозяйственные и культурные связи, складывается общий язык, единая религия, общее самоназвание. Вместе с тем, следует иметь в виду, что *проживание на определенной территории* является общим условием формирования любого этноса, и народность не является в этом отношении исключением. Каждое племя всегда имело свою территорию, отграниченную от территорий других племен какими-либо естественными природными рубежами, но для племени главным стержневым фактором все же была не общность территории, а кровнородственные связи и отношения. У народности таким главным конституирующим фактором стала общность территории, а кровнородственные, родоплеменные связи отошли на второй план.

В чем же состоит новое качество *общности территории* у народности? Как уже отмечалось, народность возникает в период разложения первобытного коллективизма и утверждения общества, основанного на социальной дифференциации и социальном неравенстве. Неизбежным продуктом такого общества становится *государство,* которое начинает контролировать определенную территорию, опираясь на легитимное принуждение. *Единство территории, поддерживаемое государственным принуждением* и становится главным конституирующим условием и отличительным признаком той новой этнической и социальной общности, какой является *народность.*

Итак, **народность** — это исторический тип этнической общности, возникающий в период разложения родоплеменной организации общества и основанный не на кровнородственном, а на территориальном единстве, которое поддерживается государственным принуждением. Другими словами, основу народности составляет *политическое единство,* поддерживаемое, прежде всего, силой государственной власти.

Первыми сложились народности рабовладельческой эпохи — древнеегипетская, древнеэллинская и др. Процесс образования

народностей в Европе завершился в основном в период феодализма. В остальных частях света этот процесс продолжался и в последующие эпохи.

Народности складывались обычно из нескольких племен, близких по своему происхождению и языку. Например, польская народность сложилась из славянских племен полян, вислян, мазовшан и др., немецкая — из германских племен швабов, баварцев, алеманов и др. Вместе с тем, некоторые народности складывались из разноязычных племен, смешавшихся в результате завоевания одних племен другими, например, французская народность возникла из смешения галльских племен, римских колонистов и германских племен.

Становление народностей шло рука об руку с процессом становления государства, однако в ходе дальнейшего исторического развития народности уже могли не совпадать с государством ни территориально, ни по языку. Так, например, на Востоке Европы, где в феодальную эпоху происходило формирование централизованных государств, в их состав был включен целый ряд народностей. Определяющую роль в этих государствах играли наиболее развитые в политическом и экономическом отношении народности, например русская. Народность является продуктом и основной этносоциальной группой Древнего мира и Средневековья.

По мере перехода от традиционного аграрного общества к индустриальному начинается процесс превращения народности в нацию. Нации обычно являются дальнейшим этническим развитием тех или иных народностей и сохраняют их названия, хотя территориальные рамки тех и других могут и не совпадать. Так, народности, оказавшиеся разрезанными на части новыми государственными границами, давали начало нескольким национальным образованиям (португальцы и галисийцы, немцы и люксембуржцы и др.). В то же время известны случаи, когда в формировании одной нации участвовали или участвуют несколько народностей. Так, индонезийская нация сформировалась из яванцев, сундов, мадурцев и других народностей.

К сказанному следует добавить, что процесс превращения народностей в нации не является универсальным или всеохватывающим. Многие народности, особенно мелкие и отставшие по ряду причин в своем развитии, со временем вступают в более тесные связи с другими, более развитыми народностями и нациями, и постепенно утрачивают свои этнические особенности в области культуры и быта, усваивают культуру и язык более развитых народов и постепенно сливаются с ними. Такой процесс называется *ассимиляцией*.

Нация представляет собой наиболее позднее с исторической точки зрения социально-этническое образование. Она является продуктом и типичной формой существования основанного на рыночной экономике буржуазного индустриального общества. Нация — объект изучения многих наук, в числе которых не только этнография и социология, но и история, социальная философия, демография, политология, право и др. Сложность и многосторонность самого феномена нации проявляется в многообразии подходов к определению ее основных признаков.

Одним из таких подходов, который восходит еще к Г. Спенсеру, является определение нации как продолжения и усложнения кровнородственных, родоплеменных отношений. На передний план здесь выдвигаются признаки биологического свойства, связанные со сходством физических черт, единством крови, единством расы. О познавательных возможностях такого подхода мы уже говорили, его исходные посылки и выводы опровергаются самой действительностью.

Другое понимание нации предлагает так называемая *культурно-психологическая теория*. Ее представители (О. Бауэр, Р. Шпрингер) рассматривают нацию как чисто культурную общность с единым самосознанием и исторической судьбой и не связанную жестко с определенной территорией или государственной принадлежностью. Эта теория легла в основу *программы культурно-национальной автономии*.

Названный подход к пониманию нации имеет определенные основания. История действительно знает народы, которые находились или находятся в состоянии диаспоры или рассеяния и не имеют компактного проживания на какой-либо территории, а также единой государственности. Примером могут служить евреи и армяне. Для таких народов единственным объединяющим основанием остается этническое самосознание — сохранение языка, общих культурных традиций, представлений об общей исторической судьбе и т. п. И все же большинство наций имеют и государственную и территориальную определенность, и в их отношении рассматриваемая культурно-психологическая теория работает плохо. Признаки нации, которые названная теория выдвигает на передний план, совпадают с самыми общими признаками любого этноса и не позволяют дифференцировать его отдельные типы, например отличить нацию от народности.

Следующий подход к определению нации (назовем его условно *этатистским*) рассматривает нацию как согражданство, как политическую общность, как совокупность граждан одного государства,

независимо от их расовой, религиозной принадлежности, языковых и культурных различий. Такой подход имеет свои исторические основания, он сложился в XVII–XVIII вв. в период первых буржуазных революций в Западной Европе, когда в борьбе с феодальным теократическим государством складывались первые светские национальные государства. Вместе с тем, названный подход также имеет свои вполне определенные ограничения. В чисто теоретическом плане, с позиций этатистского подхода достаточно трудно провести различие между нацией и народностью, поскольку последняя также является государственно-политическим сообществом. Указанный подход вольно или невольно подводит к мысли о том, что этнос превращается в нацию лишь тогда, когда обретает собственную государственность. Возможно, этот тезис и соответствовал историческим условиям Западной Европы XVII–XVIII в., но явно противоречит условиям современной жизни.

Количество государств на нашей планете на порядок меньше числа существующих этносов. Подавляющее большинство государств являются полиэтническими и многонациональными, поэтому требование собственной государственности для каждой нации неизбежно ведет к обострению межнациональных противоречий и росту национального сепаратизма. К этому следует добавить, что в настоящее время осталось очень мало *чистых этносов*, которые, не смешиваясь с другими, компактно проживают на определенной территории. Отсюда следует, что в современном мире признаком нации является не столько наличие собственной государственности, сколько наличие государственности как таковой, — *принадлежность к определенному государству*, в том числе, многонациональному.

В обычной жизни люди чаще всего отождествляют государственную и национальную принадлежность, в то время как социология рассматривает государство и нацию как взаимосвязанные, но разные социальные явления[4]. «Британец» и «англичанин», «россиянин» и «русский» — не совпадающие между собой понятия. Первое понятие в каждой паре характеризует государственную принадлежность индивида, второе — его национальную принадлежность. Британским подданным может быть не только англичанин, но и шотландец, валлиец или грек, точно так же, как и гражданин Российской Федерации по своей национальной принадлежности может быть русским, татарином, чеченцем, башкиром и т. д.

---

[4] См.: *Бауман З.* Мыслить социологически: Учеб. пособие. Пер. с англ. М., 1996. С. 169–186.

Важнейшее различие между государственной и национальной принадлежностью, с точки зрения социологии, состоит в том, что государство является социальным институтом, в то время как нация представляет собой социальную общность. Отношения государства и его подданных строятся на совершенно иных принципах по сравнению с отношениями между представителями одной и той же нации. В основе первых лежит реальная взаимосвязь субъекта и объекта управления, в основе вторых — национальное самосознание, построенное на идентификации индивида с коллективными представлениями об общей исторической судьбе и о своем отличии от других аналогичных этнических образований.

Вместе с тем, нельзя не видеть, что на практике между государством и нацией существует некое взаимное притяжение. Государство стремится присвоить авторитет нации для укрепления собственных требований в отношении подданных, а нация стремится оформиться в государство и завладеть его силовым потенциалом для реализации своих этнических интересов, в числе которых могут быть территориальные, экономические и культурные (религиозные, языковые и др.), и просто необходимость усиления сплоченности нации.

Любому этносу в той или иной степени присущ так называемый **этноцентризм** — убеждение в том, что собственный этнос и все относящееся к нему правильно, нравственно одобряемо и что своему этносу, его интересам следует отдавать предпочтение в любой ситуации. Крайней формой этноцентризма является вера в биологическое и культурное превосходство членов собственной этнической группы над другими группами, но даже в самых мягких формах этноцентризм проявляется как тенденция оценивать все другие этносы с позиций интересов своего собственного.

Применительно к нации этноцентризм проявляется как *национализм.* Принадлежность к нации понимается им как судьба, которая сильнее любого человека: именно единство нации, ее общая судьба предшествуют любым экономическим или политическим интересам и действительно придают этим интересам значение и вес. Остановимся на этом вопросе подробнее.

Национализм обычно требует власти, т. е. права использовать насилие, с тем, чтобы обеспечить сохранность и преемственность нации. Лучше всего для этой цели подходит государственная власть, имеющая монополию на насилие. Как только удается отождествить государство с нацией, представить его как орган самоуправления нации, шансы национализма на успех резко возрастают. Государственная власть дает возможность принудить к исключительному

использованию национального языка во всех официальных учреждениях, обеспечить контроль над образованием и культурой в целом с целью всеобщего и обязательного внедрения в сознание каждого члена общества ценностей господствующей в данном государстве нации и тем самым сделать всех национальными патриотами от рождения.

Со своей стороны государство также заинтересовано в национализме, вернее в отождествлении себя с нацией. Государство всегда нуждается в легитимации своей власти, в убеждении своих подданных в ее правомерности, в необходимости выполнять все ее требования. В современном демократическом обществе это чаще всего достигается посредством рационального убеждения со ссылками на расчеты и выгоды. В случае же, если государству удается полностью идентифицировать себя с нацией (разумеется, это не относится к многонациональным государствам), то ситуация принципиально меняется. Национальное государство выступает от имени нации и требует подчинения уже не ради каких-то конкретных расчетов и выгод, а во имя интересов нации, которые не нуждаются ни в каком специальном обосновании, а являются ценностью сами по себе. Неповиновение государству теперь становится чем-то еще более худшим, нежели нарушение закона — оно превращается в предательство дела нации, в гнусный безнравственный поступок, который лишает совершившего его человеческого достоинства.

Таким образом, как государство нуждается в национализме для своей легитимации, так и национализму требуется государство для большей жизнеспособности. Национальное государство является продуктом этой взаимной потребности. Однако национальные государства встречаются в современном мире гораздо реже, чем можно было бы ожидать, и объясняется это тем, что одним из необходимых условий возникновения такого государства является абсолютное преобладание и компактное проживание какого-либо этноса на определенной территории. Такие этносы сегодня встречаются крайне редко. В Российской Федерации, например, из 21 республики только в 5 титульное население превышает 50% населения данной республики (в том числе в Чечне). Национальные государства чаще всего образуются в результате распада различного рода империй, например, колониальной системы империализма в странах Азии и Африки или многонациональных государств, построенных по национально-территориальному принципу, — бывшая Югославия, Чехословакия, СССР.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что нельзя подменять национальную общность государственной, равно как и расовой, племенной, культурной, религиозной или территориальной общностью. Существует множество разных наций, которые, в основном, относятся к одной расе. Представители одной и той же нации нередко исповедуют разные религии, точно так же одна и та же религия исповедуется представителями различных наций. Есть нации, живущие в одном государстве и не имеющие своей национальной государственности, и наоборот, имеется немало наций, отдельные части которых живут в разных государствах (например, русские в странах СНГ). Это, разумеется, не означает, что перечисленные признаки не имеют к нации никакого отношения, речь идет лишь о том, что они не раскрывают сущность понятия нации, не позволяют отличить ее от других исторических типов этнических и социальных общностей.

Понятие нации, безусловно, включает в себя и общность языка, культуры, этнического самосознания, психологического склада, и определенную государственную и территориальную принадлежность, и совместную хозяйственную, экономическую жизнь. Но что же все-таки является главным из перечисленного ряда? Какой из названных признаков является исходным, конституирующим признаком нации — признаком, который отличает ее от других исторических типов этнических общностей, и, прежде всего, от народности?

В новой и новейшей истории таким признаком является *общность экономической жизни*, которая складывается на основе формирования внутреннего рынка. Развитие промышленного капитализма создает социально-территориальное разделение труда, которое связывает население экономически в единый хозяйственный организм. Это ведет и к политической концентрации — к созданию национальных государств на месте прежней феодальной раздробленности.

Итак, подводя итог, можно дать определение нации. **Нация** — этносоциальная общность, исторически сложившаяся на данной территории, для которой характерны единство экономической жизни (единый внутренний рынок), общность языка, культуры, типичные черты психического склада. Нации складываются тогда, когда политическое единство в пределах территории начинает поддерживаться не только и не столько государственным принуждением, но и экономической заинтересованностью в функционировании единого хозяйственного механизма, единого рынка.

Нации возникают из родственных и неродственных племен, рас и народностей. Русская нация сложилась из родственных восточно-

славянских племен, но при этом в нее влилось немало элементов из окружавших ее западно- и южно-славянских, германских, финно-угорских и тюркоязычных народностей[5]. Французская нация образовалась в результате слияния галлов, германцев, норманнов и др. Северо-американская нация возникла из переселенцев почти всех европейских стран, с которыми, отчасти, смешивались индейцы и негры из Африки.

Прообразы нации возникали уже в античную эпоху. Они складывались там, где возникал рынок вокруг крупных городов, шла торговля, и люди на больших территориях общались на одном языке. Однако такие общности людей имели локальный характер и не отличались устойчивостью. Только развитие индустриального капиталистического общества привело к формированию внутреннего, а затем мирового рынка и тем самым положило начало процессу формирования наций как общемировому явлению.

Эпицентром формирования современных наций стала Европа. Здесь раньше, чем в других регионах начались национальные движения, и сложилась система национальных государств. XVI–XVIII вв. и первая половина XIX в. — эпоха формирования наций в Западной Европе, Северной Америке и России. В XX в. процесс формирования наций получил дополнительный импульс в связи с крушением мировой колониальной системы в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Последняя колониальная империя — португальская — распалась в 70-е гг. XX в.

3. Особенности формирования русского национального самосознания

Современная Россия является государством многонациональным, однако подавляющее большинство ее населения (более 80%) составляют русские, которые проживают на всей территории страны и во всех субъектах федерации. Это обстоятельство определяет особый интерес к истории русского этноса, его формированию и развитию.

Становление русской нации неразрывно связано с процессом формирования русской национальной культуры и национального самосознания. Самосознание присуще любому этносу, именно оно несет в себе исходный признак этнической идентификации — образ **«мы — они»**. Однако проблема этнического самосознания становится актуальной лишь в определенные периоды истории,

[5] См.: *Петрухин В.Я., Раевский Д.С.* Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 1998.

в основном она обостряется в переломные моменты жизни общества. В России это было, например, в начале XVII в. (Смутное время), в начале XIX в. (Отечественная война 1812 г.), в начале XX в. (Первая мировая война, революция 1917 г., Великая Отечественная война) и в наши дни (распад СССР с последующим социально-экономическим и политическим кризисом российского общества).

Названные этапы истории России сходны в одном — в наличии угрозы существованию российского государства и русского народа как такового. В то же время в разные исторические периоды вопрос о том «*почему мы русские?*» стоял совершенно конкретно, и на передний план в национальном самосознании выдвигались различные его элементы.

Национальное самосознание русского этноса развивалось прежде всего в связи с изменением его территориально-государственных характеристик. Это можно проследить по тому, как изменялось употребление понятий «Русь», «русская земля», «русский» на разных этапах русской истории[6].

В эпоху Древнерусского государства, которое сформировалось в IX–XI вв. на обширной территории европейской части бывшего СССР, заселенной восточнославянскими племенами, понятия «Русь», «русский» имели как широкое, так и узкое значение. В первом случае они относились ко всем входившим в это государство землям — от левых притоков Вислы до предгорий Кавказа, от Тамани и нижнего Дуная до Финского залива и Ладожского озера, во втором случае они применялись только по отношению к Киевской, Новгородской и Черниговской землям.

Монгольское нашествие нарушило территориальную целостность Древнерусского государства и ослабило силу этноса, откололось от него несколько частей: земли Галицко-Волынская, Турово-Пинская, Киевская, Полоцкая, а позднее Смоленская и часть Черниговской оказались зависимыми от Польского, Литовского, частично Венгерского государств.

С началом объединения русских земель вокруг Московского княжества опережающее развитие получила та часть древнерусского этноса, которая называлась *московские русичи*. Последние стали результатом смешения русичей киевских и славян прибалтийских с местными угро-финскими племенами. Это смешение произошло в XII–XIV вв. и мало коснулось окраин прежнего Древнерусского государства, где местные племена — эсты, карелы, вепсы, саами, печора и др. — сохранили свое первоначальное лицо.

---

[6] См.: *Россия* на пороге XXI века (Современные проблемы национально-государственного строительства РФ). М., 1996. С. 136–142.

Характерно, что в конце XIV в. выражение «русская земля» еще употребляется в широком смысле, а московские владения называются «Залесской землей», но уже в конце XV в. «русская земля» начинает отождествляться с территорией Московского великого княжества. Иван III чеканил на своих монетах титул *«господарь всея Руси»*, и в дальнейшем термины «русский» и «московский» становятся как бы синонимами. Таким образом, к концу XV в. в ходе объединения русских земель вокруг Московского княжества и образования Московского царства, складывается *русская народность*. К этому же времени формируются еще две народности — украинская и белорусская, — и входят в обращение три новых понятия: «Великая Русь» применительно к землям Мооковского царства, «Малая Русь» — к землям населенным украинцами, и «Белая Русь» — к белорусам.

С образования Московского царства начинается непрерывное расширение этнической территории русских за счет присоединения слабозаселенных восточных, северных и южных районов. К концу XVI в. в состав России вошли многие народы Поволжья, Приуралья, Западной Сибири. Страна стала многонациональной. В XVII в. территория Российского государства продолжала расширяться. В его состав вошли Левобережная Украина с Киевом и область Запорожья, земли по реке Яик. Границы России подошли к Крымскому ханству, Северному Кавказу и территории современного Казахстана. Шло также продвижение населения на север — в Поморье, и на юг — на территорию так называемого «Дикого поля», где формировалось сословие казаков, которое впоследствии приобрело признаки этнической группы. Продвигаясь дальше в Сибирь, русские к концу XVII в. достигли побережья Тихого океана.

Можно сказать, что к концу XVII в. в основном завершилось становление русского этноса в государственно-территориальном отношении, определилась его этническая территория и основные этнические группы.

В период с XVII до середины XIX вв. русская народность превращалась в русскую нацию. Именно в XVII в. развернулся процесс превращения российского купечества в мощную экономическую и влиятельную политическую силу, что создавало предпосылки для развития капитализма. Возникали мануфактуры, областные рынки, росла торговля между городом и деревней, появилась специализация районов на производстве определенных видов сельскохозяйственной продукции — складывались устойчивые экономические связи между различными регионами страны, формировался единый внутренний рынок.

Процесс образования всероссийского рынка затормозили с
бытия Смутного времени, связанные с польско-шведско-литовск
интервенцией, однако именно эти события, правда, уже с друг
стороны, стимулировали процесс формирования этнического сам
сознания, способствовали национальному сплочению русско
этноса. Только в условиях противостояния общему врагу склад
вается по-настоящему централизованное государство, только
условиях противодействия инонациональным захватчикам возни
кает целостное национальное самосознание.

Государственность всегда была важной доминантой русско
национального самосознания, но с ней была связана другая н
менее важная доминанта — *религиозная* или, если выразиться боле
точно — конфессиональная.

Борьба против иноземных захватчиков на Руси велась всегд
не только из стремления сохранить свою этническую территори
и государственность, но и, в не меньшей мере, из стремления со
хранить свою православную веру — против попыток внедрени
в России католичества или протестантизма как основной угрозы
национальному самосознанию.

Итак, в русском национальном самосознании, которое скла
дывалось на протяжении столетий, можно выделить три главны
черты или три ведущих, стержневых принципа: **1) православны
характер религиозной идеологии; 2) государственность (авторитарно
харизматического типа); 3) этническая доминанта (образ «мы — они»,
общность исторической судьбы, этническая солидарность** и т. п.

До 1917 г. эти принципы являлись определяющими элементами
русского этнического самосознания и в концентрированном виде
выражались в формуле: «За веру, царя и отечество!».

В советский период в национальном самосознании русских про
изошли значительные изменения. Наибольшей деформации или
превращению подвергся *религиозный элемент национального само
сознания:* православная христианская идеология была заменена
новой государственной идеологией — учением марксизма-лени
низма, которая приобрела в СССР характер и черты квазирелигии.

Другой элемент русского национального самосознания — *госу
дарственность* — за годы советской власти не только не был раз
рушен, но еще более укрепился, превратившись в ее главную опору.

Третий, *этнический элемент* русского национального самосо
знания под предлогом борьбы с великодержавным русским шови
низмом, за годы советской власти был практически нивелирован.

После установления советской власти центр стал проводить по
отношению к национальным окраинам политику, которую нельзя

определить однозначно: с одной стороны, оказание им посильной помощи, в первую очередь, экономической и культурной, с другой — унификация общественной жизни, игнорирование этнической и культурной специфики. Однако качественное отличие советской «империи» от классических империй заключалось в отсутствии привилегированного имперского народа. В Советском Союзе не было господствующей нации, им правила номенклатура, и русское население Центра оказывалось подчас в худшем положении по сравнению с жителями национальных республик.

В русском национальном самосознании, как правило, достаточно слабо было выражено «мы», т. е. этническая солидарность. В истории России чаще наблюдался раскол национального самосознания, например, раскол церкви в XVII в., раскол на «белых» и «красных» в период Гражданской войны, раскол на коммунистов и демократов в конце XX в.

Обычно у каждого народа есть некоторая объединяющая идея, которая служит стержнем его этнического сплочения[7]. У англичан это была «идея богоизбранности, господства над другими менее развитыми народами»; у русских этого не было. У американцев такой идеей было «противостояние старому миру на основе новых форм демократического устройства общества». У русских этого тоже не было, русские не были новой нацией. Армяне объединялись перед угрозой физического уничтожения. Русским это тоже, в общем-то, никогда не грозило, частично благодаря наличию громадной этнической территории и большой численности, частично — сильному имперскому государству.

И все же все перечисленные факторы: и переживание угрозы существованию нации, и цивилизаторская, модернизирующая роль по отношению к другим народам, и противопоставление себя «старому миру» на основе утверждения новых социальных форм жизни — все это было присуще русскому народу, хотя и в весьма своеобразной форме.

Существование русского этноса ставилось под угрозу несколько раз со времен татаро-монгольского ига, и всякий раз эта угроза преодолевалась ценой огромных жертв и усилий. Именно эти жертвы и усилия становились объединяющими факторами русского народа. *Русское национальное самосознание формировалось на опыте совместных предельных усилий и страданий.*

Таким образом, решающую роль в формировании русского «мы» чаще всего играли не конструктивно-созидательные мотивы,

---

[7] См.: *Россия* в зеркале реформ. Хрестоматия по социологии современного российского общества. М., 1995. С. 60–62.

а *мотивы самозащитные*. Вместе с тем, в силу исторических обст ятельств, русские всегда были интегрирующим фактором для вс народов, входивших в состав, как Российской империи, так Советского Союза. Именно русский язык стал средством межн национального общения для многих населяющих Россию и стран СНГ народов. Однако объединяющая роль русского народа нико да не выступала прямо и непосредственно, а всегда под определе ным идеологическим прикрытием. Во времена царизма это бы идеология самодержавия, в советский период — идеология проле тарского интернационализма.

В ходе реформ 1990-х гг. русское национальное самосознани претерпело очередное потрясение. Распад СССР и угроза распад российской государственности, крах государственной идеологи марксизма-ленинизма, социально-экономический кризис в само России, ставший причиной массового обнищания населения, дис криминация русских в бывших союзных республиках, их миграци из районов национальной напряженности затронули все важней шие составляющие национального самосознания русских и вызва ли с их стороны ответную реакцию.

В результате распада СССР русский народ оказался в разделен ном состоянии и утратил лидирующее положение не только в но вых государствах СНГ (где он нередко составляет от трети до по ловины населения), но и «...в самой России, где доминирующее положение заняли в большинстве сфер общественной жизни пред ставители активно действующих национальных меньшинств, ко торые, как правило, имеют за пределами России свои государствен ные образования»[8].

Ситуация усугубляется еще и тем, что в Россию в поисках зара ботка легально и нелегально переселяются выходцы из Закавказь и Средней Азии. Для многих русских они как бы олицетворяют собой все негативное, что несет с собой рынок. Согласно опросам проведенным в Москве в период с 1993 по 1997 гг., большинство жителей столицы считают, что «нерусские имеют слишком боль шое влияние в России»[9], а 37% москвичей прямо заявили, что «испытывают неприязнь к лицам определенной национальности» причем среди молодежи до 20 лет такого мнения придерживались уже 69% всех опрошенных[10].

---

[8] *Григорьев С.И.* Теоретические основы изучения жизненных сил национальных общностей. Социологические исследования. 2000. № 2. С. 14.

[9] См.: *Шестопал Е.Б., Брицкий Г.О., Денисенко М.В.* Этнические стереотипы русских. Социологические исследования. 1999. С. 63–64.

[10] См.: *Социология*. Учеб. пособие / Общ. ред. Э.В. Тадевосяна. М., 1995. С. 262.

Рост националистических настроений среди русских сегодня уже достаточно очевиден. За время существования СССР их доля постепенно снижалась, приближаясь к 50% населения. В сегодняшней России русские составляют более 80% населения, и их «этническое самочувствие» способно оказать серьезное влияние на общую политическую ситуацию в стране.

4. Этнический состав населения современной России

Вплоть до переписи 1897 г. данные о составе и численности населения России не отличались точностью. Главным источником этих сведений были *ревизии*, предназначенные для подсчета податных душ. Ревизии приблизительно фиксировали число женщин и лиц неподатных сословий, а податные сословия стремились всячески от них уклониться. Первая такая ревизия была проведена при Петре I в 1722 г., а всего их было проведено десять[11]. Понятно, что данные об этническом составе населения на тот период отсутствуют.

В 1897 г. была проведена первая Всероссийская перепись населения, которая зафиксировала его численность на уровне 129 млн человек. По переписи 1897 г. в Российской империи насчитывалось 146 языков и наречий. Однако эта цифра несколько занижала действительное число этнических общностей из-за недостаточной этнографической изученности окраин.

Первая советская перепись 1926 г. зафиксировала уже свыше 190 этнических общностей и 150 языков (без наречий) при том, что Польша и Финляндия к тому времени уже не входили в состав СССР. Последующие переписи проводились в 1959, 1970, 1979 и 1989 гг.[12] После распада СССР в 1991 г. в Российской Федерации переписей не проводилось.

По переписи 1989 г. в РСФСР было отмечено не менее 130 этносов и этнических групп, проживавших отдельно от основного массива своего народа. Русские составили 81,5% населения Российской Федерации. Еще 17,4% пришлось на 36 национальностей численностью более 100 тыс. чел. каждая. Народы и этнические группы численностью от нескольких десятков тысяч до нескольких сотен человек, в том числе почти слившиеся со своим инонациональным окружением, составили 1,1%.

---

[11] См.: *Ковалев Е.М.* Гуманитарная география России. М., 1995. С. 33–34.

[12] См.: там же. С. 52–53.

Крупнейшие этносы СССР и России по переписи 1989 г. составляют[13]:

(в тыс. чел.)

СССР		**РОССИЯ**	
русские	145155	русские	119866
украинцы	44186	татары	5522
узбеки	16698	украинцы	4363
белорусы	10036	чуваши	1774
казахи	8136	башкиры	1345
азербайджанцы	6770	белорусы	1206
татары	6649	мордва	1073
армяне	4623	чеченцы	899
таджики	4215	ненцы	842
грузины	3981	удмурты	715
молдаване	3352	марийцы	644
литовцы	3067	казахи	636
туркмены	2729	аварцы	544
киргизы	2529	евреи	537
немцы	2039	армяне	532

Национальный состав населения Москвы по данным переписи 1989 г.

Все население, 1989 г.	100%
русские	89,7
украинцы	2,8
татары	1,8
евреи	2,0
белорусы	0,8
армяне	0,5
мордва	0,3
грузины	0,2
азербайджанцы	0,2
чуваши	0,2
другие национальности	1,5

Все народы, проживающие на территории бывшего СССР и современной России, можно разделить на несколько групп: *славянские, тюркские, кавказские, балтийские, иранские, монгольские, народы Севера и др.*[14]

Славянские народы разделяются на три группы: *западные славяне* (чехи, словаки, поляки), *восточные славяне* (русские, украинцы,

[13] См.: *Национальный* состав населения СССР. М., 1991. С. 5, 28 и др.

[14] См.: *Ковалев Е.М.* Гуманитарная география России. М., 1995. С. 54–64.

белорусы) и *южные славяне* (сербы, хорваты, македонцы, болгары). Русские, украинцы и белорусы всегда были самыми многочисленными нациями в СССР (в 70-е гг. белорусская нация по численности уступила третье место узбекам).

За столетия территориальной экспансии русские ассимилировали определенную часть татар, монголов, финно-угров и десятки народов Сибири. В то время как русские мигрировали по всей Северной Евразии, украинцы и белорусы жили компактно. Современные границы трех республик примерно соответствуют этническим границам, но все славянские территории никогда не были национально однородными. Этнические украинцы в 1989 г. составляли 72,7% населения своей республики, белорусы — 77,9%, а русские — 81,5%.

Тюркские народы. Около 90% тюркских народов бывшего СССР исповедовали мусульманскую веру. Большая их часть населяла Казахстан и Среднюю Азию. Остальные мусульмане-тюрки проживали в Поволжье и на Кавказе.

Из тюркских народов не были затронуты исламом только гагаузы и чуваши, живущие в Европе, якуты и тувинцы, живущие в Азии. Общих физических особенностей у тюрков нет, их объединяет только язык. Поволжские тюрки — татары, чуваши и башкиры — находились под длительным влиянием славянских переселенцев, и сейчас их этнические районы не имеют четких границ. $^2/_3$ татар Российской Федерации живут сегодня вне Татарстана, в том числе 300 тыс. татар живут в Москве. В Башкортостане башкиры по численности занимают 3-е место после русских и татар.

Кавказские народы. К ним относятся *армяне, народы северо-западного Кавказа* — абхазы и адыги, *нахские народы* — чеченцы и ингуши, которые населяют склоны Большого Кавказского хребта, *картвелы* (грузины), занимающие юго-западную и центральную часть Кавказа, а также *около 30 народов Дагестана.*

Балтийские народы. *Латыши, литовцы, эстонцы и карелы* заселяют восточные берега Балтики. Литовцы, латыши и эстонцы сформировались как нации в последней четверти XIX в. Лютеранство, распространенное в Эстонии и Латвии, вместе с литовским католицизмом удерживало эти народы в стороне от их восточнославянских соседей. Карелы, которые имели более тесные культурные связи с соседними финнами, отличаются менее выраженной национальной идентичностью. Частично это объясняется миграцией карелов в другие регионы страны и прибытием в Карелию многочисленных мигрантов-русских, которые уже давно доминируют здесь в количественном отношении.

Иранские народы. Иранские народы распространились с территории Кавказа в Среднюю Азию. Три четверти их составляют таджики, имеющие близкие родственные им народы в Северном Иране. Другим иранским народом являются осетины, находящиеся под более сильным влиянием русских, чем другие горские народы. Тюрки-азербайджанцы по своей культуре ближе к иранцам.

Монгольские народы. Самыми крупными из монгольских народов являются *буряты и калмыки.* В XVII в. буряты вели кочевой образ жизни, многие из них платили дань монголам, но после того, как была установлена граница между Монголией и Россией, большая их часть решила остаться на российской территории.

Калмыки, как и буряты, говорят на диалекте монгольского языка. Первоначально они жили на территории Западной Монголии и в начале XVII в. мигрировали в Нижнее Поволжье, спасаясь от феодальных войн. Позднее часть калмыков вернулась в Китай, а оставшиеся 13 тыс. поселились на юго-западе Астраханской губернии. В 1930-е гг. после принудительной коллективизации калмыки перешли от кочевого скотоводства к оседлому образу жизни.

Народы Севера. Коренное население российского Севера гораздо более разнообразно и многочисленно, чем население арктической и субарктической Америки (до 30 северных народов, включая *коми и якутов).*

Уже в первые десятилетия советской эпохи, после массовой миграции русских, все народы Севера, за исключением коми-пермяков, превратились в национальные меньшинства на своих собственных этнических территориях.

Немцы. Самой старой немецкой общиной в пределах Российской империи были балтийские немцы. Они оказались в пределах России в начале XVIII в., после завершения Северной войны. В 1940–1941 гг., когда СССР присоединил Прибалтику, балтийские немцы, согласно советско-германскому пакту, были репатриированы в Германию.

Другую, большую по численности группу российских немцев, составляли потомки фермеров-иммигрантов, селившихся в Нижнем Поволжье. После 1917 г. немцы Поволжья стали первым советским этническим меньшинством, которое получило свою национальную территорию — Трудовую Коммуну немцев Поволжья (1918 г.), превращенную позднее в АССР немцев Поволжья.

После начала войны с Германией АССР немцев Поволжья была упразднена, часть немцев депортирована на восток, а другая часть, вследствие стремительного наступления германской армии, оказалась на оккупированной территории. В 1944–1945 гг. многие

из советских немцев, эвакуированных в 1941 г. на территорию Польши и Германии, были возвращены в Советский Союз. Указами 1955 и 1964 гг. немцы Поволжья были реабилитированы.

Евреи. Территории с высокой долей еврейского населения вошли в состав русской империи после трех разделов Польши при Екатерине II. В царское время они подвергались дискриминации по религиозному признаку и понесли значительные потери из-за массовых погромов во время гражданской войны. Советский режим предоставил им равные права с другими народами. Советские власти запретили еврейские националистические партии (наряду со всеми прочими националистическими партиями) и ограничили официальное употребление еврейского языка (идиш).

Около 90% советских евреев составляли ашкенази, говорящие на языке идиш. Восточные евреи-сефарды населяют Дагестан, Кавказ и Среднюю Азию. В 1989 г. около 9 тыс. евреев проживало в Еврейской автономной области, что составляло лишь 4% от общей численности ее населения.

Евреи — преимущественно городской народ. В городах проживает 98% этого этноса, в том числе около одной четверти в Москве, Санкт-Петербурге и Киеве. Они традиционно имеют очень высокий уровень образования. Среди советских евреев доля адвокатов, врачей, ученых, работников культуры и искусства, писателей и журналистов всегда была значительно выше, чем среди других народов СССР.

В 1970–1980-е гг. численность евреев стала падать не только из-за эмиграции в Израиль, но также из-за низкой рождаемости в еврейских семьях и активной ассимиляции. В 1989 г. из 537 тыс. евреев России 91% считали родным русский язык, а в 1926 г. 70% евреев называли своим родным языком идиш.

Каково современное состояние межнациональных отношений в Российской Федерации? Распад СССР и последующие события привели к резкому обострению межнациональных проблем как внутри страны, так и на ее границах, следствием чего стала массовая миграция населения из районов национальной напряженности.

На первый взгляд может показаться, что межнациональные конфликты в России охватывают всю страну, но в действительности это не так. На самом деле эти конфликты, как и вообще национальная напряженность, определенным образом локализованы.

Подавляющее большинство субъектов Российской Федерации — 57 из 89 — построены по административно-территориальному принципу и не содержат в своем названии никакого этнического компонента. Остальные 32 субъекта, имеющие в своем названии такой

компонент, очень сильно различаются как количественными пропорциями народов, в них проживающих, так и характером взаимоотношений этих народов между собой.

В семи субъектах Федерации титульные национальности составляют менее 15% всего населения. Еще в 11 субъектах — от 15 до 33% населения. В четырех субъектах имеет место смешанный тип расселения — здесь нет заметного преобладания какой-либо этнической группы. Только 10 субъектов Федерации характеризуются явным преобладанием титульной национальности над русскими. И, наконец, только в 5 субъектах титульное население превышает 50% населения — это Чувашия, Тува, Коми, Чечня и Северная Осетия.

С момента распада СССР открытые межнациональные конфликты с насильственными действиями имели место только в четырех субъектах Федерации — в Чечне, Дагестане, Северной Осетии и Ингушетии. Еще в 4 субъектах Федерации имела или имеет место напряженность в национальных отношениях — Татарстан, Тува, Кабардино-Балкария и Республика Саха (Якутия), — но здесь национальная напряженность не переросла в открытый конфликт, характеризующийся насильственными действиями.

Таким образом, конфликты и национальная напряженность в современной России распространены не повсеместно, а определенным образом локализованы, и регионом наибольшей межнациональной напряженности является Северный Кавказ.

Насколько опасны названные межнациональные конфликты для целостности России? Результаты социологических исследований показывают, что только 13,5% населения не видят в этих конфликтах большой опасности для России. Большая часть — 62,6% населения — считает, что межнациональные конфликты могут привести к развалу российского государства[15].

Очаги национальной напряженности существуют не только внутри России. После распада СССР Россия почти по всему периметру оказалась окруженной старыми и новыми конфликтными зонами. В их числе:

• *Прибалтика*: конфликты по поводу гражданских прав русского населения;

• *Приднестровье*: конфликт в результате самопровозглашения Приднестровской и Гагаузской республик вылился в вооруженные столкновения в Приднестровье, которые были приостановлены в самом начале;

---

[15] См.: *Россия* в зеркале реформ. Хрестоматия по социологии современного российского общества. М., 1995. С. 41.

• *Украина:* конфликт с Россией по поводу Черноморского флота и Севастополя;

• *Закавказье:* карабахский и грузино-абхазский конфликты. Первый связан с желанием этнических армян, составляющих большинство населения Нагорного Карабаха, выйти из состава Азербайджана. Второй — с решением парламента Абхазии в ноябре 1994 г. о выходе из состава Грузии;

• *Казахстан:* русское население — 38% общей численности — требует признания двойного гражданства и признания русского языка в качестве государственного; проживающие в северо-западном регионе семиреченские казаки требуют воссоединения Казахстана и России;

• *Таджикистан:* борьба одной из этнических групп, представляющей исламский фундаментализм, за доминирование в масштабе всей страны; с учетом событий в соседнем Афганистане имеет тенденцию перерастания в центрально-азиатский конфликт в целом.

Приведенные данные указывают на основные источники возможных деструктивных тенденций, связанные с внутренними и внешними межнациональными конфликтами в России. Каждый из этих конфликтов, будучи предоставлен собственной логике развития, способен оказать дестабилизирующее воздействие не только на российское общество, но и на все постсоветское пространство. Однако такого рода негативное воздействие не следует автоматически из самого факта наличия межнационального конфликта. Не в последнюю очередь оно зависит от того, как воспринимает этот конфликт общество в целом, как его оценивает массовое общественное сознание.

Применительно к России речь идет о состоянии национального самосознания россиян, о степени выраженности в нем этноцентризма или этнонационализма, наличие которого и определяет, в конечном счете, конфликтогенный потенциал общества, его способность пойти по пути эскалации межнациональных конфликтов. Состояние национального самосознания россиян изучалось в ходе опроса, проведенного летом 1995 г. в 12 российских регионах Российским независимым институтом социальных и национальных проблем (выборка составила 1464 чел.). Результаты опроса позволили сформулировать следующие выводы:

• Этноцентризм в России как социально-психологический комплекс не более распространен, чем в других странах Европы. Так, «гордость за свою нацию» испытывают «часто» всего 27,4% респондентов, а «иногда» — 47,5%.

• «Часто» ощущают гордость и обиду относительно своей национальной принадлежности всего 2% респондентов, в то время как 20% не знакомо ни то, ни другое чувство.

• Среди основной массы российского населения не заметно острого переживания кризиса национальной идентичности, по сравнению, например, с Германией, где общественное мнение расколото пополам — на тех, кто гордится тем, что они немцы (52%), и тех, кто, осуждая последствия гитлеровского режима, стыдится принадлежности к немецкой нации (46%)[16].

• Анализ эмпирических данных показывает, что даже распад СССР не вызвал широкого распространения комплекса неполноценности в массовом сознании общества или роста агрессивных настроений среди населения в связи с «поражением социализма в холодной войне». Распад СССР подействовал на национальное самосознание граждан не через идею «поражения, которое требует реванша», а через «озабоченность судьбами русского (русскоязычного) населения во вновь образованных государствах». Российскому национальному самосознанию чужд сколько-нибудь четко выраженный «образ врага», который бы фокусировался на какую-либо национальную группу в стране или за ее пределами. 81,3% опрошенных считают, что «не бывает плохих и хороших наций», и только 7,7% придерживаются противоположного мнения[17].

• В общественном самосознании россиян присутствует национальный экстремизм. В целом по России (без учета регионов, в которых национально-этнические конфликты приобрели открытую форму) его распространенность невелика. При прямой постановке вопроса 10,5% респондентов выразили симпатии «русским националистам», сторонникам поиска самостоятельного русского пути, 7,3% поддержали идею «величия, национальной уникальности, особой исторической миссии русского народа». 16,3% респондентов выразили свое согласие с тем, что «Россия — великая держава, и она должна заставить другие государства и народы считаться с собой», а также с тем, что «России грозит агрессия из-за рубежа». Таким образом, база радикально-экстремистского национализма составляет от 7 до 17% россиян, причем этот национализм очень неоднороден и не представляет собой сколько-нибудь единого организованного социального явления. Значительная доля экстремистских настроений российских граждан питается ощущением опасности того, что Россия утратит свою

---

[16] См.: *Здравомыслов А.Г.* Этнополитические процессы и динамика национального самосознания россиян. Социологические исследования. 1996. № 12. С. 26.

[17] Там же. С. 26, 29, 32.

национально-государственную самостоятельность на пути вхождения в мировой рынок[18].

• Определенное недоверие российское население испытывает к Западу. 44% населения уверено, что «нам помогают из корыстных соображений», 31% считает, что «нас хотят ослабить, превратить в зависимое государство», и только 7,3% соглашаются с мнением о том, что «Запад искренне хочет помочь России»[19].

• Недоверие россиян к Западу не персонифицировано по отношению к какому-либо конкретному государству. Более того, при оценке своего отношения к конкретным странам практически все ведущие западные страны, такие, как США, Англия, Франция, Канада, Германия и Япония получили положительные оценки у подавляющего большинства опрошенных — от 68,5 (Япония) до 78,9% (Франция).

• Подавляющее большинство российских граждан рассматривают свою Родину как великую державу, но их отношение к распаду СССР очень неоднозначно. Как «событие положительное с внутриполитической и международной точек зрения», распад СССР рассматривают 8,6% опрошенных; как «катастрофу мирового значения» — 5,4%. «Хорошие и плохие стороны» видят в распаде СССР 30,2%, и, наконец, как «беду для многих людей, живущих в республиках бывшего Союза ССР», оценивают это событие 44% опрошенных. Таким образом, консенсуса среди различных слоев российского населения по вопросу крушения Союза ССР не наблюдается[20].

В заключение следует отметить, что межнациональные конфликты и этнический сепаратизм отнюдь не являются чисто российским феноменом. В 60-х гг. XX в. западная цивилизация столкнулась с новым и по-своему парадоксальным социальным явлением, которое получило название *«этническое возрождение»*. До этого времени принято было считать, что представители разных наций, проживающие в пределах одной территории или государства, после относительно короткого периода культурной адаптации, который не превышает одного-двух поколений, приобретают все больше общих черт и, в конечном счете, становятся практически неотличимы в этнокультурном плане. Это стирание этнических различий объяснялось нарастающей интернационализацией экономической и социально-политической жизни. Однако

[18] Там же. С. 27, 28, 32.

[19] Там же. С. 31.

[20] Там же. С. 30.

в 60-е гг. роль этничности в общественных процессах резко возросла, возродился интерес к этнической культуре, языку, обычаям, традициям, и все это на фоне продолжающейся интернационализации общественной жизни.

Первыми феномен этнического возрождения заметили в Америке — многие этнические меньшинства, включая старейшие (негров и индейцев) не только «не хотели» ассимилироваться, но напротив, стали все больше и больше подчеркивать свою этническую обособленность.

В 1960–1970-е годы этническое возрождение распространилось на Европу. В бывшем Советском Союзе этническое возрождение стало очевидным с середины 1980-х гг. и сыграло важную роль в последующем распаде государства. В последней трети столетия этническое возрождение превратилось во всемирный феномен, определивший контуры исторического процесса на рубеже веков.

Этническое возрождение не может не угрожать стабильности централизованных многонациональных государств — основной формы государственности в современном мире. Этническое возрождение не является изначально этническим конфликтом, но сама логика его развития приводит к идее создания национального государства.

По прогнозам некоторых ученых, сепаратизм и дезинтеграция государств будут сопровождать все общественные процессы в обозримом будущем. Пройдет 25–30 лет, и число государств мира увеличиться процентов на пятьдесят. Тенденция на самоопределение и создание национального государства станет преобладающей[21].

---

[21] См.: *Аверсентьев В.А.* Этнические конфликты: история и типология // Социологические исследования. 1996. № 12. С. 48.

ГЛАВА IX

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО: ОСНОВАНИЯ И МЕХАНИЗМЫ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ

1. Социальная стратификация как структурированное неравенство

Термин «стратификация» заимствован социологией из естественных наук и происходит от латинского «stratum» — настил, слой. В гидрологии под стратификацией понимается распределение по вертикали слоев воды различной плотности и температуры, в метеорологии — распределение температуры воздуха в атмосфере по высоте, от которого зависит возможность возникновения и степень развития вертикальных атмосферных потоков.

Даже беглый взгляд, брошенный на общество, позволяет увидеть его внутреннюю неоднородность и сложную иерархию. Наиболее часто для целостного представления социальной структуры используется образ пирамиды или горы, состоящей из множества различных социальных слоев и групп. Социолог описывает строение общества подобно геологу, исследующему расположение пластов породы, обнажившихся на горном склоне или речном обрыве.

Почему расслоение общества по вертикали существовало в древности и существует до сих пор? Почему некоторые группы в обществе богаче, обладают большей властью и авторитетом, чем другие? Является ли неравенство неизбежным следствием развития цивилизации и способствует ли оно общественному прогрессу? Почему даже в богатых индустриальных странах продолжает существовать бедность? Наконец, насколько велики шансы каждого человека подняться на вершину социальной пирамиды? На все эти вопросы отвечает *теория стратификации*.

Одно из наиболее лаконичных определений социальной стратификации дал современный английский социолог Энтони Гидденс:

«**Стратификация** может быть определена как структурированные неравенства между различными группами людей»[1]. **Неравенство** между людьми или общностями (группами) людей предполагает неодинаковые условия и возможности получения ими различных социальных благ: денег, материальных и духовных ценностей, власти и престижа. Безработный вряд ли позволит себе купить океанскую яхту и роскошный особняк за границей в отличие от нефтяного магната. Рабочий мясоперерабатывающего комбината в советскую эпоху имел на столе мясной бифштекс или окорок гораздо чаще, чем преподаватель техникума. Профессору университета легче устроить свою дочь в высшее учебное заведение, чем уборщице. Премьер-министр оказывает гораздо большее влияние на политику в стране, чем рядовой обыватель. Структурированное неравенство означает, что неравный доступ различных общностей людей к ресурсам и ценностям закрепляется посредством социальных институтов, поддерживается посредством социальных организаций, например, государства, и передается из поколения в поколение. В результате в обществе образуется стройная система взаимосвязанных и иерархически организованных социальных слоев (страт).

Наличие иерархии характерно для любой относительно устойчивой социальной группы (общности). **Иерархия** — расположение частей или элементов целого в порядке от высшего к низшему.

Вступая в регулярные и повторяющиеся социальные взаимодействия, представители общности (группы) приобретают тот или иной стабильный статус (положение в сообществе себе подобных) в зависимости от их вклада в коллективную деятельность или в зависимости от успехов в своих профессиональных занятиях. Каждому статусу соответствует свой уровень влияния, власти и авторитета. В семье, будь то большая патриархальная семья древних славян или семья современного российского горожанина, кто-то выполняет роль добытчика и кормильца, а кто-то является иждивенцем, потребляющим блага. Как правило, добытчик и кормилец имеет высокий семейный статус, и от него зависят другие члены семьи. В студенческой группе всегда имеются отличники, «середнячки» и двоечники, обитатели «камчатки». В группе спортсменов наивысшие почести обычно оказывают победителям соревнований, чемпионам и рекордсменам. В профессиональном спорте они получают наивысшие гонорары.

---

[1] *Гидденс Э.* Стратификация и классовая структура // Социологические исследования. 1992. № 9. С. 112.

Со временем в общности (группе) функциональные роли и статусы отделяются от личных качеств исполняющих их людей и образуют своеобразную «табель о рангах» — обезличенную структуру, в которой влияние, власть и авторитет приписываются не конкретной личности, а статусу, рангу в рамках группы, независимо от того, какими индивидуальными качествами обладает человек, занимающий данную позицию. В древности статус фараона, императора, царя требовал, чтобы при виде его особы подданные падали ниц, независимо от того, был ли монарх великим правителем и военачальником или малолетним ребенком. В данном случае почести воздавались должностному статусу, а не личности. Статусы и соответствующие им функциональные роли, ранжированные в зависимости от уровня влияния-власти-авторитета, составляют *социальную иерархию*. Неравное положение различных статусов в иерархии закрепляется социальными нормами, традициями и ритуалами, гарантируется системой социального контроля. Состав общности (группы) может изменяться, но если традиции, нормы и ритуалы воспроизводятся ее новыми членами, то воспроизводится и социальная иерархия. Таким образом, возникновение и развитие социальных общностей и групп, укрепление межличностных связей и отношений внутри них неизбежно приводят к формированию иерархий статусов, а, следовательно, и к возникновению неравенства в отношениях влияния—власти—авторитета внутри общностей (групп).

Социальная иерархия имеет место не только внутри группы (общности), но и внутри больших социальных систем, общества в целом. В первом случае мы можем говорить об иерархии статусов индивидов, во втором — об иерархии статусов общностей или групп. Иерархия общностей (групп) также характеризуется неравенством в отношениях влияния, власти и авторитета. Социальное неравенство между людьми складывается из неодинаковых условий и возможностей получения индивидом различных социальных благ (денег, материальных и духовных ценностей, влияния и престижа) внутри общности и неравного доступа различных общностей и групп к ресурсам и ценностям в обществе в целом.

По каким основаниям расслаивается общество? Основоположник структурно-функционального анализа, американский социолог Т. Парсонс выделял три основные группы социально-дифференцирующих признаков[2].

---

[2] *Parsons T.* A revised analitical approch to the Theory of Social Stratification // Class, System and Power. N.Y., 1972. P. 389.

Первую группу образуют признаки, полученные индивидом от рождения: возраст, принадлежность к какому-либо полу, родственные связи, этническая и расовая принадлежность, физические особенности человека (красота, физическая сила и т. д.). Они составляют основу предписанных статусов.

Вторую группу составляют признаки, связанные с исполнением личностью социальных ролей: характеристики, описывающие ролевую, в частности, профессиональную деятельность, содержание и условия труда, наличие знаний, умений, навыков, опыта работы, соответствующих данной профессии.

В *третью группу* входят признаки «обладания»: владение собственностью, возможность обладания знаниями и ценностями духовной культуры, обладание властью и влиянием, наличие привилегий и т. д. Вторая и третья группа прямо связаны с достигаемым статусом личности.

Описанная классификация социально-дифференцирующих признаков имеет два достоинства: во-первых, практически все признаки поддаются эмпирическому измерению; во-вторых, их разнообразие позволяет дать многомерную картину социальной стратификации для конкретного типа общества.

Наряду с классификацией Парсонса в теории социальной стратификации выделяется еще один дифференцирующий признак, имеющий самостоятельное значение и оказывающий существенное влияние на расслоение общества. Это — *общественная оценка социальной роли или статуса.* По словам американского социолога Б. Барбера, социальная стратификация «есть продукт взаимодействия социальной дифференциации и социальной оценки»[3]. Представители общности или группы, к которой принадлежит индивид, постоянно оценивают как его социальный статус, так и «качество исполнения» им тех или иных социальных ролей и на основе оценки определяют виды общественного «вознаграждения» его деятельности. Оценка и вознаграждение выполняют в системе социальной стратификации две важные функции. Во-первых, это — воспроизводство способности к труду данного вида: подготовка летчика, менеджера или юриста обходится обществу (да и родителям этого человека) значительно дороже, чем подготовка грузчика или дворника, кроме того, поддержание способности к труду данного вида предполагает удовлетворение различных потребностей у людей разных профессий. Вторая функция — это поддержание стимулов, обеспечивающих приток новых людей, участвующих в данном виде

[3] *Barber B.* Social Stratification. N.Y., 1957, P. 3.

трудовой деятельности, взамен выбывающих. Например, в советский период, когда прописка в Москве была ограничена, профессия дворника открывала для иногородних перспективу получения московской квартиры и прописки, что, несмотря на низкую заработную плату, было мощным стимулом для заполнения свободных вакансий. Неодинаковые общественная оценка и вознаграждение как бы «встроены» в иерархию социальных позиций и описываются таким показателем как *престижность позиции*.

Таким образом, признаки, которые описывают социальное неравенство и на основе которых общество расслаивается на страты, многообразны. В различные исторические эпохи и в разных типах обществ на первый план выходят и являются определяющими различные комбинации социально-дифференцирующих признаков. Более подробно мы рассмотрим эту тему там, где речь пойдет об исторических типах стратификационных систем.

Для характеристики строения общества в социологии традиционно используются два понятия — *«социальный слой»* (его синоним — *«страта»*) и *«класс»*. В зависимости от того, какое понятие берется за основу, различают теории стратификации и теории классов. В обыденном представлении классовую теорию связывают с марксизмом, что не совсем правильно, так как понятийный аппарат этой теории используется не только Марксом и его последователями, но и другими учеными.

В современной научной литературе можно встретить несколько подходов к определению понятий «класс» и «социальный слой». Часть ученых рассматривает их как синонимы. Другие эти понятия различают, причем термин «слой» применяется к группам, выделенным внутри классов, т. е. эти понятия рассматривают как однопорядковые, но имеющие различную степень общности. Наконец, существует третий подход. Суть его в том, что понятие «страта» («слой») применяется для описания иерархии социальных общностей и групп внутри общества и характера отношений между ними. Конкретные живые люди могут находиться на разных этажах социальной пирамиды, обладать различным влиянием на жизнь общества, вступать в солидарные или антагонистические взаимодействия друг с другом. Отдельный человек, являясь членом семьи, жителем города или села, представителем этнической группы (племени, народности, нации), включается в тот или иной **социальный слой (страту)** — общность людей, занимающих относительно близкое положение в профессиональной, социально-экономической и политической иерархиях и обладающих сходным уровнем влияния и престижа. Положение рабочего на частном

предприятии в Москве, Воронеже, Иркутске, Бомбее или Сан-Франциско, несмотря на различие в деталях, в основных чертах будет сходным, как и положение владельцев этих частных или акционерных предприятий. Но *различие статусов* владельца крупного завода, фабрики и наемного промышленного рабочего будет заметно невооруженным глазом независимо от страны их проживания, национальных традиций и обычаев. Различия между ними в уровне доходов, характере труда, отношении к собственности, степени влияния и престижа будут объективно, т. е. независимо от личных качеств людей и их желаний, определять *характер отношений между социальными слоями*.

Теория стратификации изучает реальную картину расслоения общества на социальные общности, различающиеся положением их членов по отношению к собственности, власти, по месту в общественном разделении труда и уровню престижа. Для того чтобы получить многомерную картину социальной дифференциации в конкретном типе общества или конкретной стране, проводятся эмпирические «замеры» уровня дохода, образования, имущественного неравенства, состояния «потребительской корзины», описываются этнокультурные, половозрастные характеристики и политические позиции тысяч людей. В эмпирической западной социологии для анализа обобщенного статуса индивида (положение человека в своем социальном слое + положение слоя в общественной иерархии) очень часто используется **социально-экономический индекс позиции**, исчисляемый на основе трех показателей, таких как престиж профессии, уровень дохода и уровень образования.

По поводу понятия «класс» очень точно высказался в 20-х гг. XX в. известный русский социолог П.А. Сорокин: «Класс наделал своим теоретикам не меньше хлопот, чем национальность. И в этом случае попытки «схватить этого Протея» оказывались не более успешными: «класс» либо ускользал и ускользает из пальцев своих теоретиков, либо, пойманный, превращается в нечто столь неопределенное и неясное, что становится невозможно отличить его от ряда других кумулятивных групп, либо, наконец, сливается с одной из элементарных группировок»[4]. К сожалению, несмотря на множество дискуссий вокруг этого термина, он не определен с должной ясностью по сей день.

Понятие социального класса стало широко использоваться в общественных науках в XVIII–XIX вв., что хронологически совпадает со временем становления современного индустриального

[4] *Сорокин П.А.* Система социологии. М., 1993. Т. 2. С. 357.

общества в Англии, Франции, Германии. Французские историки эпохи Реставрации (Ф. Гизо, О. Минье), у которых К. Маркс заимствовал термин «класс», использовали его для описания борьбы различных слоев населения в период Великой Французской революции. Заслуга Маркса перед наукой заключается в том, что он выделил противостоящие друг другу классы нарождающегося капиталистического общества и объяснил экономическую природу их *классового конфликта*.

В лаконичной форме *определение понятия «класс», соответствующее марксистской традиции* в социологии, можно найти у В.И. Ленина: «Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы — это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства»[5]. Как правоверный марксист, Ленин считал, что антагонизм между основными классами капиталистического общества неизбежен в силу их различного отношения к собственности.

Еще одна научная традиция ведет свое начало от теории классов немецких ученых Г. Шмоллера и М. Вебера. Первый разработал теорию происхождения классов на основе разделения труда и образования профессий. Второй, в противоположность Марксу, к экономическому измерению стратификации добавил еще два измерения: отношение к власти и уровень престижа. Расхождение М. Вебера с марксизмом заключалось еще и в том, что он связывал понятие класса лишь с капиталистическим обществом, где важнейшим регулятором отношений выступает рынок. Взгляды Шмоллера и Вебера при всех различиях объединяет стремление вывести положение классов в обществе из многих факторов, в отличие от марксизма, сводящего все к отношениям собственности и месту индивида в общественном разделении труда. Так что веберианская традиция в теории классов сближается с основными положениями теории стратификации, например, в изложении П.А. Сорокина.

Значительное развитие обе традиции в классовой теории получили с началом массовых эмпирических исследований социальной дифференциации в 30–70-х годах XX в. Первой крупной работой

[5] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 15.

по этой теме в американской социологии явилась книга Р. Линда «Middltown», в которой анализировалось влияние экономического неравенства на политические, образовательные и религиозные институты в рамках локальной территориальной общности («community»). Линд провел одно из первых многомерных исследований стратификации, сочетая марксистскую и веберианскую методологию.

Ллойд Уорнер в своем масштабном эмпирическом исследовании «Yankee City» впервые использовал для анализа социального расслоения «субъективные» критерии стратификации, т. е. оценку американцами классовых позиций друг друга. Анализируя субъективные характеристики принадлежности к классу, Уорнер разработал стандартный индекс статусных позиций, включавший в себя такие показатели, как образование, место жительства, доход и происхождение, и выделил в американском обществе шесть классов. В целом он следовал веберианской теоретической традиции, рассматривая класс как статусную группу.

Уже первые эмпирические исследования социально-классовой структуры современного индустриального общества показали ограниченную познавательную ценность понятия «класс». Этот термин показал свою относительную эффективность при сравнительном анализе общественно-экономических формаций, внутренних противоречий и конфликтов, которые приводят к смене социально-экономических систем, но при анализе расслоения сравнительно небольших территориальных или этнических общностей термин «класс» оказался непригоден и был вытеснен понятием «страта».

Исследование происхождения понятия «класс» и традиций употребления этого слова позволяет наметить две сферы использования этого термина в современной теоретической и эмпирической социологии.

Поскольку появление данного термина связано со становлением капиталистического строя, и он недостаточно эффективно «работает» при анализе каст, сословий и иных форм расслоения в древних обществах, *понятие «класс» следует применять для анализа конкретного исторического типа стратификации* — социальной дифференциации в индустриально развитых странах.

Второе направление использования термина «класс» наметил известный германский социолог Р. Дарендорф. Он писал: «...класс — это всегда категория для целей анализа динамики социального конфликта и его структурных корней, и поэтому может быть четко отделен от страты как категории для описания иерархических

систем в данный момент времени...»[6]. В рамках такого словоупотребления класс можно определить как конфликтную социально-экономическую группу, которая оспаривает существующее распределение собственности, власти и привилегий. Любая страта или группа родственных страт потенциально является классом (в теории Маркса такое сообщество именуется «классом в себе»), но действительным классом («классом для себя») они становятся лишь осознав общность своих интересов и оформившись организационно, создав корпоративные организации: профсоюзы, союзы предпринимателей, политические партии и т. д. При подобной трактовке термин «класс» становится категорией не только социологического, но и политического анализа.

2. Понятие и виды социальной мобильности

Выше мы упоминали о том, что социальная иерархия существует в любой устойчивой социальной группе и что все социальные системы построены иерархически. Постоянство общественной иерархии, однако, не означает, что ее элементы — индивиды, социальные группы и слои — все время неподвижны. Изменение индивидом, социальной группой, социальным слоем своей позиции (статуса) в общественной иерархии (социальной структуре) именуется **социальной мобильностью.**

Существует два основных типа социальной мобильности: *горизонтальная и вертикальная.* Под горизонтальной социальной мобильностью, или перемещением, подразумевается переход индивида или социальной группы из одной социальной структуры в другую без потери статуса (социальной позиции). Примерами горизонтальной мобильности являются: перевод курсанта из одного военного училища в другое; перемещение сотрудника на равноценную должность из одной фирмы в другую; передача одной или нескольких организаций из одного министерства в другое — передача Главного управления по исполнению наказаний и всей системы подведомственных ему учреждений из ведения МВД России в Минюст России и т. д.

Под вертикальной социальной мобильностью подразумеваются переход индивида или социальной группы (слоя, класса) с одного уровня общественной иерархии на другой. В зависимости от направления перемещения существует два типа вертикальной мобильности: *восходящая и нисходящая, т. е. социальный подъем и социальный*

[6] *Dahrendorf R.* Class and Class Conflict in Industrial Society. L., 1959. P. 76.

спуск. В соответствии с природой стратификации есть нисходящие и восходящие течения экономической, политической и профессиональной мобильности, не говоря уже о других менее важных типах. Восходящие течения существуют в двух основных формах: проникновение индивида с нижнего уровня в более высокий уровень иерархии — *индивидуальная восходящая мобильность*, или создание такими индивидами новой группы и проникновение всей группы в более высокий уровень социальной структуры — групповая восходящая мобильность. Соответственно и нисходящие течения также имеют две формы: первая заключается в падении индивида с более высокой социальной позиции на более низкую, не разрушая при этом исходной группы, к которой он ранее принадлежал — *индивидуальная нисходящая мобильность*; другая форма проявляется в деградации социальной группы в целом, в понижении ее ранга на фоне других групп или в разрушении ее социального единства — *групповая нисходящая мобильность*.

Случаи индивидуального проникновения в более высокие пласты или падения с высокого социального уровня на низкий привычны и понятны. Они не нуждаются в объяснении. Вторую форму социального восхождения, опускания, подъема и падения групп следует рассмотреть подробнее.

Большевики в России до революции не имели какого-либо особо признанного высокого положения. Во время революции эта группа преодолела огромную социальную дистанцию и заняла самое высокое положение в русском обществе. В результате все ее члены en masse' были подняты до статуса, занимаемого ранее царской аристократией. Подобные явления наблюдаются и в ракурсе чистой экономической стратификации. Так, до наступления эры «нефти» или «автомобиля» быть известным промышленником в этих областях не означало быть промышленным и финансовым магнатом. Широкое развитие этих отраслей сделало их самыми важными промышленными сферами. Соответственно, быть ведущим промышленником — нефтяником или автомобилистом — значит быть одним из самых влиятельных лидеров промышленности и финансов. Все эти примеры иллюстрируют вторую, коллективную форму восходящих и нисходящих течений в социальной иерархии общества.

С количественной точки зрения следует разграничить интенсивность и всеобщность вертикальной мобильности. Под *интенсивностью* понимается вертикальная социальная дистанция или количество уровней общественной иерархии (экономических, профессиональных или политических), проходимых индивидом в его

восходящем или нисходящем движении за определенный период времени. Если, например, некий индивид за год поднимается с позиции человека с годовым доходом в 500 долл. до позиции человека с доходом в 50 тыс. долл., а другой за тот же самый период с той же исходной позиции поднимается до уровня в 1000 долл., то в первом случае интенсивность экономического подъема будет в 50 раз больше, чем во втором. Для соответствующего изменения интенсивность вертикальной мобильности может быть измерена и в области политической и профессиональной стратификации.

Под *всеобщностью* вертикальной мобильности подразумевается число индивидов, которые изменили свое социальное положение в вертикальном направлении за определенный промежуток времени. Абсолютное число таких индивидов дает *абсолютную всеобщность* вертикальной мобильности в структуре населения данной страны, пропорция таких индивидов ко всему населению дает *относительную всеобщность* вертикальной мобильности.

Наконец, соединив интенсивность и относительную всеобщность вертикальной мобильности в определенной социальной сфере (скажем, в экономике), можно получить *совокупный показатель вертикальной экономической мобильности данного общества*. Сравнивая, таким образом, одно общество с другим или одно и то же общество в разные периоды своего развития, можно обнаружить, в каком из них или в какой период совокупная мобильность была выше. То же можно сказать и о совокупном показателе политической и профессиональной вертикальной мобильности.

На основании вышесказанного легко заметить, что социальная стратификация одной и той же высоты, а также одного и того же профиля может иметь разную внутреннюю структуру, вызванную различиями в интенсивности и всеобщности горизонтальной и вертикальной мобильности.

Теоретически может существовать стратифицированное общество, в котором вертикальная социальная мобильность равна нулю. Это значит, что внутри такого общества отсутствуют восхождения и нисхождения, не существует никакого перемещения членов этого общества, каждый индивид навсегда прикреплен к тому социальному слою, в котором он рожден. В таком обществе оболочки, отделяющие один слой от другого, абсолютно непроницаемы, в них нет никаких «отверстий» и нет никаких ступенек, сквозь которые и по которым представители различных слоев могли бы переходить с одного «этажа» на другой. Такой тип общества можно определить как *абсолютно закрытый*.

Теоретически противоположный тип внутренней структур стратификации одной и той же высоты, а также одного и того профиля — тот, в котором вертикальная мобильность чрезвычай интенсивна и носит всеобщий характер. Здесь перепонка меж слоями очень тонкая, с большими отверстиями для перехода одного «этажа» на другой. Поэтому, хотя социальное здание так стратифицировано, как и социальное здание неподвижного тип «жильцы» различных слоев постоянно меняются; они не остают подолгу на одном и том же «социальном этаже», а при помощ огромнейших лестниц они в массовом порядке передвигаютс «вверх и вниз». Такой тип общества может быть определен *ка открытый*. Оба типа общества — закрытый и открытый — являютс научными абстракциями, идеальными моделями; в разные истори ческие эпохи в реально существующих обществах меняется интен сивность и всеобщность вертикальной мобильности. Так, каст вый строй в Древней Индии приближается к образцу закрыто общества, а Россия или Франция в период социальных революций к идеалу открытого общества.

Поскольку вертикальная мобильность присутствует в той ил иной степени в любом обществе, постольку между уровнями об щественной иерархии должны существовать некие «лестницы» «лифты» или «пути», по которым индивиды и перемещаются вве или вниз из одного слоя в другой. В социологии они называют «каналы социальной мобильности».

Каналы социальной мобильности — социальные институты и орга низации, посредством которых человек изменяет свое положени в общественной иерархии. Продвижение индивидов по каналам социальной мобильности регулируется с помощью **социальны барьеров и фильтров** — совокупности ролевых требований, соот ветствующих тому или иному месту в социальной системе.

Важнейшими каналами социальной мобильности, существ ющими в большинстве обществ, являются: *армия, церковь, школ политические, экономические и профессиональные организации, сем и брак*.

Армия как канал социальной циркуляции. Данный институ играет особенно важную роль в военное время, т. е. в периоды межгосударственных и гражданских войн. Нет нужды говорить, насколько судьба общества зависит от успеха в войне. Хотим мы того или нет, стратегический талант, мужество солдат независимо от их социального положения особенно высоко ценятся в такие периоды. Кроме того, война подвергает испытаниям и талант простого солдата, и способности привилегированных классов,

Опасность, грозящая армии и государству, настойчиво принуждает последних ставить солдата в положение, отвечающее его истинным способностям. Вместо наград их ждет повышение по службе. Крупные потери среди командного состава приводят к заполнению вакансий людьми более низких чинов. В ходе войны эти люди продвигаются в звании прежде всего при наличии таланта. Полученная таким образом власть используется для дальнейшего продвижения по службе. Возможность грабить, мародерствовать, всячески унижать свою жертву, мстить врагам, окружать себя помпезными церемониями, титулами и т. п. предоставляет таким людям новую возможность купаться в роскоши, передавать свою власть по наследству потомкам — одним словом, получить всю полноту статуса героя.

Это служит объяснением того, почему армия всегда играла специфическую роль «социальной лестницы», благодаря которой простолюдины становились генералами, графами, принцами, монархами, диктаторами, властелинами мира сего. В то же время многие «урожденные» аристократы, принцы, короли, графы, правители утрачивали свои титулы, звания, состояния, социальное положение и даже лишались жизни. Подобные факты настолько многочисленны, ими настолько изобилуют анналы истории, что достаточно, видимо, привести лишь несколько характерных примеров.

Во-первых, большая часть вождей воинственных племен стали лидерами и правителями благодаря войнам и армии.

Во-вторых, как известно, из 92 римских императоров 36 достигли этого высокого общественного положения, начав с низших социальных слоев, продвигаясь по социальной лестнице именно благодаря службе в армии.

С другой стороны, тысячи невезучих военных командиров, потерпев поражение, становились рабами, понижались в должности, подвергались остракизму, исключались, изгонялись, короче говоря, резко шли вниз. Все они дают иллюстрацию нисходящего движения посредством того же самого военного канала.

В мирное время армия продолжает играть роль канала для вертикальной циркуляции, но в эти периоды роль его значительно меньше, чем в военное время.

Церковь как канал вертикальной циркуляции. Вторым, из числа основных каналов длительное время была церковь. Но церковь выполняет эту функцию только тогда, когда возрастает ее социальная значимость. В периоды упадка или в начале существования

той или иной конфессии ее роль как канала социальной стратификации малозначима и несущественна. История христианской церкви подтверждает эти утверждения.

После легализации христианства церковь начала выполнять функцию той лестницы, по которой стали подниматься рабы и крепостные, причем иногда до самых высших и наиболее влиятельных позиций. Последователями христианской веротерпимости на начальных этапах были в основном выходцы из низших социальных слоев. После легализации христианства двери церкви и проходы к ее высшим рангам были еще открыты для простых людей. Рабы и зависимое крестьянство, люди простого происхождения, которые становились служителями культа, получали благодаря церкви свободу и достигали высоких позиций в обществе. Те, кто становились папами, кардиналами, нунциями, патриархами или другими высшими церковными авторитетами, одновременно достигали высшей или одной из высших социальных позиций в средневековом обществе.

Будучи каналом для восходящего движения, церковь была одновременно и средством для движения нисходящего. Достаточно указать на тысячи еретиков, язычников, врагов церкви, преступников, смещенных церковными агентами, отданных под суд, замученных, униженных, разоренных и уничтоженных. Хорошо известно, что среди этих «разжалованных» было немало королей, герцогов, князей, лордов, аристократов и дворян высоких рангов — словом, всех, кто занимал высокое социальное положение.

В течение последних нескольких веков, при постепенном сокращении социальной значимости церкви начала сокращаться ее роль как средства социальной циркуляции. Движение вниз и вверх внутри церковных рангов, естественно, продолжается, но оно уже не имеет былого значения. Вертикальные течения внутри церковной стратификации не затрагивают другие социальные течения, как это было раньше.

Все, что было сказано о христианской церкви, можно отнести и на счет других религиозных организаций. Буддизм, мусульманство, даосизм, конфуцианство, индуизм, иудаизм, несмотря на замкнуто-кастовый характер, играли роль каналов вертикальной циркуляции в соответствующих обществах. В периоды роста и наивысшего влияния они возвеличивали своих адептов не только внутри своих организаций, но и внутри общественных рангов.

«Школа», точнее институт образования, как канал вертикальной циркуляции. Институты образования и воспитания, какую бы конкретную форму они ни обретали, во все века были средствами

вертикальной социальной циркуляции. В обществах, где школы доступны всем его членам, школьная система представляет собой «социальный лифт», движущийся с самого низа общества до самых верхов. В обществах, где привилегированные школы доступны только высшим слоям населения, школьная система представляет собой лифт, движущийся только по верхним этажам социального здания, перевозящий вверх и вниз только «жильцов» верхних «этажей». Однако даже в таких обществах некоторым индивидам из низших слоев все-таки удавалось проникнуть в этот «школьный лифт» и благодаря ему возвыситься. В качестве примера обществ, в которых школьная система представляет собой лифт, движущийся вверх и вниз с самых низов социального конуса до его верха, возьмем китайское общество и современные европейские страны.

В Китае приток людей в высшие социальные и политические слои происходил в основном посредством школьного «механизма». Этот факт, может быть, известен немногим, но именно он даст основание определять китайский политический режим как «систему образовательных выборов» или «систему образовательной селекции». Школы были открыты для всех классов. Лучшие ученики вне зависимости от их семейного статуса отбирались и переводились в высшие школы, а затем в университеты; из университетов они попадали на высокие правительственные позиции, а самые талантливые — в высшие социальные ранги. Таким образом, китайская школа постоянно повышала людей простого происхождения до высших рангов и препятствовала продвижению (или даже скорее понижала ранг) людей, происходящих из высших слоев, которые не смогли удовлетворить требованиям школьной селекции.

В современном западном обществе школы представляют один из наиболее важных каналов вертикальной циркуляции, причем это проявляется в самых разнообразных формах. Не окончив университета или колледжа, фактически нельзя (а в некоторых европейских странах запрещено даже юридически) достичь какого-либо заметного положения среди высоких правительственных рангов и во многих других областях, и наоборот, выпускник с отличным университетским дипломом легко продвигается и занимает ответственные правительственные посты вне зависимости от его происхождения и социального положения его семьи. Многие социальные сферы и ряд профессий практически закрыты для человека без соответствующего диплома. Труд выпускников высших учебных заведений оплачивается выше. Социальное продвижение многих именитых людей в современных демократиях осуществлялось благодаря школьному «механизму». Роль канала, которую исполняет

современная школа, становится все более значимой, ведь, по сути, она взяла на себя функции, ранее выполнявшиеся церковью, семьей и некоторыми другими институтами. Все возрастающая социальная значимость школ открывает для них возможность либо приносить большую общественную пользу — в случае хорошей организации, либо, в противном случае, огромный вред.

Правительственные группы, политические организации и политические партии как каналы вертикальной циркуляции. Политические организации, начиная с правительства и кончая политическими партиями, также играют роль «лифта» в вертикальной циркуляции. Человек, единожды поступивший на должность, пусть даже и самого нижнего ранга, или ставший служащим у влиятельного правителя, поднимается при помощи этого «лифта», поскольку во многих странах существует автоматическое продвижение лиц по службе с течением времени. Кроме того, чиновник или клерк всегда имеют шанс быстрого продвижения, если их служба оказывается более ценной. Исторически большое количество людей, рожденных в слоях прислуги, крестьянства или ремесленников, поднялись до заметных общественных позиций. Было это в прошлом, происходит это и сейчас. В Риме, особенно после правления императора Августа, продвижение рабов, слуг и свободных по этой «лестнице» проходило широким фронтом. Слуги разных правителей, будучи вовлеченными в государственную сферу, нередко сами становились правителями. Яркий пример тому — карьера Меньшикова при Петре I.

Несколько по-иному это положение дел вошло в наше столетие. Карьера многих выдающихся государственных деятелей началась или с поста личного секретаря влиятельного политика, или вообще с чиновника низшего ранга. Используя любую возможность, они продвигались до более высоких постов, а иногда даже до самых высоких общественных позиций. Их дети, родившиеся уже в более высоком социальном слое, продолжали это восходящее движение. В результате через два-три поколения все семейство заметно продвигалось по иерархической социальной лестнице.

В демократических странах, где институт выборов играет решающую роль в утверждении правителей, политические организации продолжают играть роль канала вертикальной циркуляции, хотя и несколько иной форме. Чтобы быть избранным, человек должен каким-либо образом проявить себя как личность, продемонстрировать свои устремления и способности, успешно выполнить функции лидера (сенатора, мэра, министра или президента). Самый легкий способ — это политическая деятельность или участие

в какой-либо политической организации. Без этого крайне мало шансов привлечь внимание избирателей и быть избранным. Поэтому политические организации играют сейчас особенно важную роль как канал социальной циркуляции. Многие функции, которые раньше принадлежали церкви, правительству и другим социальным организациям, берут на себя политические партии. Если бы не этот канал, то многие выдающиеся политики и государственные деятели вряд ли смогли бы достичь высокого положения в обществе.

То, что касается крупных политических партий, правомерно отнести и к мелким местным организациям, как бы они ни назывались. Каждый город и деревня имеют своих политических лидеров. Одним из каналов их политического продвижения становится местная политическая организация или партия.

Профессиональная организация как канал вертикальной циркуляции. Некоторые из этих организаций также играют большую роль в вертикальном перемещении индивидов. Таковы научные, литературные, творческие институты и организации. Поскольку вход в эти организации был относительно свободным для всех, кто обнаруживал соответствующие способности вне зависимости от своего социального статуса, то и продвижение внутри таких институтов сопровождалось общим продвижением по социальной лестнице. Многие ученые, юристы, литераторы, художники, музыканты, архитекторы, скульпторы, врачи, актеры, певцы и прочие творцы простого происхождения социально поднялись благодаря именно этому каналу.

Здесь должна быть упомянута печать, особенно газеты как специфический вид профессиональных институтов, важный канал вертикальной циркуляции. В настоящее время роль прессы в этом отношении значительно увеличилась. Она может обеспечить, по крайней мере на некоторое время, великолепную карьеру любой бездарности либо разрушить карьеру человеку незаурядных способностей. Прямо или косвенно она выполняет громадную роль «социального лифта». «Известность» — это то, без чего сейчас быстрое продвижение чрезвычайно затруднено. Она приносит славу часто на пустом месте, открывает или губит талант, может «преобразовать» средние способности в гениальные, может и задушить истинного гения. Поэтому те социальные группы, которые контролируют прессу, играют большую роль в социальной циркуляции, ибо она представляет собой один из самых шумных, эффективных и скоростных лифтов циркуляции.

Коммерческие организации как каналы социальной циркуляции. Какими бы ни были конкретные формы «обогащающихся» организаций — землевладение или коммерция, производство автомобилей или добыча нефти, горное дело или рыболовство, спекуляция или бандитизм, военный грабеж, — соответствующие им группы, институты и банды всегда выполняли роль канала подъема или падения в вертикальной социальной плоскости. Уже во многих первобытных племенах лидерами становились первым делом те, кто был богат. Накопление богатств приводило к социальному продвижению людей. Такова была ситуация среди большинства дописьменных племен. С самых ранних времен и на протяжении всей истории наблюдается тесная корреляция между богатством и знатностью. Она, как правило, нарушается только в периоды исключительные, а так — кто знатен, тот и богат. Проявление противоречий между знатностью и богатством (т. е. когда знатные бедны, а богатые лишены привилегий) обычно носит недолговременный характер. И тогда обедневшая знать насилием и мошенничеством присваивает богатства или богатые покупают или добиваются привилегий. История в этом смысле развивалась по-разному, но состояние гармонии всегда было одним и тем же: накопление богатств шло параллельно с ростом социального веса. Таким образом, уничтожалось противоречие и восстанавливалась гармония. Справедливо считали в свое время Рене Вормс, Вильфредо Парето и Шарль Бугле, что если легко сохранить социальный престиж ленивцу, то трудно сохранить его, беднея. Патриции, всадники, аристократы и сенаторский класс в Риме, высшие классы в Древней Греции после Солона и других реформаторов, древние высшие сословия среди русских, немцев, французов и кельтов были самыми богатыми классами. Даже в обществе, где знатность определяется происхождением, знать часто происходит от неблагородных, но процветавших предков; только в последующих поколениях она становится «знатью по происхождению». Даже в таком обществе продвижение преуспевающего накопителя всегда благоприятно вне зависимости от его происхождения. Вспомним и общественное влияние еврейских ростовщиков в средневековой Европе и Турции. На фоне относительно низкого статуса бедных евреев их богатейшие слои всегда были среди высших слоев средневекового и современного общества. Одновременно с возрастанием роли денег в средневековой Европе люди простого происхождения, но которые «делали деньги», начали подниматься по социальной лестнице. Роль класса предпринимателей увеличивается с ростом привилегий и его социального статуса в целом.

Нет необходимости говорить, что в современном капиталистическом обществе накопление богатств — один из самых простых и действенных способов социального продвижения. Преуспевающий предприниматель — крупнейший аристократ современного демократического общества. Если человек богат, то он находится на вершине социального конуса, вне зависимости от своего происхождения и источника доходов. Правительства и университеты, князья и церковнослужители, общества и ассоциации, поэты и писатели, союзы и организации щедро осыпают его почестями и титулами, учеными и другими степенями и т. п. Перед ним открыты все двери, начиная с положения короля великой империи и до чрезвычайно радикального революционера.

Семья и другие каналы социальной циркуляции. Среди других каналов вертикальной циркуляции можно упомянуть семью и брак (особенно с представителем другого социального статуса). Такой брак обычно приводит одного из партнеров или к социальному продвижению, или к социальной деградации. Таким образом, некоторые люди сделали себе карьеру, другие же — разрушили ее. В прошлом брак со слугой или с членом низшей касты приводил к «социальному падению» одного из партнеров, ранее занимавшего более высокое положение, и, соответственно, к понижению социального ранга его отпрысков.

По римскому закону, свободная женщина, вышедшая замуж за раба, сама становилась рабыней и теряла свой status liberatis. Ребенок, рожденный рабыней, пусть даже и от свободного гражданина, тоже становился рабом. Подобная деградация ожидала и мужчину и женщину высшего сословия, вступивших в брак с женщиной или мужчиной низшего сословия.

В настоящее время в демократических обществах мы наблюдаем взаимное «притяжение» богатых невест и бедных, хотя и титулованных, женихов. Оба партнера достигают тем самым своих целей: получения финансовой поддержки своему титулованному положению для сохранения его на необходимом уровне — одним, продвижения по социальной лестнице благодаря полученному богатству — другим.

Помимо этих каналов, без сомнения, существует множество других, но они менее значимы, чем все предыдущие. Всегда существовали наиболее привычные и удобные «подъемники», которые перевозили вниз и вверх потоки людей, «путешествовавших» в вертикальной плоскости. Тем, кто, как фермеры или рабочие, не пытались войти в один из них, суждено было остаться в нижних слоях, и у них было крайне мало шансов подняться.

Во все периоды каждый из вышеупомянутых институтов играл в той ли иной степени важную для определенного общества и в конкретный момент истории роль. Армия играет большую роль в период войны и социальных потрясений, но ее значение уменьшается в мирные периоды. Церковь имела большое значение в средние века, а в настоящее время ее роль также уменьшается. Накопление богатств и политическая деятельность имеют огромное значение сейчас, хотя несколько столетий тому назад их значение было менее ощутимым.

Изменяя свою конкретную форму и масштабы, каналы вертикальной циркуляции существуют в любом стратифицированном обществе, и они столь же необходимы ему, как кровеносные сосуды человеческому организму.

3. Исторические формы социальной стратификации

Неравенство существует на всех этапах развития человеческого общества. Даже в первобытном обществе, в простейших культурах, где фактически нет различия по уровню богатства или собственности, имеет место социальная дифференциация между мужчинами и женщинами, молодыми и стариками. Человек, например, может иметь более высокий статус, чем другие, потому, что более успешно охотится, или потому, что он или она обладают особыми знаниями и опытом (знахари, шаманы). Этнографами описаны случаи, когда примитивные племена в период голода бросали на произвол судьбы «малоценных» членов общества: дряхлых стариков, калек, тяжелобольных детей и взрослых. Подобный случай из жизни американских индейцев стал сюжетом одного из рассказов Джека Лондона («Закон жизни»).

Рабство — исторически первая система социальной стратификации. Оно возникло в глубокой древности в Египте, Вавилоне, Китае, Греции, Риме и сохранилось в ряде регионов практически до настоящего времени.

Рабство — система расслоения общества, основанная на различиях в принадлежности индивида к этнонациональным и территориальным общностям (роду, племени, общине). Человек являющийся членом племени (ирокезов, могикан, масаев и т. д.) или гражданином города-государства (Афин, Спарты, Рима) от рождения или приобретший гражданство, принадлежность к племени каким-либо иным путем, именовался «свободным» и имел все важнейшие права и привилегии: право владения землей или другой

собственностью, право ношения оружия и участия в военном ополчении, возможность участвовать в принятии значимых для племени, общины, города-государства решений, возможность избираться на высокие должности, дающие право управлять согражданами или соплеменниками, и т. д. Совсем иным было положение рабов.

Древнеиндийский термин «даса» — «раб» означал первоначально «враг», «чужак», «варвар». Подобным же образом о рабах высказывался и великий древнегреческий философ Аристотель: «...варвар и раб по природе своей понятия тождественные»[7]. Греки именовали варварами представителей всех племен и народов, язык которых был для них непонятен и казался им неблагозвучным (barbaros — букв. *непонятно болтающий*). Ясно, что воспитатель Александра Македонского, один из идеологов вторжения греков на Вос[illegible] в Персию, выражал не личную точку зрения, а общепринятое, характерное для своей эпохи мнение. Кроме рабов в древнегреческих полисах существовала и другая категория жителей, не имевших гражданских прав, — «метеки» — переселенцы, лично свободные люди из других государств, поселившиеся в городе. Среди них были богатые купцы, владельцы ремесленных мастерских, моряки. Сказанное выше позволяет предполагать, что у многих народов первыми рабами были военнопленные, а также мирное население побежденных племен. Позже источниками поступления рабов стали морское пиратство и сухопутный разбой, а также продажа в рабство за долги и обращение преступников в рабов.

По своему положению раб является лицом несамостоятельным, полностью зависимым от своего господина, хотя на разных стадиях развития рабства степень этой зависимости менялась. Первоначально в условиях патриархального рабства раб приравнивался по своему положению к младшим членам семьи, не имел права голоса на собрании общины, не носил оружия, выполнял самые непрестижные и тяжелые работы. Обычно через определенное время рабу давали свободу или принимали в члены общины.

Положение изменилось тогда, когда рабский труд стал использоваться в массовых масштабах для производства продуктов и ремесленных изделий на продажу и когда рабы тоже стали товаром. Раб уподоблялся вещи, с которой собственник мог распоряжаться, как ему заблагорассудится. Раба можно было убить, кастрировать, отдать внаем в публичный дом, заставить выступать в качестве гладиатора и т. д. По определению Аристотеля, раб являлся одушевленным орудием; по мнению современника Цезаря, римского

[7] *Аристотель.* Политика // Сочинения: В 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 377.

ученого Терренция Варрона, рабы принадлежали к одному из трех видов орудий труда: instrumentum mutum — немое орудие; instrumentum semivocale — орудие, способное издавать звуки, «мычащее»; instrumentum vocale — «говорящее» орудие, т. е. человек[8]. В условиях классического рабовладения в древности (в Афинах, Риме) рабы законодательно лишались практически всех гражданских прав. Подобные же правовые ограничения существовали в XVIII–XIX вв. на Юге США.

Традиционно в социологической литературе рабство рассматривается как наиболее выраженная, крайняя форма неравенства, при которой одни индивиды принадлежат другим как собственность и с помощью физического насилия принуждаются к труду. Но при этом следует иметь в виду, что подобные крайности, как правило, не распространялись на соплеменников и сограждан. При рабовладельческом строе именно этническая принадлежность предопределяла место индивида в системе разделения труда, объем его гражданских и политических прав, характер экономических отношений, в которые он мог вступать.

Рабство как историческая система стратификации постепенно ушло в небытие не только потому, что принудительный труд экономически оказался малоэффективным, а внешние завоевания перестали поставлять дешевых рабов, но и потому, что постепенно растворились этнокультурные барьеры между общинами и племенами, объединенными в границах одного государства, и сформировались новые этнонациональные общности. Иными словами, процесс культурной ассимиляции малых этнических групп совместно с экономическими и политическими причинами способствовал искоренению неравенства на основе этнической или расовой принадлежности.

Классический рабовладельческий строй прекратил свое существование с падением Римской империи, но в превращенной форме продолжал существовать на арабском Востоке и в Турции в феодальную эпоху. В эпоху Нового Времени рабство было возрождено европейцами в своих колониях. В США рабство было ликвидировано лишь после Гражданской войны между Севером и Югом в 1865 г. Рудиментарные формы рабства просуществовали на Ближнем Востоке до середины XX столетия, например в Саудовской Аравии они были отменены только в 1962 г. Превращенная форма рабства — апартеид (раздельное проживание разных рас) — дожила в Южно-Африканской республике до начала 80–90-х гг. XX в.

[8] См.: *Словарь* античности. М.: Прогресс, 1989. С. 89.

Пережитки этой древнейшей системы стратификации распространены в мире по сию пору, например, в виде урезания гражданских прав представителей некоренных наций и народностей.

Касты. Кастовая система стратификации, имеющая много общих черт с рабством, не получила такого широкого распространения. Классической страной кастового строя является Индия, где эта система стратификации была отменена лишь в 50-х гг. XX в.

Термин «каста» — португальского происхождения, сами индийцы используют для описания этого явления два основных термина, несколько различающиеся по значению, — «варна» и «джати». В кастовом строе важнейшим фактором, определяющим положение человека в обществе, является жесткая, передаваемая из поколения в поколение система разделения труда. **Каста, или варна,** является ни чем иным, как замкнутой социально-профессиональной группой, в пределах которой передаются профессиональные знания, навыки и привилегии. Житель древней Индии не мог произвольно выбирать род занятий, а наследовал только те профессии, которые допускались для его варны.

Особенностью кастовой системы стратификации является ее тесная связь с господствующей в обществе религиозной доктриной. Все современные мировые религии в той или иной форме оправдывают социальное неравенство, но в ведической религии, а потом и в индуизме необходимость расслоения общества вытекает как бы из самой человеческой природы. Неравенство между варнами древние индийцы объясняли естественным различием между людьми по степени их природного благородства и душевной чистоты. Высшей и самой «чистой» варной считались брахманы, выполнявшие жреческие функции и хранившие знания; вторыми по степени чистоты были кшатрии — воины, занимавшиеся наряду с военным делом еще и государственным управлением; третья группа, вайшьи — свободные общинники, для которых допускалось занятие земледелием, скотоводством, торговлей, ростовщичеством и т. д.; наконец, низшей по степени чистоты варной являлись шудры — неполноправные члены общины, исполнявшие самую грязную и непривлекательную работу.

Кастовая система стратификации естественным образом выросла из экономического уклада древнеиндийских общин, которые вели преимущественно натуральное хозяйство и могли существовать относительно обособленно как друг от друга, так и от государства. В каждой деревне вместе с крестьянами жили ремесленники тех профессий, которые удовлетворяли основные потребности жителей данной местности. В небольшой деревне мог быть один гончар,

один кузнец, один плотник, работавшие на заказ и обслуживавшие определенный круг семей. В более крупном поселении лица этих профессий могли занимать отдельную улицу или отдельный квартал. Профессия обычно передавалась от отца к сыну, что позволяло удержать в семье средства производства, необходимые для ремесла данного вида (кузницу, гончарную мастерскую и т. п.), и сохранить в тайне от возможных конкурентов секреты профессионального мастерства. Каждый член общины получал свою «экологическую нишу», дающую средства к существованию. Постепенно обычаи и традиции превратились в религиозные нормы и нормы права, а профессиональные группы отделились одна от другой незримыми перегородками. С течением времени система кастовой стратификации, распространенная по всей Индии, усложнилась, и внутри каждой варны выделились более мелкие социально-профессиональные группы — **джати**, союзы лиц конкретной профессии (торговцев, кузнецов, гончаров, музыкантов, писцов), со своими корпоративными интересами и корпоративной этикой. Джати отличались от варн наличием органов самоуправления, системы взаимопомощи, наличием общей кассы, пополняемой отчислениями членов джати. Каждая историческая область Индии имела характерные особенности расслоения варн на джати, что позволяло учитывать этнические особенности многонационального общества.

Кастовая система стратификации, как и рабство, характеризуется жестким ограничением социальной мобильности между слоями. Представитель варны или джати был ограничен в возможности изменения профессии, в выборе брачного партнера (супруга следовало выбирать только из своей варны), в возможности общения с представителями других каст (вплоть до запрета совместно принимать пищу). Многообразные и устойчивые связи внутри варн и джати делали эти социальные общности чрезвычайно устойчивыми к разнообразным внешним потрясениям (смене правящих династий, изменению границ государств, внешним завоеваниям и т. д.). Кастовая система стратификации придавала обществу незыблемость и упорядоченность. Будучи членом варны или джати, житель древней Индии обладал правом на защиту и поддержку со стороны всей своей касты, правом на участие в ее ритуалах и церемониях, возможностью повысить статус в рамках касты. При жестком ограничении индивидуальной мобильности членов общества они в то же время могли изменить социальное положение вместе с повышением или понижением статуса своей касты.

Самым тяжелым наказанием было исключение из касты. Люди, исключенные из своей касты, получали статус «неприкасаемых»,

потому что даже прикосновение к ним оскверняло членов четырех основных варн (даже шудр) и требовало очистительных действий. «Неприкасаемые» лишались практически всех гражданских прав.

В чистом виде кастовый строй просуществовал в Индии до середины XX в., но отдельные элементы кастовой системы стратификации встречаются в культурах многих стран мира. Например, в средневековой Европе и в России аналогом индийских джати были **цехи** городских ремесленников — замкнутые социально-профессиональные группы и организации, имеющие четкую внутреннюю иерархию (ученики, подмастерья, мастера), органы самоуправления, регулировавшие процесс передачи профессиональных знаний, конкуренцию в рамках данной профессии, контролировавшие качество товаров. Цехи оказывали влияние и на другие стороны жизни средневекового города: они являлись боевыми единицами городского ополчения в случае войны, выступали как политические организации в период борьбы за власть, частично или полностью совпадали с церковными приходами.

Пережитки кастовой системы, т. е. неравенства по профессиональному признаку, встречаются и в современном индустриальном обществе, в частности среди лиц таких престижных профессий, как врачи, юристы, дипломаты. Неравенство выражается в скрытой дискриминации при поступлении в высшие учебные заведения (детям недипломатов было весьма затруднительно поступить в Московский институт международных отношений), в высоком образовательном цензе при поступлении на работу (необходимость иметь ученую степень магистра или кандидата наук для начала преподавательской карьеры) и в процессе продвижения по службе (сдача экзаменов чиновниками в Японии для получения очередной должности). В развитых индустриальных странах сохраняются объективные условия, способствующие образованию кастоподобных профессиональных корпораций: высокий уровень специальных знаний, необходимый для освоения ряда престижных профессий; ограничение количества учебных заведений, где их можно получить; ограничение количества организаций и ведомств, где человек данной профессии может сделать карьеру.

Сословия. Сословная система социальной стратификации в классическом виде существовала в феодальной Европе в XI–XV вв., а ее национальные разновидности встречаются во многих других традиционных цивилизациях (арабской, индийской, китайской) начиная с девятого века н.э. На Ближнем Востоке сословная система длительное время сосуществовала с рабством, в Индии — тесно переплеталась с кастовой системой.

Русский историк В.О. Ключевский в своей работе «История сословий в России» определяет сословия как классы (в данном контексте «класс» — синоним термина «группа»), на которые делится общество «по правам и обязанностям, учрежденным верховной властью... Сословное деление существенно юридическое, устанавливается Законом в отличие от других общественных делений»[9]. В определении Ключевского выделены два важных признака сословной системы стратификации: во-первых, зависимость социального статуса индивида или группы от обладания властью и их отношения к субъекту верховной власти; во-вторых, закрепление социального положения, прав, привилегий, обязанностей с помощью норм права. Второй признак не является характерным только для сословий, он встречался и в более древних системах стратификации (рабство, касты). Первый признак остается качественной особенностью сословной системы стратификации независимо от того, в какой стране и в какую эпоху она существует.

На вершине иерархической пирамиды феодального общества находились два сословия — дворянство и духовенство. Дворянство обладало властью, основанной на военной силе; священнослужители имели монопольное влияние в области идеологии, в сфере образования и распространения знаний. Являясь опорой феодального государства, эти два сословия преобразовывали свою политическую власть в другие виды влияния.

Государство в лице верховного правителя (князя, сегуна, короля) владело какой-либо завоеванной территорией чисто номинально и передавало ее в фактическое пользование тому, кто сможет защитить эту землю и сохранить ее за центральной властью. Отсюда возникает феодальный институт бенефиция — жалование подданного землей за военную службу господину. В одних случаях такое право пользования сохранялось до тех пор, пока подданный — вассал — нес службу (в России такая форма землепользования называлась поместьем), других случаях — право пользования землей передавалось по наследству («вотчина»), но также при условии обязательной службы у господина. Со временем, когда военное значение иррегулярной дворянской конницы стало падать, появилась возможность заменять военную службу гражданской («статской») или придворной службой. Эта обязанность служилого сословия была отменена в России лишь Екатериной II, издавшей Указ «О вольности дворянства». Право пользования пожалованной землей означало и право кормления, т. е. управления данной территорией,

[9] *Ключевский В.О.* Соч. М., 1989. Т. 6. С. 225.

в том числе право суда и расправы по большинству административных и уголовных правонарушений.

Представитель воинского сословия — пользователь земли — мог обрабатывать ее самостоятельно или привлекать для этого профессиональных земледельцев. Привлечь крестьян к труду на завоеванных землях можно было с помощью военной силы. На территориях, не подвергавшихся завоеванию, процесс шел иначе. Первоначально свободное крестьянство заключало с военным-феодалом своеобразный договор о защите, в котором крестьяне брали на себя обязанность содержать и снабжать своего покровителя, он, в свою очередь, обязывался охранять их от разбойных нападений и наездов различных «сильных людей». Кстати, одно из современных значений слова «наезд» — вымогательство, рэкет, — полностью соответствует древнему значению этого слова и описывает очень распространенное занятие военных-феодалов эпохи Средневековья. В экономике феодального строя господствовали не рыночные, а распределительные отношения, так что изъятие или передел прибавочного продукта с помощью силы были нормальным явлением. Со временем отношения между сословиями получили более устойчивую и неравноправную форму: ограничивалось, а потом было полностью ликвидировано право перехода крестьян от одного феодала к другому, они были «прикреплены» к земле; увеличивались и становились более разнообразными повинности, налагавшиеся на крестьян. В конце концов в некоторых странах (в том числе в России в XVIII–XIX вв.) крестьяне стали частной собственностью своих господ, их продавали как с землей, так и без земли; по своему положению они фактически не отличались от рабов. Феодальная система приобрела законченную форму. Политическая власть и власть-собственность на землю слились воедино.

Если дворянство защищало границы государства и поддерживало в нем внутренний порядок, духовенство обеспечивало идейное единство общества, то самое многочисленное третье сословие по своей главной функции можно назвать «податным», так как его важнейшей обязанностью перед государством была уплата податей-налогов. В России в XVIII–XX вв. к податным сословиям относились купечество, крестьянство и мещанство (городские ремесленники и торговцы). Два высших сословия — дворянство и духовенство — налогов не платили.

В сословной системе стратификации так же, как и в более древних типах расслоения (рабство, касты), предписанный, передаваемый от рождения статус личности играл решающую роль в судьбе человека по сравнению со статусом достигаемым — социальным

положением, полученным благодаря собственным усилиям индивида. Благородное происхождение потомственного дворянина определялось заслугами его рода перед государством, что нашло отражение в сословных этических нормах, в понятиях «родовитость», «дворянская честь». Приписанный статус обычно оформлялся в виде титула, родового герба, генеалогического древа предков. Даже разорившийся обладатель дворянского титула имел в эпоху Средневековья значительно большие привилегии и находился на более высокой ступеньке социальной лестницы, чем преуспевающий торговец или богатый меняла. Два высших сословия обладали *привилегиями* практически во всех сферах общественной жизни, начиная от особого обращения — «ваше благородие», «сэр», «ваше преосвященство» — и кончая правом поступления в некоторые высшие учебные заведения (в России — Пажеский корпус, Морской корпус).

В то же время границы между сословиями не были такими непреодолимыми, как границы между кастами. Дворянство, в том числе дворянство наследственное, можно было *заслужить*, как это сделал например отец Ленина И.Н. Ульянов, или *купить*. Практика покупки титулов богатыми представителями третьего сословия во Франции была широко распространена в XVII–XVIII вв., что нашло свое отражение в художественных произведениях той эпохи, например в пьесе Мольера «Мещанин во дворянстве». Еще одним каналом для продвижения вверх по социальной лестнице в феодальном обществе были межсословные браки, которые хотя и не поощрялись общественным мнением, но не были запрещены законом.

Сословная система стратификации постепенно потеряла свое значение с распространением капиталистических производственных отношений. В европейских странах этот процесс занял несколько столетий. Пережитки сословной иерархии сохраняются в настоящее время во многих развивающихся странах. Встречаются они и в Европе, в частности, в Великобритании, где лидеры бизнеса или государственные чиновники получают рыцарские звания или титул пэра в подтверждение своих заслуг перед государством. К примеру, Маргарет Тэтчер, длительное время занимавшая пост премьер-министра Великобритании, после ухода в отставку получила титул баронессы.

Классы. Формирование классовой системы стратификации связано с возникновением современного индустриального общества и распространением капиталистических производственных отношений.

В условиях классового деления общества важнейшим признаком, определяющим положение человека в социальной иерархии,

является уровень дохода, владение собственностью или контроль над ней. Экономические возможности индивида — наличие или отсутствие материальных и финансовых ресурсов, положение на рынке труда — оказывают существенное влияние на его образ жизни и отношение к нему других людей.

В отличие от более древних типов социальных страт, классы не закрепляются с помощью правовых или религиозных норм, поэтому границы между классами не бывают столь же четко очерчены, как границы между сословиями или кастами.

В классовой системе стратификации *принадлежность к классу не предопределена от рождения и не наследуется*, что коренным образом отличает ее от предшествующих типов стратификационных систем. Предписанный, т. е. полученный от рождения, статус личности уже не оказывает определяющее влияние на судьбу индивида. Перед каждым членом общества открывается возможность «добывать» себе максимально высокое положение в иерархии. В современных индустриальных странах человек оценивается не столько по происхождению, сколько по его достигаемому статусу.

Свобода перемещения из одной страты в другую, вверх и вниз по ступеням социальной пирамиды — то, что в социологии называется уровнем индивидуальной мобильности, — в классовом обществе существенно выше, чем в более древних типах стратификационных систем, поскольку в нем ликвидированы основные формальные ограничения, мешавшие передвижению между слоями (запреты на браки представителей различных профессиональных, этнических, религиозных групп; обязательное наследование профессии, сословные привилегии и т. д.). Эта особенность классовой структуры современного индустриального общества нашла свое отражение в одном из его идеологических мифов: «Западное общество — общество равных возможностей».

К основным классам индустриально развитых стран традиционно относят: высший класс, включающий тех, кто владеет средствами производства и прямо контролирует материальные и финансовые ресурсы (владельцы и высшие управляющие крупных компаний, банков, акционерных обществ), а также тех, кто обладает политической властью (высшие руководители государства); средний класс, состоящий из самых разных социальных страт, объединяемых общим признаком — уровнем дохода («старый» средний класс — владельцы частных магазинов, хозяева небольших предприятий промышленности и сферы обслуживания; «белые воротнички» — люди, занятые продажей интеллектуального продукта», своих знаний, в промышленности, сфере управления, науке

и искусстве; низшая часть среднего класса — конторский персонал, продавцы, учителя, медсестры и т. д.); рабочий класс («синие воротнички»), объединяющий наемных работников промышленности, занятых преимущественно физическим трудом. В некоторых индустриальных странах, таких, как Франция и Япония, к описанной выше классовой структуре добавляют еще один производящий класс — крестьянство — мелких частных собственников, занятых сельскохозяйственным трудом. Основанием приведенной нами классификация является уровень доходов различных классов. Как было показано в первом параграфе это — далеко не единственный признак социальной дифференциации, поэтому более детальную картину расслоения в западных странах дают эмпирические исследования социальных слоев, находящихся внутри классов. Современные многомерные модели социальной стратификации индустриального общества могут весьма существенно отличаться от традиционного классового деления.

4. Стратификация российского общества в дореволюционный и советский периоды

В начале XX в. в России сохранялась сословная система стратификации, в которой важнейшим признаком расслоения являлось отношение к власти и субъекту власти — государству. Согласно переписи населения 1897 г. все жители страны — 125 млн чел. — распределялись по следующим сословиям: дворяне — 1,5%, духовенство — 0,5, купцы — 0,3, мещане — 10,6, крестьяне — 77,1, казаки — 2,3%. Сословия различались набором законодательно закрепленных прав и привилегий, а также повинностей, выполнявшихся в пользу государства, и разделялись на две группы (в зависимости от привилегии не платить подоходный налог): неподатные — дворянство и духовенство, податные — купцы, мещане, крестьяне.

Дворянство было первым по значимости сословием, так как несло тяготы военной и государственной службы, обеспечивало вооруженную защиту власти и организацию управления государством. Длительное время государственная служба была монополией дворянского сословия. Различалось три основных вида службы: воинская, штатская и придворная. Каждая делилась на 14 рангов или классов. От чина государственного служащего зависели привилегии и даже форма обращения к нему со стороны других людей: «ваше благородие», «ваша светлость» и др.; законодательно или на основе традиции, более или менее жестко, в зависимости от эпохи,

регламентировался образ жизни: фасон шляпы и покрой одежды, право ездить по городу в карете и т. д. Для значительной части дворян жалование на государственной службе составляло основной источник дохода.

Основу экономической власти дворянского сословия составляло владение землей. Несмотря на то, что после отмены крепостного права и земельной реформы в конце XIX в. дворянство потеряло значительную часть своих земель, к 1913 г. площадь земель, принадлежавших дворянам, соотносилась с площадью крестьянских земель примерно как один к трем (63 млн десятин к 188 млн десятин). Но в составе населения дворян было 1,4%, а крестьян — примерно 80%. Дворяне, относившиеся к землевладельцам, составляли особую группу — класс помещиков (около 30% от всего потомственного дворянства). В России в начале XX в. помещичьи хозяйства вместе с хозяйствами богатых крестьян (кулаков) давали 72% товарной сельскохозяйственной продукции, т. е. играли ведущую роль в аграрном секторе экономики.

Дворяне могли быть потомственными и личными. Титул личного дворянина давал сословные привилегии конкретному лицу, но, дослужившись до определенного чина, человек получал право передавать сословные привилегии по наследству, и его наследники становились потомственными дворянами. Официальная идеология и сословная мораль поддерживали принцип преемственность поколений на государственной службе, больший престиж имели те дворянские роды, которые дольше служили и оказали большие услуги государству.

Верхний слой дворянского сословия составляли титулованные дворяне — бароны, графы, князья. Эти титулы, ведущие свое происхождение от системы феодального вассалитета, сохранили к началу XX в. только свое символическое престижное значение.

Значение второго привилегированного сословия в России — духовенства — определялось его огромным идеологическим влиянием, ведь основная масса населения была религиозна. Так же, как и дворяне, представители духовенства были освобождены от подушной подати (подоходного налога), рекрутского набора (их не брали в солдаты, как, например крестьян) и не подвергались телесным наказаниям. Сословие делилось на две неравные части: меньшую — черное духовенство — монахов и высших церковных иерархов, и большую — белое духовенство (приходские священники, дьяконы, пономари и т. д.).

С тех пор как при Петре I было ликвидировано патриаршество (независимый от государства орган управления православной

церковью) и учрежден Синод, а при Екатерине II была проведена секуляризация — изъятие церковных земель в пользу государства — политическое и экономическое влияние духовенства было подорвано. В начале XX в. большая часть белого духовенства помимо доходов от церковных служб, крестин, похорон, венчаний и других обрядов получала жалование из казны, т. е. находилась на содержании государства. Основная часть приходского духовенства имела невысокие доходы и жила за счет взносов своих прихожан.

Имея государственный орган управления церковью — Синод, регламентировавший всю деятельность в сфере религии, сословие дворян, тем самым, ставило духовенство в подчиненное положение.

Высшую позицию среди податных сословий занимало купечество. В зависимости от размеров капитала купцы делились на три гильдии. Размеры капитала определяли различие прав и привилегий каждой из гильдий. В целом купечество занималось торгово-посреднической и промышленной деятельностью, но, например, правом торговать за границей, иметь морские суда, получать государственные подряды и заказы обладали лишь купцы I-й гильдии. Купцы всех гильдий освобождались от уплаты подушной подати, но платили государству ежегодно 1% с капитала; все представители купечества не несли рекрутскую повинность, также заменяя ее выплатами в казну. Но от телесных наказаний освобождались только купцы I-й и II-й гильдии, а чисто дворянской привилегией — ездить по городу в карете — обладали только купцы I-й гильдии.

В то же время следует сказать, что сословное положение купечества не было столь же прочным, как у дворянства: даже обедневший дворянин сохранял свои основные привилегии; разорившийся и не могущий платить гильдейский налог купец автоматически выбывал из гильдии и лишался всех имеющихся у него прав и привилегий.

Основную массу городского населения в дореволюционной России составляли мещане. Это было довольно «пестрое» по своему социальному составу сословие, включавшее домовладельцев, мелких торговцев, ремесленников, наемных рабочих, содержателей трактиров, бань, студентов и т. д.

Все городские сословия могли участвовать в работе органов местного самоуправления. Правда, выборы в городские думы проводились на основе высокого имущественного ценза, что обеспечивало преобладание в этих органах власти представителей дворянства и купечества.

Основным тягловым, т. е. несущим большинство государственных повинностей, сословием оставалось к началу XX в. крестьянство:

многочисленный (почти 80% от всего населения) слой мелких частных хозяев, занятых сельскохозяйственным трудом. Большинство крестьянских семей слабо участвовали в товарно-денежных отношениях и жили преимущественно натуральным хозяйством, т. е. работали не на рынок, а на удовлетворение собственных потребностей. Вплоть до столыпинской аграрной реформы (1906–1910 гг.) в русской деревне сохранялись коллективное землепользование и общинное самоуправление. После реформы 1861 г. крестьяне стали лично свободными, и были ликвидированы различные категории внутри данного сословия: крестьяне помещичьи, государственные, крестьяне дворцовые, т. е. принадлежащие царской семье. Крестьяне получили право выступать в качестве юридических лиц, право заключать сделки, поступать на службу и в учебные заведения, переходить в другие сословия — мещан и купцов.

Освобождение крестьян с минимальным наделом земли сохранило их экономическую зависимость от государства и помещиков, но на смену чисто феодальным формам хозяйствания — барщине и оброку — пришли различные формы капиталистического хозяйствования (аренда, залог и т. д.).

В целом крестьянство занимало низшую позицию в иерархии сословий дореволюционного российского общества.

Особняком от крестьянства и выше его по сословной лестнице стояло близкое к крестьянам по роду занятия и экономическому положению полупривилегированное сословие казаков. Из «неблагородных» сословий только казаки имели право носить оружие и заниматься военным делом. Казаки не платили подушной подати, имели право на местное самоуправление, льготы и привилегии во владении землей и ряд других прав. Эти особые привилегии и права были предоставлены казачеству за несение государственной службы по охране границ, участие в войнах и усмирении внутренних беспорядков. Наряду с частью дворянства — офицерским корпусом в армии — казачество являлось военной опорой самодержавия.

После отмены крепостного права и реформ 1860–1870-х гг. в России началось быстрое развитие капиталистических отношений, что привело к эрозии, постепенному разрушению сословной системы стратификации. Внутри основных сословий усилилась дифференциация по имущественному признаку, начали постепенно складываться классы. Сословные привилегии все меньше и меньше стали влиять на социальный статус человека, все большее значение стало приобретать обладание капиталом, «большими деньгами».

В частности, в связи с развитием капитализма, некогда единое крестьянство на рубеже XX в. расслоилось на бедняков (34,7%),

середняков (15), зажиточных (12,9), кулаков (1,4), а также мало- и безземельных крестьян (около 33%). Безземельные крестьяне, большими массами хлынувшие в город, стали одним из источников формирования рабочего класса, его малоквалифицированных слоев. Из среды мещанства и крестьянства выходили русские промышленники, мелкая, средняя и крупная буржуазия, в составе последней преобладали вчерашние купцы.

К 1917 г. процесс образования классов *не завершился.* Классовое расслоение накладывалось на сословное, создавая дополнительные противоречия в социальной структуре общества. Официальная советская статистика (!) давала следующие данные о соотношении основных классов к 1913 г.: буржуазия, помещики, торговцы и кулаки — иначе говоря, все эксплуататорские классы — 16,3% от всего населения России; рабочие и служащие — 17% (при этом рабочие составляли 14,6%), крестьяне — 66,7%.

Главная причина — неразвитость российского капитализма. Рыночные отношения не охватили основную часть крестьянства, которое даже после столыпинской реформы так и не стало свободным фермерством. Рабочий класс, численностью около 10 млн человек, не состоял из потомственных рабочих, многие являлись полурабочими, полукрестьянами. К началу XX в. промышленный переворот в России не был полностью завершен, индустриализация страны только начиналась.

Октябрьская революция 1917 г. в России совершилась под лозунгами ликвидации всех форм социального неравенства и полностью разрушила старую систему сословных привилегий. Удалось ли после этого ликвидировать в стране социальное расслоение? Было ли действительно построено в СССР общество, основанное на социальном равенстве?

Имея хотя бы небольшой опыт жизни в период социализма, на эти вопросы можно ответить: «Нет». Признавала это и официальная доктрина, отодвигая создание общества полного социального равенства в относительно далекое будущее. Реальный социализм рассматривался как общество неполного равенства, но система расслоения в нем в корне отличалась от ранее существовавших обществ.

Согласно официальной модели социальной структуры, в социалистическом обществе расслоение было классовым, т. е. оно основывалось на различиях в отношении к собственности, уровне дохода, характере труда, уровне образования. В то же время отмечалось, что различия эти не так уж велики и постепенно стираются, а самое главное — не приводят к возникновению конфликтов между классами, угрожающими целостности нового общества.

Модель социальной структуры при социализме, условно обозначаемая как «2+1», включала два дружественных класса (рабочий класс и колхозно-кооперативное крестьянство) и одну прослойку (социальный слой) — «народную интеллигенцию», формировавшуюся из представителей двух названных классов.

Различия в отношениях собственности между двумя классами являлись скорее юридической формальностью, сами же советские идеологи считали колхозно-кооперативную собственность производной, подчиненной формой и предрекали ее скорое слияние с «общенародной» собственностью, что отчасти осуществилось уже в реальном социализме. Сохранялись лишь различия в характере труда, но их собирались сгладить за счет внедрения средств механизации и автоматизации в сельском хозяйстве.

Ортодоксальный марксизм представляет одну из наиболее ярких версий теории социального конфликта, в которой класс определяется как крупная социальная группа, реально противостоящая по своему положению и интересам другим подобным группам. Что же касается советского общества, то в нем отсутствовало видимое противостояние групповых интересов. Это утверждалось официальной идеологией, подтверждалось социалистической действительностью: с начала 30-х гг., за редкими исключениями, уже не возникало крупных социальных конфликтов, направленных против основ советской системы и выраженных в активно проявляемых и организованных формах социального сопротивления. В итоге получается, что система советского типа принципиально является обществом без классов, если под классами понимать реальные (а не статистические) группы.

В Советском Союзе наблюдалась постепенная деструктуризация классов, а вместе с ними и многих других реальных профессиональных и политических групп, которая проявлялась в следующих трех процессах: *ликвидации дореволюционных классов*, атомизации общества и нарастании процессов социальной маргинализации.

Ликвидация (или, по крайней мере, подрыв условий воспроизводства) дореволюционных классов началась сразу после захвата власти большевиками с экспроприации собственности крупных собственников (землевладельческих и торгово-промышленных групп), а со временем распространилась на большую часть мелких и средних независимых производителей. Крестьянство в ходе насильственной коллективизации отчуждалось от земли, от традиционных способов хозяйственной организации и превратилось в социальный слой сельскохозяйственных рабочих, арендующих землю у государства и зависимых от него. Старая дореволюционная

интеллигенция превратилась в слой наемных работников умственного труда на службе у государства, потеряв в период революции и гражданской войны высокое социальное положение и привилегированные условия для воспроизводства и присвоения культурных ценностей. Конфликт с дореволюционными классами решался насильственными средствами, в том числе и путем массовых репрессий.

За этим процессом следовала прогрессирующая атомизация общества. Вместе с уничтожением частной собственности и огосударствлением основных социальных институтов ликвидировались самодеятельные, независимые от государства общественные, хозяйственные и политические организации, способные открыто защищать частные интересы различных социальных групп. Тем самым разрушались горизонтальные связи внутри социальных слоев, уменьшалась их групповая сплоченность, профессиональная солидарность. Публичное выражение корпоративных интересов отдельных групп населения, не соответствовавшее принципам официальной идеологии, пресекалось всей мощью аппарата государственного принуждения. Лишенный корпоративных групповых связей индивид оставался один на один с гигантской машиной государства. Общество превратилось в совокупность статистических групп.

Исключение составляли правящие слои, сплоченные номенклатурной организацией и объединенные общностью групповых интересов. Остальная часть общества пребывала в аморфном состоянии, и большую часть населения справедливо именовали «массами».

Третий процесс заключался в маргинализации многих социальных групп. Маргинализация — устойчивое социально обусловленное расхождение между социокультурным происхождением и нынешним общественным положением групп. Дети крестьян, продвинувшиеся на руководящие государственные посты, но не обладающие ни профессиональными знаниями, ни общей культурой; первые поколения «народной интеллигенции» — идеологизированные интеллектуалы, зависимые от партийной бюрократии; безземельные «крестьяне», рассматривавшиеся как поденщики на государственной службе; массы неквалифицированных рабочих с доиндустриальной психологией, оказавшиеся под гнетом полученной дисциплины в промышленности; переселенные за тысячу верст от родных мест этнические коммуны — все это разнообразные примеры маргиналов, людей лишенных культурных корней и, в то же время, еще не сформировавших новую культуру. Маргинальность — принципиальная черта обществ советского типа — связана с высокой социальной мобильностью внутри него.

Таким образом, формула бесклассового (социально однородного) общества воплощалась в жизнь задолго до того, как была провозглашена властями, объявившими о построении «развитого социализма». Поэтому для анализа социальной стратификации в Советском Союзе необходимы другие, менее идеологизированные аналитические инструменты.

Если критерий отношения к собственности лишается смысла, а социально-профессиональные группировки недостаточны, встает вопрос: в чем состоит реальная основа статуса социальных групп в обществе советского типа?

Специфика системы советского типа заключается в том, что каркас стратификационной структуры образовывали органы государственной власти, распространявшие свое влияние на подавляющую часть материальных, трудовых и информационных ресурсов. В обществе советского типа основным критерием социальной стратификации стало распределение власти, понимаемой в веберианском смысле как способность социального субъекта (индивида, группы) оказывать влияние и проводить свою волю вопреки воле других социальных субъектов. Власть означает: право вырабатывать и выдвигать цели развития; особые позиции в распределении ресурсов, готовой продукции, доходов; контроль за доступом к информации как особому ресурсу; возможность запрещать те или иные виды деятельности и диктовать правила этой деятельности; способность оказывать личное влияние на людей и события.

Уровень образования, профессиональное положение, материальная обеспеченность и уровень доходов — все эти факторы расслоения в советском обществе не более чем вторичны.

Совокупный статус индивида в системе стратификации, утвердившейся в СССР и других социалистических странах, можно представить как сумму корпоративных и индивидуальных рангов. Приобретенный корпоративный ранг фиксировался местом работы или категорией учреждения (например, государственные организации ставились выше негосударственных, управленческие органы — выше первичных организаций, оборонные отрасли — выше гражданских, промышленность — выше сельского хозяйства и т. д.).

Корпоративная система как способ институционализации и воспроизводства властных отношений представала как совокупность перекрещивающихся иерархий, в которых соблюдался принцип вертикального подчинения, а высшие по рангу организации обычно выступали по отношению к нижестоящим в качестве монопольных распорядителей ресурсов. В советском обществе были выстроены четыре основных типа корпоративных иерархий:

структура партийных органов: от Политбюро ЦК КПСС и самого ЦК КПСС до обкомов, горкомов, райкомов и далее до первичных парторганизаций;

структура административно-хозяйственных органов: от правительства, отраслевых министерств и госкомитетов до производственных объединений и предприятий;

структура Советов народных депутатов и их исполкомов;

структура официально утвержденных общественных организаций: профсоюзы, комсомол, творческие союзы и т. д.

Роль ведущей интегрирующей силы принадлежала партийным органам.

Корпоративный ранг при формировании совокупного статуса играл более важную роль чем индивидуальный, так как для большинства населения стран социализма доступ к благам открывался в основном через их принадлежность к различным корпоративным институтам, а базовой формой вознаграждения становились привилегии, масштаб и характер которых зависел от принадлежности к конкретной организации.

Следует также сказать и о расслоении внутри корпораций. Несмотря на их внешнее разнообразие, в каждой из них можно выделить три основных слоя:

1. Управляющий слой.
2. Слой полноправных исполнителей.
3. Слой депривилегированных исполнителей.

Первой группе обеспечивались лучшие условия труда и более высокий жизненный уровень. Эти люди обычно стояли первыми в очереди при распределении дефицитных благ.

Для того чтобы располагать всеми сопутствующими льготами, которые корпорации предоставляли рядовому исполнителю (полноправному члену), последний был должен отвечать трем обязательным условиям: иметь определенный стаж постоянной работы в корпорации; проявлять послушание и личную лояльность по отношению к руководству; проявлять политическую лояльность по отношению к советскому режиму в целом. Те, кто не удовлетворял какому-либо из названных выше условий, образовывали прослойку депривилегированных исполнителей, лишенных в той или иной степени обычных прав, предоставлявшихся всем рядовым членам данной корпорации.

Таким образом, первый слой имел и власть, и привилегии; второй — не обладал властью, но получал некоторые сопутствующие льготы; третий — не располагал ни властью, ни льготами.

С учетом корпоративного ранга формировался персональный ранг, который мог быть приобретенным или унаследованным. К приобретенным персональным рангам относятся такие, как трудовой путь (общий стаж работы, труд в качестве простого рабочего, работа на ответственных должностях, «чистота» послужного списка); профессиональные данные (полученные специальности, рабочие разряды, образовательные дипломы, ученые звания); должностное положение; место постоянного жительства (например, наличие прописки в столичном городе); социальные титулы (членство в партии, партийно-правительственные награды и почетные звания, работа в выборных органах советской власти и общественных организациях).

Получению более высоких приобретенных рангов способствовали вовлекаемые в стратификационную систему унаследованные ранги, к которым относились: пол (мужчины в среднем имели больше шансов занять высокую позицию, чем женщины); возраст (определенные позиции были принципиально недоступны для молодых поколений); национальность (русские и титульные национальности в республиках стояли выше всех прочих национальностей); социальное происхождение (формально — чем ниже, тем лучше).

Одну из наиболее удачных многомерных моделей социальной стратификации советского общества предложил американский ученый А. Инкельс.

На вершине пирамиды находилась правящая элита — руководители партии и правительства, высшие чиновники, высшее руководство армии, КГБ, МВД. Они обладали значительными привилегиями и почти неограниченной властью. По подсчетам М. Восленского — автора книги «Номенклатура» — численность правящего слоя в 1950–1970-х гг. не превышала 100 тыс. человек, а вместе с членами семей — не более 400 тыс.

На втором месте в иерархии разместился высший слой интеллигенции, обслуживавшей правящую элиту: руководители творческих союзов — Союза писателей, Союза художников и т. п., руководство Академии наук, фавориты среди писателей, художников и артистов. Сюда же были зачислены лауреаты сталинских премий в области науки и искусства, получившие помимо значительного материального вознаграждения еще и особый статус. По материальному уровню и привилегиям они примыкали к первой группе, хотя между ними существовала значительная дистанция по шкале власти.

На третье место А. Инкельс поместил «аристократию рабочего класса», т. е. ударников первых пятилеток, наиболее квалифицированных рабочих-рекордистов, например, стахановцев, получавших высокую зарплату, имевших особые условия труда и быта, пользовавшихся высоким престижем в обществе. Эта группа выполняла важную идеологическую функцию, демонстрируя всему миру достижения социализма. В данную группу попадали также квалифицированные работники оборонных отраслей промышленности, имевшей важное значение для государства и получавшей преимущество перед другими отраслями при распределении ресурсов.

Четвертое место занимала интеллигенция, в которую были включены управленцы среднего звена и руководители небольших предприятий (по подсчетам М. Восленского в 1950–1970-х гг. их было около 450 тыс. человек, а вместе с членами семей примерно 1,8 млн), а также работники высшей школы, дипломированные специалисты и офицеры. Напомним, что материальное положение дипломированных специалистов и работников вузов (профессоров и доцентов) в 30–50-е гг. было гораздо более высоким, чем уровень жизни рядовых рабочих. Эту группу образовывал новый социальный слой «народной интеллигенции» — выходцы из рабочего класса и крестьянства.

Пятое место было отведено «белым воротничкам»: мелким управленцам, бухгалтерам, рядовым канцелярским работникам и служащим. Определенный уровень престижа данной социальной группы объяснялся тем, что занятие подобных должностей требовало значительной степени грамотности и образования. Это и выделяло их из среды рабочего класса и крестьянства, в массе своей имеющего 4–5-летнее образование.

На шестом месте стояли «преуспевающие» крестьяне (термин А. Инкельса), т. е. работники передовых колхозов и совхозов, в том числе «колхозов-миллионеров», где создавались льготные условия труда. Преимущество этого социального слоя заключалось в наличии приусадебных хозяйств, дававших дополнительный доход. Идеальный образ представителей данного слоя крестьянства выведен в фильме «Кубанские казаки».

На седьмом месте находился самый многочисленный отряд средне- и малоквалифицированных рабочих, условия жизни и уровень материального благосостояния которых были весьма скромными.

Восьмое место было отдано «средним слоям крестьянства», часть которого, правда, едва сводила концы с концами. Одинаковый

ранг с ними имели малоквалифицированные городские рабочие с минимальным образованием, занимавшиеся тяжелым физическим трудом и получавшие мизерную зарплату.

Последнее место в системе стратификации принадлежало заключенным трудовых лагерей, находившимся в полной зависимости от государства.

Система социальной стратификации, описанная Инкельсом, является **сословно-классовой**. Стержень общественной иерархии в советской системе — отношение к власти, так же, как и в сословной системе феодальной эпохи. Но в то же время формы распределения вознаграждений и благ больше соответствовали индустриальному обществу: основная масса населения являлась наемными работниками у государства и получала заработную плату. Однако реальное расслоение в социалистическом обществе складывалось преимущественно не по уровню доходов, а по количеству привилегий, что характерно для сословной системы.

Нельзя сказать, что общество советского типа оставалось неизменным в течение семи десятилетий. Оно прошло, по крайней мере, два крупных этапа, водоразделом между которыми послужила «хрущевская оттепель» середины 50-х гг. Первый этап часто называют «казарменным социализмом», а второй — «патерналистским социализмом».

Для казарменного этапа характерны большая централизация властных полномочий в центре и более жесткие административные иерархии. Самостоятельность отдельных политических, хозяйственных, культурных корпораций существенно ограничена. Низшие слои удерживаются в подчинении угрозой карательных мер. Существенных различий в стиле жизни разных страт еще не наблюдается. Это не только свидетельство бедности и уравнительности, но, может быть, даже в большей степени результат полувоенного единообразия, дополняющегося полувоенной дисциплиной.

Патернализм понимается как система строгой субординации социальных групп, в рамках которой нижестоящие могут рассчитывать на защищенность и заботу со стороны вышестоящих. Патерналистский этап характеризуется общим «размягчением» иерархических порядков, переходом от прямого принуждения к социальному обмену, экономической заинтересованности в результатах труда. В системе утрачивается дискриминирующая роль социального происхождения. Возрастает значение образовательных аттестатов и дипломов. Организационная структура общества в целом становится все более гибкой, а власть — все более фрагментарной. Собственность государства постепенно переходит в руки отраслевых

и региональных корпораций, крупнейших предприятий и объединений, отвоевывающих все больше фактических распорядительских функций.

Ширятся и множатся сети неформальных общественных связей. Торговля за ресурсы принимает более открытый характер. Расцветают «черные» и «серые» рынки, через которые перекачивается возрастающая часть государственных ресурсов. Соответственно повышается материальное и социальное положение групп, причастных к распределительным процессам в сферах торговли, снабжения, транспорта, усиливается расслоение по уровню дохода. Допускается возникновение зачаточных контркультур и альтернативных стилей жизни и поведения.

Подобные сдвиги, в конечном счете, привели к тому, что позднее было названо «перестройкой».

5. Динамика социально-классовой структуры современного российского общества

Еще в 1950–1960-х гг. югославский политик и ученый М. Джилас, автор книги «Новый класс» высказал предположение, что правящий в социалистических странах социальный слой, названный позже номенклатурой, будет стремиться перейти от коллективного владения государственной собственностью к частной собственности, которая надежно гарантирует передачу высшего статуса следующему поколению управляющих. В тот период подобная мысль выглядела бессмысленным антикоммунистическим бредом: как могут революционеры, совершившие социалистическую революцию и ликвидировавшие частную собственность, ратовать за ее восстановление? Прошло немногим более 30 лет, и прогноз Джиласа оправдался: реформы в Советском Союзе, задуманные для укрепления социализма, привели к «бархатным революциям» в странах Восточной Европы, реставрации капитализма и разрушению СССР. Владение частной собственностью снова стало неотъемлемым правом человека, а бывшая государственная, «общенародная» собственность очень быстро всеми законными и незаконными способами стала превращаться в частную.

Реставрация капитализма в России привела к тому, что смешанная сословно-классовая система расслоения, характерная для социализма, стала постепенно заменяться чисто классовой системой стратификации. Процесс этот еще не закончился, но уже сейчас видны контуры новой социальной пирамиды. Далее в тексте для

иллюстрации мы будем использовать данные бюджетного исследования сбережений населения, проводившегося по заказу Сбербанка группой профессора Н. Римашевской в 1996 г. — первой половине 1997 г.[10]

На вершине пирамиды находятся богатые (3% от всего населения) — «новые русские» и сверхбогатые (ок. 2% населения) — «олигархи»: предприниматели и высшие менеджеры компаний, работающих на внешний рынок, сбывающие за рубеж нефть, газ, лес, цветные металлы, алмазы и т. д.; руководящий состав крупных банков; руководители предприятий, успешно работающих на внутреннем рынке; представители политической элиты; звезды спорта и популярной музыки; верхушка организованной преступности. Этот социальный слой владеет почти тремя четвертями (73%) сбережений, имеющихся у населения России, и 80% наличной валюты. У 2% сверхбогатых в руках 52,9% сбережений, они лично или через подставных лиц владеют контрольными пакетами акций крупнейших отечественных компаний и банков, владеют собственностью за рубежом. Для сравнения: у 51,9 % бедных граждан хранится 1,4% сбережений.

Следующая группа — так называемый «средний класс» — составляет от 15 до 23% населения и включает: различное самозанятое население — мелких и средних предпринимателей, торговцев, «челноков», а также «специалистов» — квалифицированных наемных работников, занятых на инофирмах, в совместных предприятиях, в банках, на предприятиях топливного комплекса (нефтяники, газовики), в сфере обслуживания слоя богатых и сверхбогатых. Сюда же входит часть профессиональных политиков (например, депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации), работников аппарата государственного управления, в том числе высший руководящий состав армии и силовых ведомств. По уровню сбережений эта группа включает две подгруппы — высокообеспеченных, составляющих 5,8% от всего населения и имеющих 15,5% сбережений, и среднеобеспеченных, составляющих 18,2% и имеющих 8,7% сбережений.

Наконец, основание пирамиды составляют малообеспеченные — 19,1% населения, 1,9% сбережений, и просто бедные — 51,9% населения. В этой группе 40% семей не имеют никаких сбережений, а 24% — сбережения в сумме не более 1000 руб. на семью. По социальному составу эта группа включает: рабочих и служащих бюджетной сферы, государственных предприятий, колхозников, научных

---

[10] *Римашевская Н.* Сколько сбережений у населения России? // Власть, 1998. № 3.

работников, преподавателей вузов, основную массу военнослужащих, а также сотрудников милиции.

Первое, что бросается в глаза при анализе современной социальной пирамиды — это значительная дифференциация доходов. Уровень дифференциации доходов показывает децильный коэффициент, для расчета которого сумма доходов 10% населения, имеющего наивысшие доходы, делится на сумму доходов 10% самых бедных. По данным Госкомстата, этот показатель в первом полугодии 1997 г. составил 13,1 в среднем по России. По данным группы профессора Римашевской, на конец 1996 г. доходы 10% самых богатых в 20,5 раза превосходили доходы 10% самых бедных. В развитых капиталистических странах децильный коэффициент колеблется в пределах 7–10. По расчетам Госкомстата России, в 1980-х годах в СССР этот коэффициент составлял 3–5 единиц.

Неизбежный конфликт между старой сословно-классовой и новой классовой структурами в сильной степени смягчается растущей социальной мобильностью между государственным и негосударственным секторами экономики. В негосударственные структуры переливаются, в первую очередь, более квалифицированные кадры. При этом многие работники предпочитают находиться сразу в двух секторах, оставляя за собой места в государственных учреждениях и рассматривая их как форму социального страхования.

В былом правящем слое произошел очевидный раскол. Одна часть партийно-государственных функционеров продолжает сохранять свои места в обновленных аппаратных структурах. Другая их часть «обуржуазивается» и использует свою монополию на распоряжение государственными ресурсами и информацией, а также общее несовершенство хозяйственного законодательства, чтобы овладеть негосударственными формами организации хозяйства и конвертировать государственное имущество в частную собственность.

Третья часть функционеров опускается по социальной лестнице вниз, обретая статус профессиональных специалистов.

Особенности и характер сбережений населения в России есть фактически непосредственный результат трех этапов приватизации, осуществлявшихся в процессе рыночных реформ «сверху». Первый этап — это ваучерная приватизация. Несмотря на то, что она носила всенародный характер, ее организация и правила проведения были сформулированы таким образом, что население практически ничего не получило, выиграл небольшой слой самых «ловких». Второй этап — приватизация в форме залоговых аукционов; ее механизмы были придуманы так, что собственность попала,

прежде всего, к стоящим у власти чиновникам. И, наконец, третий этап — осуществляемая сегодня приватизация крупных предприятий на базе конкурсных аукционов: она фактически способствует обогащению тех, кто уже имеет крупные капиталы, создавая невиданные олигархические структуры.

Неудивительно, и это красноречиво демонстрирует картина дифференциации накопленных ресурсов, что в России возникли олигархические кланы, в руках которых и собственность, и власть, а в основе — гигантская поляризация доходов и сбережений населения.

Изменения коснулись содержания практически всех стратификационных систем. В ходе перестройки и развала Советского Союза активизировалась кастово-этническая сегрегация представителей нетитульных национальностей, которые сдвигались на относительно более низкие ступени общественных лестниц (это в первую очередь касается стран «ближнего зарубежья»).

Усложнился набор профессий, изменилась их сравнительная привлекательность в пользу тех, которые обеспечивают более солидное и быстрое материальное вознаграждение. Удлинился список «альтернативных профессий» (например, ширятся ряды биржевых брокеров, мелких торговцев — «челноков» или профессиональных нищих). Происходит оформление нового социального слоя — безработных, лишенных и собственности, и стабильных рабочих мест. Внедряется двойной стандарт в систему доступных образовательных сертификатов — российских и западных.

В культурно-символической иерархии на поверхность поднимаются группы, успешнее других толкующие о содержании рыночных реформ, в особенности те из них, кто знаком с какой-нибудь западной теорией и практикой. В культурно-нормативной иерархии появляются новые высоко престижные группы. Одни объявляют себя «избранниками народа» и под лучами телекамер вершат судьбы России, другие называют себя «бизнесменами» и выделяются дорогими машинами, шумными презентациями, поездками на дорогие курорты.

Изменения не обходят стороной и физико-генетическую стратификационную систему. Так, наблюдается сильная коммерциализация групп, обладающих особыми физико-генетическими данными (формируются наемная армия и профессиональный спорт, самостоятельными сферами занятости становятся проституция и рэкет). Возрастает также социальная значимость возрастных, поколенческих различий.

Развитие новых общественных отношений резко активизирует проявление двух закономерных тенденций. С одной стороны, радикальные изменения в формах собственности, затрагивающие коренные интересы трудящихся, определяют некоторую свободу в действиях, способствуют реализации потенции личности; с другой — усиливают ее социальное отчуждение. Рабочая сила превращается в товар, что сопровождается такими явлениями, как безработица, обнищание широких слоев населения, деградация морали, политики, экономики. Образуются, также увеличиваясь количественно, стойкие маргинальные социальные группы («бичи», «бомжи», беженцы, «вынужденные переселенцы» и т. д.).

В завершение необходимо сказать, что процесс перехода от сословно-классовой системы стратификации, сложившейся при социализме, к классовой системе расслоения, характерной для капитализма, является **тенденцией** развития социальной структуры, но этот процесс обратим и сильно зависит от политических и экономических перспектив развития России в ближайшем будущем.

ГЛАВА X

СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

1. Социальные изменения и социальная стабильность

Социальные изменения являются привычной стороной повседневной жизни людей — они происходят непрерывно и чаще всего незаметно для невооруженного глаза. Однако те же социальные изменения становятся подчас причиной грандиозных социальных потрясений, которые оставляют свой драматический отпечаток на судьбах целых народов. Отсюда понятно то особое внимание, которое социология проявляет к социальным изменениям, их видам, источникам, движущим силам, к их возможным человеческим, гуманистическим последствиям.

Социальные изменения и социальная стабильность представляют собой две взаимосвязанные категории. Первая обозначает переход социальных систем (общностей, институтов, организаций и др.) *из одного состояния в другое, вторая характеризует устойчивое* состояние социальной системы, позволяющее ей эффективно функционировать и развиваться в условиях внешних и внутренних воздействий (изменений). Покой и неподвижность являются признаком не стабильности, а застоя, который рано или поздно порождает кризисные явления в жизни общества — нарастание противоречий, конфликтов, социальной напряженности. Другими словами, социальные изменения, *проводимые в нужный момент* и в нужном месте, являются необходимым условием и элементом социальной стабильности.

Какие факторы способствуют поддержанию социальной стабильности или, напротив, нарушают ее? Стабильность общества обеспечивается целой совокупностью факторов и механизмов, которые принадлежат к самым различным сферам его жизнедеятельности.

Это — устойчивое функционирование экономической и политической системы, эффективное действие механизмов социального контроля, наличие единых для всех слоев общества культурных традиций, системы жизненных целей и ценностей и ряд других[1]. Особо следует остановиться на двух условиях или факторах поддержания социальной стабильности, которые при неблагоприятном развитии событий попадают в сферу деятельности правоохранительных органов — это отсутствие или незначительные размеры среднего класса и дисфункция социальных институтов.

Наличие в обществе **многочисленного среднего класса,** заинтересованного в сохранении существующего порядка, служит надежной гарантией социальной стабильности. Если же средний класс мал, а центристские силы слабы, инициативу могут захватить крайние радикальные группы, что ведет к росту политической и социальной напряженности и тем самым усиливает риск нестабильности. К сказанному следует добавить, что серьезную угрозу социальной стабильности общества представляет наличие в нем *значительной прослойки люмпенов.* Последняя тесно связана с криминальными элементами и может выполнять самую дестабилизирующую, разрушительную роль. Направленность разрушительных действий деклассированных элементов практически невозможно предвидеть, поэтому в целях сохранения социальной стабильности необходимо всеми силами беречь общество от люмпенизации, вовремя разрабатывать необходимые социальные программы для поддержки социальных групп, попавших в трудное положение. По данным социологического исследования 1996 г., в нашей стране «социальное дно» составляет 10% от городского населения (примерно 10,8 млн чел.). Наряду с этим существуют категории населения, для которых риск оказаться на «социальном дне» достаточно велик. В их числе одинокие пожилые люди (вероятность оказаться на социальном дне — 72%), пенсионеры (61), инвалиды (63), многодетные семьи (54), безработные (53), матери-одиночки (53), беженцы (44), переселенцы (31%)[2].

Нарушать социальную стабильность может **дисфункция социальных институтов,** которая возникает тогда, когда социальный институт не успевает перестроиться вслед за изменившимися общественными потребностями и выполнение им своих функций превращается в ритуальную деятельность, не связанную с реальными общественными проблемами. Дисфункция социальных институтов вызывает у людей стремление удовлетворить свои потребности

---

[1] См. подробнее: Социология. Учебник для высших учебных заведений (*Осипов Г.В.* и др.). М., 1995. С. 208–212, 287–290 и др.

[2] См. *Римашевская Н.* Социальное дно России // Власть. 1999. № 9.

в обход официальных законных структур, за счет нарушения существующих норм и правил. В своих крайних формах такого рода активность может выражаться в противоправной деятельности. Так, большинство хозяйственных, имущественных, финансовых преступлений прямо связано с тем, что существующие государственные экономические и финансовые институты функционируют в отрыве от реальных общественных потребностей.

Преступность, возникающая в связи с дисфункцией социальных институтов, четко направлена к достижению определенной цели. Ее отличают планируемость преступной деятельности, систематичность, распределение преступных ролей и т. п. Эта проблема приобрела особую остроту в нашем обществе. Переход к рыночным отношениям сдвинул систему ценностных ориентаций населения в сторону достижения материального успеха. В то же время, кризисное состояние, в котором находится российское общество, не позволяет значительной части его населения добиться этого успеха законным путем. В результате возникают социальные напряжения, которые во многих случаях выливаются в корыстную агрессивную преступность[3].

Некоторые социологи пытаются привести показатели стабильности общества в некоторую систему и дать им количественную оценку. Так, В.В. Локосов группирует показатели социальной стабильности по нескольким разделам — экономические, социальные, политические отношения, демографическая ситуация, девиантное поведение и др., — и сопоставляет предельно-критические значения стабильности, принятые в мировой практике, с аналогичными показателями Российской Федерации в 1996 г.[4] По разделу «девиантное поведение» соотношение названных показателей выглядит следующим образом:[5]

Показатели	Мировая практика	Россия
Преступность (на 100 тыс. чел.)	5–6 тыс.	6–6,5 тыс.
Потребление алкоголя (на 1 чел. в год)	8 л	14–15 л
Число суицидов (на 100 тыс. чел.)	20	39
Распространенность психической патологии (на 1000 чел.)	284	280

[3] См.: Социология. Учебник для высших учебных заведений (*Осипов Г.В.* и др.). М., 1995. С. 208–209.

[4] См.: *Локосов В.В.* Стабильность общества и система предельно-критических показателей его развития // Социологические исследования. 1998. № 4.

[5] Там же. С. 90.

Рассматривая факторы и условия социальной стабильности, необходимо помнить, что дезорганизация и дезинтеграция социальных связей не являются абсолютным злом, а представляют собой необходимые моменты социальных изменений. Социальные изменения происходят в различных направлениях, в том числе, в сторону разрушения, распада. Каждая социальная система проходит не только стадию устойчивого стабильного существования, но и стадию кризиса, разрушения, однако именно на основе разрушения и перестройки прежних социальных связей возникают новые социальные системы. В этом процессе интеграция и дезинтеграция, устойчивость и изменчивость оказываются очень тесно связанными друг с другом.

Понятие *социальные изменения* охватывает собой самые различные перемены в социальных системах, безотносительно к их направленности, скорости протекания, масштабу, механизму и многим другим параметрам. Существует большое количество разновидностей социальных изменений, которые выделяются по различным основаниям. Так, в зависимости *от исходного решающего фактора*, различают *технологические, социально-экономические, социально-политические и социально-культурные* изменения. В зависимости *от социального уровня*, на котором происходят изменения, выделяют социальные изменения на *микроуровне (*малые и первичные социальные группы), на *макроуровне* (большие социальные группы и общество в целом) и *глобальные*, охватывающие все человечество. В зависимости *от системного характера* социальных изменений различают *структурные, функциональные, процессуальные и мотивационные* социальные изменения.

В зависимости *от субъекта* выделяют *индивидуальные, коллективные* (когда индивиды действуют в составе группы и непосредственно взаимодействуют между собой) *и массовые социальные изменения* (когда большое количество людей действует индивидуально, а не в составе группы). В свою очередь, *массовые социальные изменения* в зависимости *от степени осознанности и организованности (сопряженности) действий индивидов* делят на *социальные процессы* и *социальные движения*.

Под *социальным процессом* понимается совокупность однонаправленных, но неорганизованных индивидуальных действий, которые имеют место тогда, когда большое количество людей действует индивидуально, а не в составе группы, например, переезжает с места на место, приобретает потребительские товары, участвует в политической борьбе и т. п. Социальный процесс представляет собой некоторую тенденцию, которая складывается из

множества отдельных, но частично совпадающих между собой социальных изменений.

Социальные движения возникают тогда, когда действия больших масс людей становятся организованными, скоординированными и направленными или на поддержку определенных социальных изменений, или против них.

В зависимости *от формы* различают *направленные* и *ненаправленные* социальные изменения. Первые имеют определенную форму или траекторию, вторые — носят случайный, хаотический характер.

Направленные социальные изменения бывают нескольких видов: *однонаправленные* (рост научных, технических знаний, совершенствование орудий труда) и *многонаправленные* (например, различные социальные и культурные формы перехода стран третьего мира от общества традиционного к обществу индустриальному); *направленные обратимые*, или циклические, которые периодически проходят сходные стадии и по форме напоминают синусоиду (периодическая смена поколений людей, техники, колебания спроса и предложения на сырье и энергоресурсы на мировом рынке, подъемы и спады в бизнесе, политике, расцвет и закат целых цивилизаций); *направленные необратимые*, которые иначе называются **социальное развитие.**

Основными типами социального развития являются **прогресс** и **регресс**. Под прогрессом обычно понимается такое направленное изменение, которое поднимает социальную систему (индивида, социальную группу, общество в целом) на более высокий уровень, увеличивает степень ее организованности, самостоятельности. Регресс — процесс противоположный прогрессу, который связан, как правило, с понижением уровня социальной организации, с ослаблением и затуханием социальных функций, с застоем и, в конечном счете, распадом социальной системы; разновидностью регресса являются так называемые тупиковые линии развития, которые приводят к гибели тех или иных социокультурных систем (культур, цивилизаций).

Проблема социального прогресса, при всей ее внешней «простоте», всегда была дискуссионной и в социальной философии, и в социологии с момента ее возникновения[6]. Различные *концепции социального прогресса* стали складываться в социологии уже в XIX в. в связи с различной трактовкой его критериев. Для О. Конта социальный прогресс совпадал с прогрессом разума, с установлением господства науки во всех сферах жизни общества. Г. Спенсер

---

[6] Подробнее см.: *Штомпка П.* Социология социальных изменений. Пер. с англ. М., 1996. С. 45–66.

связывал его с возрастающей сложностью внутренней организации и функционирования социальных систем. Для К. Маркса социальный прогресс определялся непрерывным ростом производительных сил, который, в сочетании с освободительной борьбой эксплуатируемых классов, должен был привести в будущем к становлению бесклассового коммунистического общества. М. Вебер видел критерий социального прогресса во всепроникающей тенденции к рационализации общественной жизни, а Э. Дюркгейм — в повышении степени социальной интеграции, сплоченности общества как следствий растущего разделения труда.

Большинство современных социологов отрицают существование абсолютных или универсальных критериев общественного прогресса и выделяют целую иерархию таких критериев в соответствии с иерархией и разнородностью самих социальных явлений.

Существует группа социальных явлений, развитие которых однозначно оценивается как прогрессивное. Это развитие здравоохранения, улучшение условий труда, рост уровня жизни и связанное с ними увеличение средней продолжительности жизни людей; развитие средств передвижения, связи, рост знаний о мире. Другие социальные явления такие как индустриализация, урбанизация и «технический прогресс» в целом, уже нельзя однозначно оценить как прогрессивные, поскольку они несут с собой побочные негативные эффекты, которые могут составить угрозу самому существованию человечества (например, проблема исчерпания природных ресурсов и загрязнения окружающей среды). Применение понятия прогресса к политическим, общественным порядкам оказывается еще более сложным — здесь все зависит от того, с позиций чьих интересов оценивается развитие того или иного явления. И, наконец, существуют сферы социальной жизни, по отношению к которым вообще нельзя применять понятие прогресса, хотя они и подвержены значительной эволюции. Это, прежде всего, сферы искусства, религии, философии.

Итак, понятие социального прогресса является очень многоплановым, неоднозначным и внутренне противоречивым. Источник этой противоречивости лежит в самой социальной действительности, и задача социологии состоит в том, чтобы выявить эту противоречивость путем анализа конкретных тенденций и форм развития.

Помимо прогресса и регресса выделяют и другие типы социального развития. В их числе: *специализация* — односторонний прогресс, с частичным регрессом или застоем на всех остальных направлениях развития (например, ориентация экономики на добывающие

отрасли и импорт товаров широкого потребления, имеющая своим следствием усиление зависимости благополучия общества от конъюнктуры цен на мировом рынке); *универсализация* — развитие социальной системы одновременно по многим направлениям (такие возможности создаются в общественных системах, построенных на принципах плюрализма политических, экономических и других интересов); *конвергенция* — возрастание структурного и функционального сходства социальных систем (например, возникновение сходных черт в экономической, социальной областях, сферах образования, науки, культуры между развитыми странами Запада и СССР в 60-е гг. в результате внедрения сходной техники и технологии); *дивергенция* — процесс, обратный конвергенции, связанный с уменьшением структурного и функционального сходства между социальными системами; *параллелизм* — промежуточное между конвергенцией и дивергенцией состояние процесса развития, когда исходное соотношение между структурами и функциями двух или нескольких социальных систем сохраняется на протяжении определенного интервала времени.

Итак, социальные изменения многообразны. В реальной общественной жизни различные виды социальных изменений тесно переплетены друг с другом, и их очень трудно выделить в чистом виде. В каждом конкретном случае мы имеем дело с результатом действия целой совокупности разнопорядковых социальных изменений, которые способны как поддерживать, так и нарушать стабильность общественной системы.

Простейшим и наиболее распространенным видом социальных изменений является **инновация** (нововведение). Понятие «инновация» впервые вошло в науку в XIX в. при изучении процессов проникновения европейских обычаев и способов организации в традиционные азиатские и африканские общества. Тогда оно использовалось как некоторая противоположность понятию «традиция». Позднее, уже в XX в. его стали применять при разработке фирмами стратегии продвижения новых товаров на рынок, а также при внедрении достижений научно-технического процесса в производство и совершенствовании системы управления. Постепенно, по мере накопления и обобщения опыта, стала складываться некоторая самостоятельная теория нововведений — инноватика, предметом изучения которой стали универсальные закономерности создания, освоения и распространения различного типа новшеств, независимо от того, в какой сфере жизни общества это происходит[7].

---

[7] Подробнее см.: *Пригожин А.И.* Современная социология организаций. М., 1995. С. 181–225.

Инновация представляет собой простейший вид *целенаправленных, управляемых* социальных изменений. Обычно различают инновации *вещественные* (новые орудия, средства труда, материалы и т. п.) и *социальные* (новые формы организации экономической, политической и культурной жизни). Кроме того, говорят о *радикальных*, или *базовых*, нововведениях, связанных с внедрением чего-то принципиально нового, и нововведениях *производных, модифицирующих*. Существуют и другие типологии нововведений.

Процесс внедрения инноваций в общественную жизнь редко протекает гладко и безболезненно. Если технические нововведения можно проверить за несколько часов, то с социальными инновациями дело обстоит гораздо сложнее. Как правило, они сталкиваются с уже существующими социальными нормами, и, даже будучи приняты, доказывают свою полезность не сразу, а иногда лишь спустя десятилетия.

В том, насколько безболезненно приживаются нововведения в обществе и приживаются ли они вообще, важную роль играет их совместимость с существующей культурой.

Инновации могут вступать в конфликт с существующей культурой. В этом случае они либо просто отвергаются обществом, либо, уступая давлению, принимаются вместе с их конфликтными чертами, которые время от времени вызывают протест, что делает нововведения неустойчивыми. Так было, например, в период реформ Петра I, когда европейские обычаи и традиции силой внедрялись в российскую повседневную жизнь.

Инновации могут не иметь аналога в существующей культуре и, следовательно, не вступать в противоречие с действующими нормами, однако и в этом случае общество воспринимает нововведения очень медленно и осторожно, придавая им, часто бессознательно, формы, сходные со старыми. Так, первые формы демократии выглядели как привычный совещательный орган при монархе. Сюда же можно отнести введение «пожизненного института президентства» в ряде бывших советских среднеазиатских республик в прошлом десятилетии как компромисс новых западных форм демократии и привычных мусульманских традиций.

Некоторые инновации, для того чтобы войти в существующую культуру, должны обязательно вытеснить из нее ряд прежних устаревших элементов. Мы прекрасно воспринимаем, например, западную эстраду или западные традиции свободы слова, однако воспринять западные формы цивилизованного бизнеса или демократии нам значительно сложнее, поскольку этому мешают, хотя во многом и отжившие, но привычные для нас образцы культуры.

Инерционность привычных моделей поведения подчас приобретает очень своеобразные формы. Одно из таких явлений социологи назвали «паразитической новацией»[8]. Речь идет о существовавшем еще в советские времена стремлении граждан «перехитрить систему», которая осознавалась значительной частью населения как чуждая, навязанная извне сила. Это стремление проявлялось в разных формах: от простого обмана и поиска лазеек в существующем законодательстве до преднамеренных и организованных противоправных действий. В условиях приватизации и развития рыночных отношений «паразитическая новация» расцвела пышным цветом. Значительная доля активного населения старается достичь своих личных целей не «благодаря», а «вопреки» системе, по принципу «хапнул — и бежать». Большинство предпринимателей открывают дело с расчетом на быструю прибыль, а не на долговременные вложения; массы людей, включая учащихся и пенсионеров, вовлечены во все виды незаконной торговли, контрабанды, уклонения от налогов и других гражданских обязанностей. Показательно, что такое поведение нередко воспринимается окружающими с одобрением и даже с завистью по отношению к тем, кому удается перехитрить систему.

В ходе российских реформ было совершено немало ошибок и просчетов. У населения накопилось много справедливых претензий к «системе». Но очевидно и другое — феномен «паразитической новации» стоит преградой на пути развития российского общества и способен свести на нет самые лучшие проекты и реформы.

Социальный эффект инноваций определяется, прежде всего, типом самой инновации. *Базовые* или *радикальные* инновации дают множественные социальные последствия, которые порождают цепную реакцию в самых разных областях общественной жизни и охватывают значительные периоды времени. Таким было изобретение парового двигателя, электричества, автомобиля, персонального компьютера, которые изменили общество снизу доверху.

Иногда социальный эффект становится следствием *конвергенции* или совместного соединенного воздействия нескольких инноваций. Технические возможности средств массовой информации в сочетании с достижениями психологических наук дали жизнь пропаганде, которая стала эффективным средством управления общественным мнением; атомный реактор, ракета с жидкостным топливом и электронная система, будучи соединенными вместе, породили оружие массового уничтожения.

---

[8] Там же. С. 308–309.

Современное индустриальное общество — общество динамичное, и в основе этой динамики лежит постоянный поиск и освоение нововведений. Сегодня научный и технический прогресс уже немыслим без непрерывного шквала нововведений, и, хотя значительная их часть несет с собой негативные социальные последствия, для многих стран остановка этого процесса равнозначна социальному катаклизму.

2. Социальные процессы, их виды и особенности протекания

В предыдущем параграфе было отмечено, что социальные процессы являются разновидностью массовых социальных изменений и связаны с массовым сознанием и поведением людей.

Массовое сознание и поведение являются продуктом современного индустриального общества, для которого характерны высокая степень компактности и плотности проживания населения и, самое главное, — широкие возможности, а значит, и неопределенность индивидуального выбора поведения. Если в традиционном обществе поведение индивида было достаточно жестко запрограммировано существующими нормами и образцами поведения, то в современном обществе, в силу его высокой социальной мобильности, диапазон индивидуального выбора поведения настолько широк, что его трудно предсказать однозначно.

Масса состоит из множества отдельных, изолированных друг от друга людей. В отличие от толпы, где индивиды собраны в ограниченном физическом пространстве и непосредственно взаимодействуют друг с другом, *массы людей* разбросаны, и в них отсутствует постоянный и осознанный контакт одного человека с другим. Под действием сходных симпатий, антипатий, увлечений и пристрастий большое количество отдельных, изолированных друг от друга индивидов совершает сходные поступки, которые могут быть самыми разными по своей направленности: от стремления во что бы то ни стало поменять рубли на доллары или всенародной поддержки нового политического лидера до увлечения детективной литературой или каким-либо религиозным учением.

Массовое поведение людей обычно не отличается устойчивостью, однако при определенных условиях способно вызвать к жизни серьезные социальные изменения. В современном обществе существует ряд сфер деятельности, которые не могут развиваться без учета, прогнозирования и даже управления массовым сознанием и поведением людей. К ним относятся, прежде всего, сфера политики,

потребительского рынка, шоу-бизнеса. Учет и прогнозирование массового поведения людей в названных и подобных им сферах жизнедеятельности обеспечивается через изучение «общественного мнения».

Общественное мнение представляет собой *определенное состояние массового сознания,* которое несет в себе некоторое отношение (симпатии, антипатии, безразличия и т. п.) к той или иной проблеме, событию, факту социальной действительности[9]. Регулярное измерение общественного мнения стало осуществляться сравнительно недавно, главным образом, после Второй мировой войны. Основным методом этого измерения служат различные виды опроса (анкетирование, интервью и др.).

Главным средством управления общественным мнением является **пропаганда.** Форм и разновидностей пропаганды множество: выступления ораторов перед публикой, статьи в газетах и журналах, специально подготовленные программы радио и телевещания, реклама, наглядная агитация, а также вся система образования и воспитания, поскольку она формирует у новых поколений определенные ценностные ориентации. Цель всех форм пропаганды одна — сформировать у населения систему фиксированных установок на одобрение или неодобрение какого-либо социального явления, в качестве которого чаще всего выступает политика правительства, партий и других социальных институтов и организаций.

Стратегии, методики и техника пропаганды отработаны сегодня до мельчайших подробностей, существует огромное множество разнообразных служб и агентств по организации общественного мнения — возможности современной пропаганды чрезвычайно велики. Однако и для пропаганды существуют определенные ограничения, хотя они и различны в обществах разного типа.

В тоталитарном обществе государство имеет монополию на пропаганду и полностью контролирует содержание и характер информации, поступающей к населению. В демократическом обществе всегда существует несколько очагов пропаганды, которые конкурируют между собой и ставят друг друга в достаточно жесткие рамки.

Другими ограничениями пропагандистского воздействия, которые имеют место при любом политическом режиме, являются степень доверия к источнику пропаганды; различный порог восприятия пропагандистского воздействия у людей с разным уровнем

---

[9] См.: *Краткий* словарь по социологии. М., 1989. С. 198.

образования и профессиональной подготовки; существование различных систем субкультуры, которые способны не только модифицировать результат пропаганды, но и оказывать ей активное противодействие.

Итак, основные черты социального процесса совпадают с аналогичными чертами массового поведения людей. Различие состоит лишь в том, что если массовое поведение людей не всегда ведет к социальным изменениям (например, массовые музыкальные пристрастия, увлечения «инопланетянами» и т. п.), то социальные процессы всегда производят такие изменения.

Классическую типологию социальных процессов разработали социологи Р. Парк и Э. Берджес. Они выделили шесть типов процессов — *кооперацию, конкуренцию, приспособление, ассимиляцию, амальгамизацию и конфликт*[10].

Кооперация в буквальном смысле означает сотрудничество, совместные, согласованные действия. В основе кооперации лежат или традиции, привычка трудиться сообща, характерные для ранних этапов человеческой истории, или понимание взаимной выгоды, пользы сотрудничества, которое имеет место в более развитом, прежде всего, индустриальном обществе. Кооперация пронизывает собой всю общественную жизнь. Функционирование большинства социальных групп, особенно малых, построено на совместных согласованных действиях. Социализация индивида в значительной мере состоит в выработке у него навыков сотрудничества, а подавляющее большинство вторичных социальных групп опять же создается для организации эффективного сотрудничества во имя достижения общих целей.

Конкуренция — это соперничество, противоборство между индивидами, социальными группами или обществами за овладение ресурсами, запасы которых ограничены и неравномерно распределены между людьми. Объектом конкуренции служат материальные блага, власть, социальный престиж, возможность получения хорошего образования, профессиональной подготовки, доступ к информации, культуре.

Конкуренция — универсальна, она существует и в условиях бедности, и в условиях богатства, поскольку люди никогда не могут удовлетворить все свои желания. В условиях безработицы люди соперничают из-за любой работы, а в благополучном, богатом обществе — из-за наиболее престижных и высокооплачиваемых

[10] См.: *Park R., Burgess E.* Introduction to the science of sociology. Chicago, 1924, 89 p.

рабочих мест. То же происходит в сфере потребления, образования, досуга. В сфере экономики организованные сообщества (предприятия, фирмы) борются за источники энергии, сырья, рынки сбыта, в области политики — за доступ к государственной власти. На макросоциальном уровне конкуренция проявляется как геополитическое соперничество между странами.

Характер конкуренции определяется типом общества. В обществе традиционном, сословном, где существуют в основном предписанные статусы, конкуренция имеет место внутри сословий (малых групп, организаций). В обществе современном, построенном на статусах достигаемых, конкуренция пронизывает все уровни общественной системы от индивидуального до глобального.

Конкуренция стимулирует социальную активность и выступает как эффективный механизм распределения ограниченных ресурсов. Одновременно она выполняет функцию социального фильтра, который дает преимущества наиболее активным и способным для перехода на более высокую ступень социальной иерархии. В этом отношении роль конкуренции трудно переоценить.

Вместе с тем конкуренции присущи и отрицательные стороны. Она формирует негативное отношение людей друг к другу, которое имеет тенденцию перерастать в конфликт. Кроме того, конкуренция, не дающая шансов на выигрыш, часто приводит к отказу от борьбы и перестает быть стимулом социальной активности.

Будучи предоставленной самой себе, конкуренция перерастает в свою противоположность — в монополию, диктат со стороны наиболее сильных, интересы которых никогда не совпадают с интересами всего общества. Поэтому конкуренция приносит пользу обществу лишь тогда, когда осуществляется по определенным правилам, в числе которых недопустимость использования противоправных средств, антимонопольное законодательство, предоставление преимущества отечественным производителям, гарантий социально незащищенным слоям населения и др.

Приспособление в самом общем смысле означает формирование типа поведения пригодного для жизни в изменившихся условиях внешней среды. В обществе этот вид социального процесса связан с принятием индивидом или группой культурных норм, ценностей и образцов поведения в новой среде. Процессы приспособления неизменно сопровождают все этапы социализации индивида. Поступив в школу, ребенок начинает приспосабливаться к новым незнакомым для него нормам и правилам; окончив школу он вынужден приспосабливаться к иным требованиям, которые к нему предъявляет трудовой или вузовский коллектив и т. д. В условиях

масштабных социальных перемен, связанных с революциями или радикальными реформами, задача приспособления приобретает общенациональный характер. Подобная ситуация сложилась в современном российском обществе в ходе реформ 90-х гг. XX в.

Ассимиляция является разновидностью приспособления и представляет собой процесс постепенного слияния группы меньшинства с доминирующей культурой[11]. Наглядным примером ассимиляции является процесс американизации иммигрантов, прибывших в США из Европы и Азии во второй половине XIX – начале XX в. Ассимиляция стирает культурные различия между группами, делает их более социально однородными и устраняет многие причины разногласий и конфликтов между ними.

Амальгамизация — процесс биологического смешивания двух или более этнических групп или народов, в ходе которого они постепенно утрачивают свои этнические различия. Именно так происходило формирование русской нации, которая сложилась в результате смешивания поморов, варягов, восточных и прибалтийских славян, татар, а также народов Сибири и Севера. Если же процесс амальгамизации не завершается — в обществе возникают социальные барьеры, связанные с «чистотой крови». Такие барьеры сегодня существуют, например, в США между «белыми» и «черными», в странах Центральной Америки — между гражданами испанского и афро-индейского происхождения, в Израиле — между выходцами из западной и восточной Европы и в ряде других стран.

Конфликт — это столкновение сторон (индивидов, социальных групп, общностей, организаций), при котором каждая из сторон стремится подчинить себе другую. Выделяют *предмет, носителей или стороны конфликта и стадии его протекания.* Конфликт можно рассматривать одновременно и как форму социального взаимодействия, и как социальный процесс. В первом случае исследуются стороны, вступившие в конфликт, определяются их ресурсы и характер взаимоотношений друг с другом, во втором — изучаются стадии развития конфликта, изменение отношений конфликтующих сторон во времени.

Конфликт — продукт социальных перемен, и сам, в свою очередь, ведет к социальным изменениям. Большинство социологов рассматривают конфликт как норму общественной жизни и видят его источник в неодинаковом доступе людей к социальным ресурсам, которое влечет за собой неравное положение индивидов

[11] См.: *Смелзер Н.* Социология. Пер. с англ. М., 1994. С. 650.

и социальных групп и противоречия между их интересами. Но поскольку социальными ресурсами распоряжается политическая власть, то социальный конфликт проявляется, прежде всего, как борьба за лидерство, власть, престиж, авторитет.

Конфликт выполняет роль индикатора возникающих социальных напряжений. Его разрешение способствует возрастанию адаптивных способностей общества, появлению новых механизмов социальной стабилизации. Социальный конфликт — это своеобразный «страхующий клапан» системы, который позволяет через последующие реформы и совместные усилия на новом уровне приводить социальный организм в соответствие с изменившимися условиями. Однако развитие конфликта нельзя пускать на самотек, большинство социальных конфликтов не разрешаются автоматически. Игнорирование и тем более подавление конфликта чревато опасностью социального взрыва.

Социальный конфликт развернут во времени, он представляет собой процесс, который проходит определенные стадии. Обычно выделяют три такие стадии: предконфликтную, конфликтную и послеконфликтную.

На **предконфликтной** (скрытой) стадии происходит накопление и обострение противоречий в системе межличностных и групповых отношений и осознание конфликтующими сторонами противоположности их интересов, целей, ценностей.

На **конфликтной** стадии стороны формируют психологические установки на борьбу (переходят от предубежденности и неприязни к откровенной враждебности), корректируют свои представления друг о друге, выбирают и реализуют определенную стратегию поведения.

Существуют три основных стратегии конфликтного поведения: 1) достижение своих целей за счет другой стороны, 2) компромисс и 3) устранение причин, породивших конфликт. Первые две стратегии не устраняют причин конфликта и сохраняют отношения противоборства. Последняя стратегия нацелена на исчерпание самого предмета спора, на превращение конфликтных отношений в отношения сотрудничества.

При полном разрешении конфликт прекращается на объективном и субъективном уровне, «образ врага» трансформируется в «образ партнера», а психологическая установка на борьбу сменяется ориентацией на сотрудничество. В случае полной победы одной из конфликтующих сторон причины конфликта не устраняются, и побежденная сторона спустя какое-то время может попытаться взять реванш. При частичном разрешении конфликта его причины

также не устраняются полностью, поэтому изменяется только внешнее конфликтное поведение сторон, а побудительные установки к продолжению противоборства сохраняются.

Социология конфликта выделяет несколько условий успешного разрешения конфликтов. В их числе своевременный и точный диагноз причин конфликта: объективно существующих противоречий, интересов, целей; обоюдная заинтересованность в преодолении противоречий на основе взаимного признания интересов каждой из сторон; совместный поиск путей преодоления конфликта — прямой диалог сторон, переговоры через посредника, с участием третьей стороны и т. п.

На **послеконфликтной** стадии предпринимаются усилия для окончательного устранения противоречий интересов сторон, ликвидации социально-психологической напряженности и прекращения любой борьбы. Важно, чтобы ни одна из бывших конфликтующих сторон не чувствовала себя побежденной — в противном случае сохраняется основа для возобновления конфликта в будущем.

Существуют различные способы классификации социальных конфликтов. Различают конфликты *открытые* и *закрытые*, *антагонистические* и *неантагонистические*, *долговременные* и *кратковременные*, *конфликты с нулевой суммой*, когда победа одной из сторон обязательно предполагает поражение другой, и *конфликты не с нулевой суммой*, когда имеется хотя бы одна возможность достижения взаимного согласия. Говорят о *конфликтах-схватках*, *конфликтах-дебатах* и *конфликтах-играх*. По сферам общественной жизни выделяют *социально-экономические, политические, национально-этнические* и подобные им конфликты.

Такова классическая типология социальных процессов, предложенная еще в первой половине XX в., однако в современной социологии существуют и другие подходы к их классификации[12]. Социальные процессы различают, например, *по форме* (линейные, нелинейные, восходящие, нисходящие, циклические и т. п.), *по конечному результату* (инновационные и адаптивные, поддерживающие), *по сферам общественной жизни* (экономические, политические, культурные и т. п.), *по механизму протекания* (непрерывные эволюционные и дискретные скачкообразные), *по характеру причинной обусловленности* (первичные базовые и вторичные производные), а также *по уровню протекания* (микропроцессы в малых группах, в больших социальных группах и сообществах и на макро- или глобальном уровне, охватывающем все человечество).

---

[12] См.: *Штомпка П.* Социология социальных изменений. Пер. с англ. М., 1996. С. 31–44 и др.

Тенденция *глобализации социальных и культурных процессов* обнаружила себя примерно с середины XX в. и наиболее ярко проявилась в последние десятилетия. Эта тенденция выражается в усилении политической, экономической и культурной взаимозависимости всех стран и народов, проживающих на нашей планете, в развитии международного сотрудничества, связанного с решением комплекса проблем «выживания человечества» (экологической, энергетической, продовольственной и т. п.). Считается, что тенденция глобализации в перспективе должна привести к становлению человечества как единого мирового сообщества, однако контуры этого сообщества пока не совсем ясны — представления о том, к чему приведет тенденция глобализации очень различаются между собой[13]. Одни авторы видят будущее человечества в виде единой экономической системы, лишенной центральной политической власти, другие сохраняют в рамках этой системы неравенство между передовыми и отсталыми странами, третьи ставят во главу угла культурную унификацию — глобальный процесс экспансии западной культуры; четвертые рассматривают глобальное сообщество как совокупность суверенных национальных государств, включенных в процесс экономического, политического и культурного обмена; пятые видят это сообщество под началом некоего мирового правительства и т. д.

Вряд ли сегодня можно предвосхитить будущее человеческого сообщества, однако очевидно, что Россия играет заметную роль на международной арене и испытывает на себе воздействие всего комплекса тенденций глобализации.

Процессы, происходящие сегодня в российском обществе, не позволяют однозначно определить его место в мировом сообществе. Крах мирового социализма и распад СССР привели к тому, что Россия утратила большинство прежних позиций сверхдержавы, но одновременно приобрела уникальные возможности построения качественно новой системы отношений с другими странами. Сегодня Россия находится в процессе глубоких социальных перемен, начало которым было положено «перестройкой» второй половины 80-х и реформами начала 90-х гг. и которые сопровождаются кризисными явлениями во всех сферах жизни общества. Место России в мировом сообществе во многом будет зависеть от того, насколько быстро и каким способом Россия сможет преодолеть эти кризисные явления и решить свои собственные, внутренние проблемы.

---

[13] Там же. С. 120–132.

3. Социальные движения, условия их развития и распространения

Если *социальные процессы* опираются на массовые не скоординированные действия индивидов и в силу этого производят изменения в обществе непроизвольно и непреднамеренно, то *социальные движения* специально создаются для того, чтобы служить инструментом этих изменений. На начальных стадиях своего развития социальные движения практически неотличимы от социальных процессов, на конечных стадиях — представляют собой мощную организованную силу.

Существует множество определений социальных движений, но в каждом из них подчеркиваются по сути одни и те же черты — коллективность, единство, совместность действий значительных масс людей и их связь с социальными изменениями. Суммируем эти определения.

Социальное движение представляет собой совокупность сопряженных, скоординированных действий большого числа людей, направленных на поддержку определенных социальных изменений или против них.

Социальное движение в своем зрелом виде имеет неоднородную структуру. В центре движения находится некая организация, его среднюю часть составляют индивиды, способные к коллективным групповым действиям во имя интересов движения, а громадная периферия состоит из изолированных друг от друга индивидов, действия которых характеризуются массовым поведением, как это имеет место при социальных процессах.

Когда возникли социальные движения? Античные историки описывают восстания рабов и взрывы массового недовольства населения. Средневековье помнит крестовые походы и крестьянские войны. Эпоху Возрождения и Реформации сопровождали культурные, этнические и религиозные движения. Социальные движения имели место и в период великих буржуазных революций, однако только в последние два столетия они стали многочисленны, приобрели массовый характер и стали вызывать к жизни структурные общественные сдвиги.

Социальные движения весьма разнообразны и классифицируются по различным основаниям.

1. В зависимости от масштаба или глубины предполагаемых изменений выделяют *реформистские* и *революционные* социальные движения.

Реформистские (движения реформ) не требуют коренных перемен и направлены на изменение отдельных сторон жизни общества

без полной его трансформации. Движения этого типа в своем законченном виде возникают только в демократических обществах, где люди могут открыто выражать свое мнение, критиковать существующие порядки и изменять их по желанию большинства. Движения реформ не могут развиваться в условиях тоталитарных режимов, при которых попытка любых социальных изменений расценивается как угроза существующей системе власти.

Разновидностей движений реформ множество: движения за принятие или отмену какого-либо закона, движения в защиту окружающей среды, феминистские движения, антивоенные, и т. п.

Когда реформы направлены на изменение социальных институтов, занимающих стратегическое положение в обществе (политический режим, форма правления, государственное устройство и т. п.), они могут иметь гораздо более далеко идущие последствия, чем предполагалось вначале. Такие реформы называются радикальными. К ним относятся движения за гражданские права этнических и расовых меньшинств, за национальное освобождение в колониальных странах. Реформы, проводимые сегодня в России, также следует отнести к разряду радикальных.

Революционные движения нацелены на коренное изменение всей социальной системы, которое осуществляется обычно насильственными методами. Революции следует отличать от государственных переворотов, которые оставляют институты и систему власти в обществе неизменными, меняя только людей, стоящих у власти.

В среде ученых и политиков отношение к революционным движениям всегда было неоднозначным. В XIX в. большинство из них рассматривали революцию как очень драматичную, но необходимую форму социальных изменений, с помощью которых общество совершает прорыв в будущее. Революция отождествлялась с динамичным, прогрессивным развитием общества, и такой подход нашел свое концептуальное выражение в теории К. Маркса.

В XX в. отношение к революции изменилось на диаметрально противоположное. Революция рассматривалась уже не как проявление высшей логики истории, а как кризис, стихийное бедствие, катастрофа, приводящая в большинстве случаев к последствиям, прямо противоположным тем целям, во имя которых революция совершалась.

Современная немарксистская наука отказалась от попыток определить место и роль революций во всемирно-историческом процессе и изучает революционные движения как разновидность массового коллективного поведения людей в критических ситуациях. Современные теории сосредоточили основное внимание

на условиях возникновения, механизмах протекания и возможных сценариях развития революционных движений.

Вот как, например, выглядят наиболее типичные стадии развития этих движений с точки зрения американских социологов Л. Эдвардса и К. Бринтона.

• Усиление недовольства и озлобленности населения в течение ряда лет вследствие социального кризиса, который наиболее болезненно ощущается восходящими классами, а не теми, кто нищ и подавлен.

• Распространение в обществе критических взглядов, направленных против существующего режима.

• Попытка правящего режима отвести нарастающую угрозу с помощью частичных реформ, которые, однако, не находят понимания со стороны общества.

• Революционный взрыв, вызванный колебаниями и слабостью правящей верхушки.

• Крушение старого режима и короткий период эйфории после победы.

• Политическое размежевание среди революционеров-победителей на консерваторов, умеренных и радикалов.

• Период правления умеренных, которые пытаются сохранить некоторую преемственность с прежним режимом, что входит в противоречие с чаяниями и надеждами масс и вызывает у них разочарование.

• Выход на активные позиции экстремистов и радикалов, которые используя недовольство масс захватывают власть, смещают умеренных и уничтожают всякую оппозицию.

• Период террора, когда радикалы пытаются силой стереть все приметы старого режима и ввести новый порядок.

• Постепенный возврат к спокойному состоянию, устойчивой власти, когда акцент смещается с политических изменений на экономический прогресс и социальную стабильность[14].

В развитом демократическом обществе революции маловероятны, поскольку демократия создает возможности для проведения социальных реформ, которые отодвигают революцию. Революционные движения возникают там, где реформы блокируются в такой степени, что единственным способом устранения социальных напряжений и конфликтов становится революция.

2. В зависимости от направленности социальных движений различают *прогрессистские* и *консервативные* движения.

---

[14] См.: *Edwards L., Brinton C.* The anatomy of revolution. N.Y., 1959. P. 150–155.

Прогрессистские движения стремятся создать новые институты, принять новые законы, внедрить новый образ жизни, новые жизненные ценности, которых раньше не существовало.

Консервативные движения сохраняют верность традициям или стремятся к их возрождению. К первым, например, относятся многочисленные движения социалистов, ко вторым — движения за этническое, религиозное возрождение (в том числе исламский фундаментализм), движения за восстановление монархического строя в бывших социалистических странах и т. п.

3. В зависимости от стратегии или способа, которым представители социальных движений стремятся осуществить социальные изменения, различают *инструментальные, экспрессивные и утопические* движения.

Инструментальные движения направлены на изменение окружающей социальной среды средствами политической власти. К ним относятся все реформистские и революционные социальные движения.

Экспрессивные движения не стремятся изменить социальную действительности, а направлены на самовыражение и самосовершенствование. Они возникают тогда, когда окружающая социальная действительность не устраивает людей, а они не в состоянии ее изменить. В этом случае люди с помощью фантазий, ритуалов, танцев, игр и других форм эмоционального выражения создают вокруг себя особый искусственный мир, особую субкультуру, которая отгораживает их от неприглядной действительности и делает их жизнь терпимой.

Экспрессивные движения возникли в глубокой древности. К ним можно отнести *мистерии,* существовавшие в Древней Греции, Древнем Риме, Персии и Индии. В современном обществе экспрессивные движения чаще всего проявляются в молодежной среде — это *хиппи, рокеры, панки, металлисты* и им подобные. Часто в основе экспрессивных движений лежит идеализация прошлого — «славная история», «подвиги отцов и дедов». Так возникают *движения ветеранов войны, дворянские собрания* и т. п., которые возрождают давно ушедшие ритуалы, символику и стиль поведения. Сюда же относятся многочисленные мистические или религиозные движения, которые борются за спасение своих членов и возрождение религиозного духа, ограничиваясь рамками своих религиозных общин и не вмешиваясь в светскую общественную жизнь.

Утопические движения также возникают из-за неудовлетворенности людей существующим обществом и также стремятся создать свой собственный иллюзорный мир, однако представители этих

движений не ограничиваются чисто умозрительным конструированием, а пытаются воплотить в жизнь свои представления об идеальном общественном устройстве.

Движения этого типа возникли в глубокой древности и первоначально были исключительно религиозными по своему характеру (движение первых христиан, религиозные секты Востока, основанные на всеобщем равенстве, и им подобные). Светские утопические движения были особенно популярны в XVIII–XIX вв. (коммуны Р. Оуэна, фаланстеры последователей Ш. Фурье и т. п.), но, просуществовав короткое время, быстро распадались из-за внутренних противоречий.

В современном мире утопические движения продолжают существовать (например, построенные по типу коммун израильские *кибуцы*), но они уже не пользуются прежней популярностью и нередко встречают сопротивление со стороны законопослушной части членов общества.

Существуют и другие типологии социальных движений. Их различают *по сферам общественной жизни*: экономические, политические, национально-этнические, культурные и т. п.; *по «вектору» изменений*: движения, контрдвижения и альтернативные движения (когда имеют место симметричные пары типа «левые — правые», «сионисты и антисемиты», «атеисты и фундаменталисты» и т. п.; *по отношению к современности*: *движения старые*, построенные по классовому принципу и ориентированные на экономические и политические интересы (тредюнионистские, рабочие и фермерские движения) и *движения новые*, очень разнородные по своему социальному составу и выдвигающие на передний план общечеловеческие проблемы (экологическое, феминистское движение, движение за мир и т.п).

Все социальные движения, независимо от их типа, проходят сходные стадии развития. Можно выделить четыре таких стадии: *возникновения, мобилизации, формализации* и *институционализации*.

На *стадии возникновения* у людей появляется чувство социальной несправедливости по отношению к происходящим в обществе переменам, ощущение неуверенности в завтрашнем дне, — возникает социальная напряженность. Появляются агитаторы и организаторы движений, все требуют начала активных действий — происходит идеологическое осознание сложившегося положения. Чтобы движение заявило о себе открыто, вышло наружу, необходимо некоторое событие, повод, прецедент. Если этого не происходит, движение распадается, так и не превратившись в организованную силу.

На *стадии мобилизации* движение приобретает массовость, выдвигает лидеров, внутренне дифференцируется на элиту и рядовых

членов, активистов и сочувствующих, последовательных сторонников и случайных попутчиков, выделяются ведущая элита и рядовые члены. Эта стадия занимает короткий промежуток времени и при благоприятных обстоятельствах непосредственно переходит в стадию организационного оформления социального движения.

На *стадии формализации* социальное движение превращается в организацию со своей структурой, идеологией, программой, стратегией и тактикой. Не все социальные движения проходят эту стадию, но именно организация позволяет социальному движению добиться значительных изменений в обществе, направить энергию возбужденных масс на достижение строго определенных целей. Стадия формализации также занимает короткий промежуток времени и довольно быстро сменяется стадией институциализации.

На *стадии институционализации* социальное движение интегрируется в существующую социальную структуру общества и превращается в социальный институт по защите интересов своих членов, со своим чиновничьим аппаратом, статусно-ролевой иерархией, своими правилами поведения, символикой, униформой, зданиями, автомобилями, спонсорами и т. д.

Какие условия способствуют развитию социальных движений?

Если рассматривать общество как систему, то такими условиями являются *социальная дезорганизация* и *аномия*, когда нарушается привычный порядок вещей, и многочисленные слои населения начинают испытывать неудовлетворенность существующим положением. Однако социальная нестабильность не делает автоматически все взрослое население участниками социальных движений — существуют индивиды, обладающие особой предрасположенностью к участию в социальных движениях.

Среди факторов, определяющих такое участие, социологи называют в первую очередь следующие: *высокая степень социальной мобильности* индивида, которая затрудняет его интеграцию в социальные общности и вызывает чувство общей социальной неудовлетворенности (мигранты и им подобные); *маргинальность*, порождающая чувство растерянности, тревоги, а в конечном счете, недовольство и озлобленность; *социальная изоляция*, обусловленная характером труда или образом жизни (шахтеры, моряки, старатели, интеллектуалы, работающие индивидуально, и т. п.); *потеря или угроза снижения социального статуса*; *потеря семейных связей*; *личная неустроенность* (неудачники, невротики, демобилизованные, временно не работающие и т. п.)[15].

[15] Подробнее см.: *Фролов С.С.* Основы социологии: Учебное пособие. М., 1997. С. 284–289.

Большинство социальных движений несет в себе и созидательный, и разрушительный потенциал, их воздействие на общество бывает трудно оценить однозначно, а последствия этого воздействия нередко ощущаются еще долго после того, как само движение прекратило свое существование. Социальные движения служат одним из способов изменения общества. Эти изменения могут быть необходимыми, но болезненными. Но именно социальные движения способны сконцентрировать силы для проведения таких изменений.

В последнее десятилетие в России происходят радикальные социальные перемены практически во всех сферах жизни общества. Эти перемены часто протекают неполно, непоследовательно и потому очень болезненно.

Ситуация усугубляется еще и тем, что в стране отсутствует единая для всех социальных слоев общества система духовных ценностей, нет общепризнанных, всеми одобряемых целей жизни индивидов и, соответственно, нет общепризнанных законных средств их достижения. То, что признается в качестве жизненной цели одними социальными слоями, категорически отрицается другими. Так, например, если одни считают перепродажу товаров с целью наживы естественной и законной, то другие решительно не приемлют это средство достижения богатства, признавая в качестве такового только честный труд. В России есть немало людей, для кого богатство, власть вообще не являются стимулами особой активности. Одни их просто презирают, считая главной ценностью высокий профессионализм и творческое самовыражение, другие, как и раньше, предпочитают «не высовываться».

Сейчас в России сосуществуют сразу несколько систем социокультурных ценностей — *социалистические*, тесно связанные с ценностями традиционного общества; *ценности индустриального общества*, ориентированные на высокий уровень производства, массового образования и потребления; *ценности дикого нецивилизованного капитализма* с его ориентацией на наживу и стяжательство; и наконец, *ценности постиндустриального общества*, в центре которых творческий труд ради самореализации.

Несовпадение базовой системы жизненных ценностей у разных слоев общества приводит к тому, что *процессы кооперации и сотрудничества*, столь необходимые для преодоления кризисных явлений, не являются доминирующими в российском обществе. Среди активной части населения преобладают *процессы соперничества и конкуренции*, которые протекают в крайне нецивилизованных формах. Основная же масса населения не имеет необходимых материальных и культурных возможностей и ресурсов чтобы «жить

по-новому». Здесь и отсталость существующей технологической базы, отсутствие накоплений, «первоначального капитала», несоответствующий современным требованиям уровень общего и профессионального образования, отсутствие или неразвитость способностей к рациональной самоорганизации, стремления полагаться на самого себя, свой труд, и, наконец, элементарное социальное иждивенчество — привычка получать все блага сверху, от государства. Эти слои населения включены в *процессы приспособления* к сложившейся неблагоприятной ситуации, которые зачастую приобретают противоправный и даже криминальный характер.

Неоднородность российского общества в социокультурном отношении содержит в себе возможность нескольких альтернативных вариантов его дальнейшего развития. Авторы фундаментального прогноза «Россия: двадцать лет спустя ...»[16] называют четыре возможных сценария развития событий в российском обществе.

Первый сценарий — «сползание» — отражает реальные события второй половины 90-х гг. и рисует картину российской экономики и общества в целом, скользящих вниз по наклонной плоскости. Слабость государства и острая борьба за передел власти и собственности создали в обществе атмосферу неустойчивого социального равновесия. Наступит момент, когда это равновесие будет нарушено, и тогда дальнейшее развитие России может пойти по одному из следующих трех сценариев.

Второй сценарий — «двуглавый орел» — предполагает восстановление власти центрального правительства на основе союза крупного российского бизнеса и директоров промышленных предприятий с силовыми структурами. Данный сценарий предполагает возрождение великодержавных традиций российского прошлого и, вновь ставит экономику в зависимость от государства.

Третий сценарий — «смутное время» — ведет в обратном направлении и рисует несколько вариантов возможного развития событий в случае дальнейшего ослабления государственной власти и полной утраты централизованного управления. Он предполагает долгий и мучительный распад России на несколько составляющих, тяготеющих к соседним регионам (Японии, Китаю, скандинавским странам, Германии и т. п.), который может прерываться периодическим «собиранием русских земель». В атмосфере общей нестабильности не исключена и более жестокая реакция — возникновение авторитарного агрессивного националистического государства,

---

[16] См.: *Ергин Д., Густафсон Т.* Россия: двадцать лет спустя. Четыре сценария. Пер. с англ. М., 1995.

враждебного внешнему миру и намеревающегося возродить российское господство над государствами бывшего Советского Союза.

Последний, *четвертый сценарий — «русское чудо»* — предполагает быстрый взлет российской экономики и считается наименее вероятным из-за отсутствия или неразвитости необходимых технологических и социально-культурных предпосылок.

Наиболее благоприятный для России вариант развития — плавное и постепенное движение в сторону постиндустриального общества — является одновременно наиболее сложным. Он предполагает формирование механизма социального контроля, который обеспечивал бы доминирование в российском обществе постиндустриальных ценностей и институциональных средств их достижения, создание для всех слоев общества реальных возможностей для осуществления этих ценностей на практике.

События последнего десятилетия показывают, что выход России из сегодняшнего структурного кризиса скорее всего будет длительным, противоречивым и непоследовательным. Он будет протекать в виде приливов и отливов до тех пор, пока не сложится единая для большинства членов общества новая система ценностных ориентаций и не сформируется соответствующая ей иерархия социальных статусов и ролей.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

ГЛАВА I. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ 5

1. «Досоциологический» этап познания общества. Исторические условия возникновения социологии 5

2. Классический период в развитии социологии 9

3. Развитие социологии в России в конце XIX – начале XX вв. 24

4. Основные направления западной социология XX века 38

ГЛАВА II. СТРУКТУРА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ И ЕГО МЕСТО В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК 56

1. Объект и предмет социологии 56

2. Структура и методы современного социологического знания 60

3. Социология права как отраслевая социологическая теория 64

ГЛАВА III. МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ЭМПИРИЧЕСКИХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 73

1. Программа и этапы эмпирического исследования. Выборочный метод в социологии 73

2. Методы сбора первичной социальной информации 85

ГЛАВА IV. ОБЩЕСТВО И ЕГО СТРУКТУРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ 91

1. Общество как социальная система. Структура и формы социального взаимодействия 91

2. Институционализация и ее этапы. Виды и функции социальных институтов 104

3. Социальные общности, группы и организации 112

4. Социальная структура общества и основания ее классификации 125

ГЛАВА V. ЛИЧНОСТЬ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ 128
1. Понятие личности в социологии и основные подходы к ее изучению 128
2. Статусно-ролевая концепция личности 134
3. Социализация личности: факторы, механизм, этапы 139
4. Проблемы адаптации личности к социальным нормам и ролям 142

ГЛАВА VI. СЕМЬЯ КАК ЭЛЕМЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОБЩЕСТВА 147
1. Понятия «семья» и «брак» в социологии 147
2. Исторические формы брака и типы семьи 152
3. Основные тенденции развития семейно-брачных отношений в России в XX веке 157
4. Социально-демографические параметры общества. Демография и социология 163
5. Современная демографическая ситуация в России 172

ГЛАВА VII. ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПОСЕЛЕНЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА 179
1. Поселение как социально-культурная среда и социальная общность 179
2. Основные типы поселений и виды социально-территориальных общностей 185
3. Урбанизация: понятие, история, перспективы 196

ГЛАВА VIII. НАЦИОНАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА 201
1. Этнос как социальная общность, его признаки и условия формирования 201
2. Исторические типы этнических общностей 205
3. Особенности формирования русского национального самосознания 213
4. Этнический состав населения современной России 219

ГЛАВА IX. СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО: ОСНОВАНИЯ И МЕХАНИЗМЫ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ 229
1. Социальная стратификация как структурированное неравенство 229
2. Понятие и виды социальной мобильности 237
3. Исторические формы социальной стратификации 248

4. Стратификация российского общества в дореволюционный и советский периоды 258
5. Динамика социально-классовой структуры современного российского общества 270

ГЛАВА X. СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ 275
1. Социальные изменения и социальная стабильность 275
2. Социальные процессы, их виды и особенности протекания 284
3. Социальные движения, условия их развития и распространения 292

Учебное издание

Беляев Андрей Алексеевич
Бельский Виталий Юрьевич
Лощаков Дмитрий Георгиевич

СОЦИОЛОГИЯ

Учебник

Редактор *К.Л. Ходжабегова*
Корректор *Н.Н. Таланчук*
Компьютерная верстка *Л.Д. Афанасьевой*
Оформление серии *Е.А. Дони*

ЛР № 070824 от 21.01.93

Подписано в печать 10.12.2001. Формат 60x90/16.
Усл. печ. л. 19,0. Печать офсетная.
Тираж 6 000 экз. Цена договорная.
Заказ № 4804.

Издательский Дом «ИНФРА-М»
127214 Москва, Дмитровское шоссе, 107
Тел.: (095) 485-74-00; 485-70-63. Факс: (095) 485-53-18
Робофакс: (095) 485-54-44
E-mail: books@infra-m.ru
http://www.infra-m.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных диапозитивов в Тульской типографии.
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

ISBN 5-16-000917-5

